

М.С.Беленький

Иудаизм

Б И Б Л И О Т Е К А

• С О В Р Е М Е Н Н Ы Е

Р Е Л И Г И И •

Библиотека

■ *Современные*

религии ■

«СОВРЕМЕННЫЕ РЕЛИГИИ»

Это серия книг, рассказывающих о вероучении и культе основных религиозных направлений, и наиболее распространенных религиозных организаций, их структуре, моральных поучениях, деятельности в наши дни. В библиотеку «Современные религии» входят книги:

- *Православие.*
- *Католицизм.*
- *Протестантские церкви.*
- *Ислам.*
- *Буддизм.*
- *Иудаизм.*
- *Баптизм.*
- *Адвентизм.*
- *Пятидесятники.*
- *Меннониты.*
- *Православные секты.*
- *Духовные христиане.*
- *Униаты.*

Вся серия выйдет в свет в течение 1966—1968 гг.

М. С. Беленький

Иудаизм

Москва • 1966

Издательство
политической литературы

Эта книга из серии «Современные религии» рассказывает об иудейской религии, распространенной в разных странах мира. Ее автор, известный советский историк, подробно разбирает догматику иудаизма, мораль, культ, показывает роль иудейской религии в истории общества.

Не ограничиваясь историческим анализом, автор останавливается на современном положении иудаизма, на особенностях деятельности иудейских священнослужителей в наши дни.

Большинство книг по иудаизму занято проблемой влияния иудейской религии на формирование христианства и ислама. В настоящем очерке главное внимание уделено догматике, культу, обрядам и праздникам иудаизма. Автор в данной книге стремится с достаточной полнотой охарактеризовать иудейскую религию, используя новые материалы из зарубежной печати, личные наблюдения.

Книга рассчитана на широкий круг читателей. Она с пользой будет прочитана теми, кто проявляет интерес к истории религии и атеизма.

Отзывы и пожелания просим посылать по адресу: Москва, А-47, Миусская пл., 7, Политиздат. Редакция атеистической литературы.

В разнообразной литературе об иудаизме прослеживается острая борьба двух непримиримо противоположных концепций: богословско-идеалистической и научно-атеистической. В представлении теологов и идеалистов, рассматривающих всемирную историю как воплощение воли и промысла высшего существа, первоначальное иудейское вероучение, или пророчество, служило полем деятельности и поприщем реализации духа, грядущего в христианстве.

Буржуазные историки религии и многие христианские теологи «открыли» в иудаизме изначальную ступень вероучения Иисуса Христа, а в самом христианстве — «славу и резюме» иудейства. Типичным представителем такого взгляда был Э. Ренан. В заключении к своей двухтомной «Истории израильского народа» он писал: «Христианство есть конечный

пункт и, говоря несколько антропоморфично, цель, конечная причина иудаизма. После зарождения христианства иудаизм еще продолжал существовать, но как засохший ствол наряду с единственно плодотворной ветвью»¹.

Иудейские богословы и еврейские буржуазные историки понимают под иудаизмом исключительно «национальное мировоззрение», завершённую «духовную культуру» еврейского народа. Так, по мнению С. Дубнова, иудаизм настолько «широк и многообразен», что почти всякий «может взять из него то, что соответствует его заветным убеждениям». Правоверный еврей, подчеркивает историк, признает все догмы и обряды иудаизма, свободомыслящий — находит в нем этический смысл, сторонник мистицизма видит в нем основу для слияния со сверхчувственным миром и т. п.²

В условиях капитализма еврейская буржуазия и ее идеологи пытались очистить иудаизм от наиболее устаревшего и отжившего, чтобы лучше использовать его для укрепления своего влияния на трудящихся евреев. Подчищенный или реформированный иудаизм пытался создать «новые» основы для своей веры. «Средневековье минуло для нас невосвратно, — писал идеолог обновителей иудаизма А. Гейгер, — и нам

¹ Э. Ренан. История израильского народа. Спб., 1908, стр. 609.

² См. С. Дубнов. Письма о старом и новом еврействе. Спб., 1907, стр. 17—18.

ли желать восстановления его поблекшего величия и пребывания среди его развалин, где несет плесенью и отдает могильным запахом. Современный нам иудаизм должен предпринять серьезную борьбу с средневековьем, так как он берет начало не в нем, а в седой древности»¹.

По зову Гейгера многие иудейские теологи Запада и России стали отыскивать в иудаизме некую духовную, нравственную религию. Так, М. Каценельсон в своей книге «Основные идеи юдаизма» утверждал: «Выражаясь кратко и ясно, юдаизм есть система религиозно-этических идей, а история юдаизма — история эволюции религиозно-этических идей и связанного с этой эволюцией народного творчества»².

Этический иудаизм широко проповедуется в среде современных адептов синагогального культа.

Решительно опровергнув построения богословов и идеалистов, советские историки и атеисты под иудаизмом понимают религию, которая главным образом распространена среди евреев. Изучая социальные условия жизни евреев, И. И. Скворцов-Степанов, Ем. Ярославский, Н. М. Никольский, А. Б. Ранович, И. Г. Франк-Каменецкий и др. доказали, что иудаизм по своему происхождению и социальной функции ничем не отличается от других религий. Они отбросили

¹ А. Гейгер. Еврейство в XIX столетии. «Восход» (Спб.), 1883, № 5—6, стр. 141.

² М. Каценельсон. Основные идеи юдаизма. Вильно, 1914, стр. 28.

антинаучные утверждения богословов и буржуазных историков о том, будто иудейский религиозный закон имеет особый этический смысл и открыт богом евреям «от века».

Советские историки изучение иудаизма ведут исключительно с научных позиций. Они рассматривают иудаизм в свете реальной истории еврейского народа и в сравнении с верованиями других народов, этнически близких к евреям. «Только таким образом,— подчеркивает Скворцов-Степанов,— история израильской религии становится на твердую почву и разрешаются бесконечные противоречия, из которых не хотят и не могут выбраться богословы, прилагающие все свои силы для спасения старого Яхве и для укрепления вконец расшатанной первоосновы современных европейских религий»¹.

Иудаизм, твердят защитники религии, является богооткровенным учением, а его культ и праздники вытекают из глубин «народной души». Современный израильский богослов И. Бергман, например, пишет, что «иудаизм зиждется на божественной книге, на Торе², которая нам дана свыше»³, а потому каждое «еврейское дитя» рождается верующим. Заодно с ним современный главный раввин государства Израиль

¹ И. И. Скворцов-Степанов. Происхождение нашего бога. М., 1958, стр. 86.

² Тора — первая часть Библии, так называемое Пятикнижие.

³ И. Бергман. Иуданзм. Иерусалим, 1934, стр. 39 (на яз. иврит).

Исер Иегуда Унтерман и израильский проповедник Иосеф Бург не перестают утверждать, что еврей буквально по воле господа является последователем иудейского вероучения. Раввин Московской хоральной синагоги Левин также проповедует, что в каждом еврее есть «нищоц элоким», т. е. искра божья, а потому вера в иудаизм «всеяна» в душу еврея самим Яхве на вечные времена. Все подобные проповеди рассчитаны на то, чтобы убедить еврейскую молодежь, будто иудаизм — извечно присущий атрибут ее психики, а синагога — один из важнейших устоев современного общества.

Как в действительности прививались те религиозные чувства, которые раввины объявляют врожденными, богаданными? Об этом убедительно рассказывает современный крупный ученый Польши Леопольд Инфельд. «Я,— пишет он,— родился в конце XIX века. Моя юность, наложившая отпечаток на более поздние годы, протекала в религиозной атмосфере. Религия вошла в мою жизнь тремя сильными течениями, через еврейскую школу — хедер, через синагогу и наш дом».

Наиболее сильное влияние на формирование сознания юноши оказывал хедер. «Пяти лет,— говорит Л. Инфельд,— меня посадили в хедер. Класс был маленький, скамьи узкие, жесткие и ужасно неудобные. Окна были закрыты в течение всей зимы, чтобы сэкономить на топливе. Воздух был тяжелый и смрадный. Запах пота смешивался с запахом лука

и картофеля, которые готовили рядом на кухне»¹. В такой обстановке собирали 20—25 мальчиков и в их несчастные головы вдавливали основы грамоты и веры. Чувства и переживания этих ребят ярко выразил Шолом-Алейхем в своем рассказе «Меламед Бойаз»². «То, что я пережил в тот день,— пишет он от имени мальчика,— когда мать взяла меня за руку и отвела в хедер к меламеду Бойазу, чувствует, вероятно, малый цыпленок, когда его несут к резнику. Бедный цыпленок весь дрожит, трепещет. Понимать-то он не понимает, но чувствует, что тут дело пахнет не просом, а чем-то другим... Недаром мать утешала меня, говорила, что добрый ангел сбросит мне грош с потолка, недаром подарила она мне целое яблоко и поцеловала в лоб, недаром просила Бойаза, чтобы он обращался со мной помягче, бога ради, помягче, потому что дитя лишь недавно болело корью»³.

Учителя религиозных школ были людьми невежественными в области педагогики, решающее значение для них имел кнут.

С тонким юмором рассказывает Шолом-Алейхем о преподавательском «даровании» учителя Бойаза. «Метод его был очень прост: розги. Почему именно розги? Он объяснял это с помощью логики, приводя в пример лошадь: «Почему лошадь бежит? Потому,

¹ Л. Инфельд. Религия и я. В кн. «Критика иудейской религии». М., 1964, стр. 404.

² Меламед — учитель хедера.

³ Шолом-Алейхем. Собр. соч., т. 4., М., 1960, стр. 269.

что боится. Чего лошадь боится? Кнута. Точно так же с детьми. Ребенок должен бояться: бояться бога, бояться ребе¹, бояться родителей, бояться греха, бояться дурной мысли... А для того, чтобы ребенок всегда боялся, надо ему отстегнуть штанишки, и всыпать десятка два горяченьких: березовая каша — пища наша». Да здравствует розга! Да здравствует плеть! Так говорит Бойаз и берет в руки плетку, он берет ее медленно, не спеша, осматривает со всех сторон, словно священный цитрус, потом серьезно, с толком принимается за работу»². Обобщая систему религиозного воспитания, Шолом-Алейхем верно уловил, что в ее основе лежал страх. Потому-то в хедерах пороли всегда и постоянно. «Одним словом, розги, плетка, страх и слезы — вот что властвовало тогда в нашем маленьком глупом детском мире, и не было ни способа, ни средства, ни луча надежды на выход из этого ада»³.

В религиозных школах изучали Ветхий завет и Талмуд. «Священные» книги давали содержание, а иудейское вероучение — норму всему учебно-воспитательному процессу. Преподаватели религиозных школ и училищ постоянно твердили своим ученикам, что Библия и Талмуд — книги богооткровенные, их нельзя понять разумом и исследовать, как прочие любые книги, их только можно благоговейно комментиро-

¹ Т. е. учителя религиозной школы.

² Шолом-Алейхем. Собр. соч., т. 4, стр. 270.

³ Там же, стр. 272.

вать. Л. Инфельд красочно воспроизвел урок Библии. Учитель «положил на стол помятую Библию, открыв ее на запачканной грязью странице, и, ткнув деревянной указкой с острым концом в одно из древнееврейских слов, приказал: «Читай это». Я медленно прочитал это слово. «Повтори!» Я повторил. «Повтори!» Я снова повторил. И так пять раз. Потом он произнес немецко-еврейское слово¹ с тем же самым приказом «Повтори». Я послушно повторил. После пятикратного повторения я запомнил оба слова, не понимая значения ни одного из них. Однако я догадался, что одно является переводом другого. Деревянная указка перескочила к следующему слову... Деревянная указка медленно двигалась от слова к слову, от строки к строке... После нескольких таких уроков я присоединился к классу, руководимому седым бородачом, чтобы петь хором еженедельные порции Торы — Пятикнижия. Часами мы просиживали в маленькой грязной комнате, сгрудившись по двое и по трое у одной Библии, и хором повторяли слова с их немецко-еврейским переводом, слова и их перевод. Каждое воскресенье мы начинали новую главу»².

Так изучали Библию. А как изучали Талмуд? «Представьте себе,— писал еврейский просветитель XIX в. А. Ковнер,— что в семилетнем возрасте я уже проходил ученые трактаты Талмуда о способах при-

¹ Л. Инфельд имеет в виду язык идиш.

² «Критика иудейской религии», стр. 405—406.

обретения законных жен и разводе с ними. «Женица, т. е. жена, гласит трактат Киддушин (обручение, венчание) приобретается: деньгами, письменным обязательством и... сожитием»... И все это вбивается в юные головы мальчишек семи — десяти лет»¹.

В замечательных письмах под названием «Любовь ткача» выдающийся еврейский писатель И. Л. Перец гневно осудил плоды религиозного воспитания, уводящие умы юношей в темный подвал покорности и послушания. От имени молодого рабочего писатель говорит: «Отец страдал астмой. Откуда я мог знать, что причина болезни — пыльная пряжа. Тот же самый бог, который создал моего отца тощим и поселил грусть в его глазах, наградил его еще и астмой, а за что? Но об этом и спрашивать не стоит. Я учил Торю у меламеда и знаю, что даже ангелы бывают грешны, тем более простой смертный ткач...

Отдавал ли себе мой меламед отчет в том, кому он служит? Понимал ли он, что опутывая мою душу крепкой правозерной паутиной, он выбрасывает ее на свалку? Ему это и в голову не приходило. Он и сам был подневольным человеком, тоже служил хозяевам; мой отец умер от астмы, меламед — от болезни легких»².

Проницательный художник с предельной ясностью показал социальную функцию религиозного

¹ А. Г. Ковнер. Из записок еврея. «Исторический вестник» (Спб.), 1903, № 3, стр. 982.

² И. Л. Перец. Избранное. М., 1962, стр. 216, 218.

воспитания. «Я знаю,— говорит молодой ткач,— какие жалкие слова говорил моему отцу злой и безжалостный мир: «Ты работай побольше, получай поменьше, а на жизнь проси у бога! Работай как можно больше, днем и ночью, забрасывай мир тканями, а исцеления для своих глаз проси у бога! По восемнадцать часов в сутки сиди согнувшись среди четырех стен и глотай крашеную ядовитую пыль, а заболеешь астмой, предъявляй претензии опять-таки только богу! Жалко тебе, что ли, если твой труд будет нас одевать, что мы на нем разбогатеем?» Теперь ту же песенку жизнь напевает и мне...»¹

Чтобы и теперь эта «песенка» опутывала волю и сознание еврейской трудовой молодежи, на Западе действуют хедеры и ешиботы², усиленно распространяющие идеологию послушания и смирения.

О классовой роли иудаизма блестяще говорил народный артист СССР С. М. Михозлс в своем выступлении по поводу «лжи религии». Цель религии, сказал он, сохранить навеки существовавший строй произвола и нищеты. Царизм и монархия находили «поддержку еврейской религии. Прогресс был прямой гибелью и для монархии и для религии. Царизм и религия много веков держали народ во тьме. Культура никак не мирится с религиозным туманом. Чтобы уяснить себе мир, освободиться от вековой тьмы, нужны зна-

¹ И. Л. Перец. Избранное. М., 1962, стр. 217, 218.

² Ешибота — высшая духовная школа.

ния... Еврейская религия твердит, что человек не должен роптать на свои неудачи, на суровую жизнь. Бог все видит и знает... Этот библейский бред много тысячелетий держался в еврейских массах и был разрушен в пух и прах революцией 1917 года. Народы России — все нации этой страны — доказали миру свое превосходство над Библией и богом»¹.

В еврейском фольклоре сохранилась легенда о портном, предъявившем иск богу. В день великого праздника, повествует легенда, все собрались в синагогу на молитву. Отсутствовал один Берл, портной. Рабби заволновался: «Где Берл? Без него нельзя начать молитву». Когда его нашли и привели в синагогу, портной не произнес слов приветствия, не поклонился рабби, а дерзко спросил:

— В чем дело? Зачем ты звал меня?

— Разве ты не знаешь, что сегодня великий праздник? Молитва возносится до престола бога.

— Знаю, но я ему больше не служу. Он неправ. Если можно было бы на него подать в суд, я привлек бы его к ответственности.

— Твои слова греховны, но в чем твоя тяжба с богом?

— Вот в чем. Три месяца тому назад, поздней весной, я сидел в глубокой задумчивости, не зная, как выйти из затруднительного положения. Мне хотелось

¹ С. М. Михозлс. Статьи, беседы, речи. М., 1965, стр. 178.

достойно отпраздновать весенний праздник пасхи, приодеться, сытно поесть, но я не мог этого сделать, так как не имел денег и работы. Вдруг из соседнего польского замка за мной присылает пан. Он достал дорогой мех и решил сшить себе шубу. Я подумал, что бог надо мной сжалился. По обычаю ремесла, то, что остается, принадлежит портному. Когда я кончил работу, остались три маленькие шкурки. Богу не должно быть обидно, если я заберу эти шкурки себе, одену семью и приготовлю пищу для праздника пасхи. Но слуги пана исполняют закон господ. Стража не позволяет мне вынести эти шкурки из замка. На мое счастье, при расчете мне дали несколько хлебов. В них я и вложил шкурки. Выхожу из замка и хвалю бога. Прошел некоторое расстояние и слышу топот погони. Я быстро спрятал хлеба со шкурами в кусты, заложил их камнями, положил знак и вернулся в замок. Оказалось, что я забыл заметать петли. Я исполнил должное и поспешил обратно. Я нашел камни, но хлебов со шкурками там не оказалось. Куда они девались? Меня никто не видел — ни человек, ни зверь, ни птица. Кто же забрал мое? Бог единственный видел, он и забрал! Он незаконно отобрал то, что мне принадлежит. Значит, ему не угодно, чтобы и ему служил, его не трогает моя нужда и горе. Я ему больше не служу. Не может существовать закона, оправдывающего страдания людей. В субботний день более не хвалю бога.

— Но ты шкурки украл у пана,— говорит рабби,— ты нарушил божий закон, охраняющий права пана.

— А вы, рабби, не знаете, что человеческий обычай ломает божий закон? Разве закон должен отнимать у людей радость, надежду и жизнь? Мой спор с богом прavedен.

— Так чего тебе нужно, Берл?— спросил рабби.

— Обычно в день великого праздника,— сказал портной,— отпускаются грехи человека по отношению к богу. Я хотел, чтобы в этот день были отпущены грехи бога по отношению к людям. Обиды и несправедливости, нанесенные людям, должны быть искуплены¹.

Легенда примечательна в том отношении, что она отражает протест трудовых еврейских масс против «законов» эксплуатации, освящаемых религией и богом.

Стоит, однако, советским атеистам подвергнуть критике хотя бы один из обрядов иудейства, как клерикалы и националисты Запада поднимают дикий крик о притеснении евреев и их культуры в СССР. Прикрываясь фразами о духовной культуре, адепты клерикализма наносят величайший ущерб делу свободы трудовых еврейских масс.

Религию нельзя отождествлять с культурой народа. Культура народа состоит из различных

¹ Легенда позаимствована из книги П. И. Новицкого «Образы актеров». М., 1941, стр. 120—122.

элементов. В каждой национальной культуре, учит В. И. Ленин, есть «элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую. Но в каждой нации есть также культура буржуазная (а в большинстве еще черносотенная и клерикальная)... мы из каждой национальной культуры берем только ее демократические элементы, берем их только и безусловно в противовес буржуазной культуре, буржуазному национализму каждой нации»¹.

Защищая демократическую культуру еврейского народа, мы категорически отмечаем его клерикальную культуру.

Что касается деятельности марксистских атеистов, то она направлена против религиозной идеологии, а не против ее приверженцев. Атеисты глубоко убеждены, что иудаизм, как любая другая религия, обусловлен вовсе не возвышенными принципами и высокими требованиями морали, что он был вызван превратными представлениями о внешних силах природы и закреплен в умах людей социальным гнетом и социальной несправедливостью. Потому научная критика иудейского вероучения имеет исключительно гуманитарную цель. Опровергая бога, мы утверждаем человека, призываем его к усвоению мировоззрения,

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 120—121.

свободного от суеверий и предубеждений, к познанию объективных закономерностей мира.

Социалистический гуманизм — не сентиментальная филантропия, а воинствующее человеколюбие. Нельзя созерцать заблуждения, необходимо с ними бороться. Высвобождая верующих от пут искаженного миропонимания, атеисты стремятся направить их энергию и духовные силы на усвоение законов развития мира, на созидание общественных отношений, в которых господствуют труд, мир, свобода, равенство, братство и счастье.

Иудаизм возник, развивался и проходил через те же стадии, как и все другие религии. Видоизменяясь на протяжении истории, он приспособливался к условиям времени и, как все религии, выражал интересы реакционных классов, цеплявшихся за старый общественный уклад и противившихся установлению нового, передового социального строя.

Означает ли это, что в иудаизме ничего нет своеобразного? Отнюдь нет. Иудейская религия, которая в свое время оказывала значительное влияние на возникновение христианства и ислама, не слилась с ними, а сохранила свою специфику.

Специфика иудаизма — в его догматах, культе и праздниках.

Глава I

ДОГМАТЫ

Признание единого бога Яхве (Иегова или Адонай) и «богоизбранности» еврейского народа, вера в небесного избавителя (мессию), долженствующего судить всех живых и мертвых, а поклонников Яхве привести в «землю обетованную»; святость Ветхого завета и Талмуда, исполнение предписаний которых «обеспечивает» вечное блаженство в загробной жизни,— таковы основные догматы иудаизма.

Бог Яхве — центральная фигура иудейской религии. Так как при изложении эволюции представлений о нем придется неоднократно ссылаться на тексты Ветхого завета и Талмуда, то анализ догматов иудаизма начнем с рассмотрения этих «священных» книг.

ВЕТХИЙ ЗАВЕТ

Ветхий завет — часть Библии, комплект иудейских священных книг. Название Ветхого завета дано этим книгам христианами церковниками в отличие от

Нового завета, состоящего из сочинений, написанных идеологами христианства. Ветхий завет иудейские богословы именуют Танахом¹. В нем собраны разнообразные по форме и содержанию религиозные произведения, создававшиеся на протяжении огромного исторического периода, с XIII по II в. до н. э. Согласно иудейскому и христианскому вероучению, Ветхий завет является священным писанием, вдохновленным богом Яхве. Однако текстологический и филологический анализ Ветхого завета, исследование социально-исторических условий, в которых он складывался, полностью опровергли церковное представление о его происхождении.

Сохранились две редакции Ветхого завета: древнееврейская, так называемая масоретская редакция² и редакция «семидесяти толкователей», или Септуагинты³, — древнегреческий перевод Ветхого завета, выполненный в Александрии во II в. до н. э. Согласно масоретскому канону⁴, Танах состоит из трех отделов: 1) Пятикнижие (пять книг Моисеевых, или Тора): Бытие, Исход, Левит, Числа и Второзаконие; 2) Пророки: Иисус Навин, книга Судей, I и II книги Самуила, I и II книги Царей, Исайя, Иеремия, Иезекииль и 12 «малых пророков»; 3) Писания: Псалмы,

¹ Танах — аббревиатура слов «Тора», «Небиим» и «Кету-бим», древнееврейское обозначение трех отделов (Пятикнижие, Пророки, Писания), составляющих Ветхий завет.

² Деятельность масоретов (от еврейского «масора» — предание, традиция), т. е. хранителей традиции, началась во II в. н. э. и завершена была в IX в.

³ Септуагинта (от латинского *septuaginta*) означает семьдесят.

⁴ Канон — по-гречески означает правило, норму, закон. Под каноном принято понимать твердо зафиксированный церковью комплект религиозных книг, составляющих «священное» писание.

Притчи Соломоновы, книга Иова, Песнь песней, Руфь, Плач Иеремии, Экклезиаст (Когелет), Эсфирь, Даниил, Эзра, Неемия, I и II книги Хроник. По Септуагинте в состав Ветхого завета кроме вышеперечисленных входят еще книги Товиот, Юдифь, Премудрости Соломона, Премудрости Иисуса сына Сирахова, Варуха, II и III Эзры и три Маккавейских.

Существование двух вариантов Ветхого завета убедительно говорит о том, что книги, его составляющие, имеют свою историю.

Научная критика Библии разрушила догматические построения иудаизма и христианства. Доказано, что Библия представляет собой пестрый свод литературных источников (авторы Пятикнижия, например, ссылаются на «Книгу войн Яхве», «Книгу праведных» и др.), форм и жанров, носящих преимущественно религиозный характер. Вместе с тем в Танахе имеются произведения (Экклезиаст, Эсфирь, Руфь, Песнь песней и др.), которые по существу лишены религиозного содержания. Характеризуя Ветхий завет, Ф. Энгельс писал: «...еврейское так называемое священное писание есть не что иное, как запись древнеарабских религиозных и племенных традиций, видоизмененных благодаря раннему отделению евреев от своих соседей — родственных им, но оставшихся кочевыми, племен»¹.

Археологические раскопки XIX и первой половины XX в. в Месопотамии и в других странах Ближнего Востока, археологические раскопки последнего времени в Израиле показали, что ветхозаветные тексты во многом совпадают с древнейшими ассирово-вавилонскими, египетскими и хеттскими текстами.

Приведем несколько примеров.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 28, стр. 210.

В 1901—1902 гг. французской археологической экспедицией при раскопках в Сузах (столица Древнего Элама) были найдены законы Хаммурапи — шестого царя так называемой первой Вавилонской династии, правление которого относится к 1792—1750 гг. до н. э. Эти законы содержат 282 статьи, обнимающих почти все стороны тогдашней жизни. При сравнении статей кодекса Хаммурапи с содержанием так называемых «Моисеевых законов» легко обнаружить в них много общего.

Кодекс Хаммурапи

§ 21. Если человек сделал пролом в доме [другого человека], [то] перед этим проломом его следует убить и закопать.

§ 124. Если человек дал на хранение [другому] человеку серебро, золото или что бы то ни было при свидетелях, а затем он [это] отрицает, [то] этого человека должны изобличить, и все, что он отрицал, он должен удвоить и отдать¹.

Пятикнижие

Исход, XXII, 1². Если кто станет вора при подкапывании и ударит так, что тот умрет, то кровь не вменится ему. Исход, XXII, 6. Если отдаст кто серебро, или вещи, ближнему на сохранение, а они украдены будут из дому его, то, если найдется вор, пусть он заплатит вдвое.

Как видно, оба документа почти в одинаковых выражениях излагают правила, регулирующие правовые взаимоотношения людей.

Другим примером может служить ветхозаветная книга Притчи. Авторство этой книги богословы при-

¹ См «Хрестоматия по истории Древнего Востока». М., 1963, стр. 200, 205.

² Здесь и в дальнейшем римскими цифрами обозначены главы ветхозаветных книг, арабскими — стихи. Цитаты приводятся по тексту «Священные книги Ветхого завета в переводе с еврейского». Вена, 1903.

писывают библейскому царю Соломону (X в. до н. э.). Однако сличение Притчей с опубликованными в 1923 г. египетскими памятниками II тысячелетия до н. э. под названием «Поучение Амен-ем-опе» показывает буквальное совпадение изречений этих двух книг.

Притчи

XXII, 17. Склони ухо твое, и послушай слов мудрых, и обрати сердце твое к моему знанию.

22. Не будь грабителем бедного, потому что он беден; не притесняй несчастного у ворот.

24. Не дружись с человеком гневливым и не общайся с человеком вспыльчивым.

Амен-ем-опе

Гл. 1. Склони ухо, слушай, что я скажу, обрати свое сердце к пониманию их.

Гл. 2. Остерегайся грабить бедных и проявить силу [против] слабого.

Гл. 9. Не дружись с человеком вспыльчивым¹.

Примером сюжетной близости ветхозаветной и египетской литературы могут служить книга Исход и папирус Весткар. В Исходе (VII, 10—VIII, 14) повествуется о состязаниях Моисея и Аарона с чародеями фараона, из которых первые выходят победителями. Жезл Аарона, превратившись в змею, поглощает также перевоплощенный в змею жезл волхвов. Тема соревнования отображена и в папирусе Весткар, где описывается сила чар волшебника Джеди, умеющего приставить отрезанную голову гуся и оживить его².

О близости книги Исход с литературой народов Древнего Востока рассказывает современный крупнейший исследователь шумерской письменности С. Н.

¹ Цит. по кн. А. Б. Ранович. Очерк истории древнееврейской религии. М., 1937, стр. 61.

² См. статью И. С. Кацнельсона. «Папирус Весткар и библейское сказание о Моисее». «Палестинский сборник», 13 (76). М., 1965, стр. 42.

Крамер. В расшифрованных им шумерских табличках о мифе «Инанна и Шукаллитуды, или смертном грехе садовника» речь идет «о богине, которая, желая отомстить оскорбившему ее человеку, превратила все воды страны в кровь». Эта тема «кровавого моря», подчеркивает С. Н. Крамер, не встречается в древней литературе нигде, кроме Библии, в книге Исход. Напомним этот эпизод. Иегова говорит: «Из этого узнаешь, что я — господь: вот я ударю жезлом, который в руке моей, по воде, которая в реке, и она превратится в кровь» (Исход, VII, 17)¹.

Приведенные примеры убеждают нас в том, что как «Законы Хаммурапи», поучение «Амен-ем-опе», папирус Весткар, так и Библия, равно как и многие другие древние памятники,— произведения людей определенной исторической эпохи.

Новый и обширный материал для изучения Ветхого завета и научной критики библейского текста дают недавние находки на берегу Мертвого моря (1947—1963 гг.). В пещерах Вади-Кумран были обнаружены многочисленные остатки рукописных сочинений на коже, папирусе, меди, исписанные древнееврейскими и другими письменами. Обнаружено свыше 40 тыс. фрагментов, представляющих остатки около 600 книг. Наиболее древние из этих так называемых кумранских рукописей относятся к IV в. до н. э. Изучение их еще далеко не закончено, однако они уже подтверждают, что многие тексты, вошедшие в состав Ветхого завета, являются результатом длительного развития на протяжении многих столетий. Кумранские находки библейских текстов лишней раз подтверждают тот неоспоримый факт, что произведе-

¹ См. Н. С. Крамер. История начинается в Шумере. М., 1965, стр. 86.

ния, вошедшие в состав Библии, не возникли в результате божественного откровения, а прошли сложный и длительный путь литературного развития, подвергаясь серьезным изменениям, связанным прежде всего с тенденциозной их переработкой.

Историческая наука определила время появления книг Ветхого завета. Самым древним фрагментом является песнь Девооры (V глава книги Судей), которую относят к XIII в. до н. э. Подобные ей народные песни, эротическая лирика, притчи, сказки и мифы, вошедшие в Библию, носят характер народного творчества, которое долгое время передавалось изустно, пока не было зафиксировано в письменной форме, вероятно, в самом начале первого тысячелетия до н. э. Значительно позже начали собирать народные сказания, образцы народногероического эпоса, которые культивировались из поколения в поколение. Эти сказания разбросаны по всем книгам Пятикнижия, в книгах Судей, Самуила, Царей и т. д. При дальнейшем развитии они принимают вид целых «новелл», как сказание о «Продаже Иосифа», о «Восстании Авессалома» и др.

С возникновением в XI—X вв. до н. э. на территории Палестины Иудейского и Израильского рабовладельческих государств появилась необходимость в письменном оформлении истории народа, религиозных заповедей, норм права и правил нравственности, в создании единой идеологической системы, которая служила бы оправданием рабовладельческого гнета и классового разделения тогдашнего палестинского общества. Так, в IX в. до н. э. в Иудейском царстве появляется книга, рассказывающая о сотворении мира, происхождении евреев, об их материальной истории и духовной жизни, связывая все это с именем

бога Яхве. В библейской критике она называется Яхвист. Почти одновременно с Яхвистом в Израильском царстве появляется близкая к Яхвисту книга под названием Элохист. В ней жизнь вселенной и израильтян связана с богом, именуемым Элоха.

Впоследствии, в VIII в. до н. э., когда Израильское царство было покорено Ассирией, иудейские жрецы стали объединять в одну книгу Яхвиста и Элохиста. Не случайно в Пятикнижии многие события изложены в двух разных вариантах.

Так, например, согласно первой главе Бытия бог Элоха из хаоса творит мир в следующем порядке: небо, землю, свет, твердь небесную, сушу, небесные светила, растения, животных и человека. Итак, человек венец творения, притом мужчину и женщину сотворил бог Элоха заодно. Однако во второй главе Бытия рассказывается, что первым актом творения был человек, мужчина Адам. Затем взял Яхве человека и поместил его в саду Эдем, чтобы он возделывал и стерег его. И сказал Яхве: «Не хорошо быть человеку одному, создам ему помощника, соответственного ему. И образовал господь бог из земли всех животных полевых и всех птиц небесных и привел их к человеку, чтобы видеть, как называет их. Но для человека не нашлось помощника». И усыпил Яхве человека, и взял одно из ребер его, соорудил из него женщину (Бытие, II, 18—22).

Таких противоречий в Ветхом завете очень много. «...Библейский текст вообще,— отмечает исследователь Библии М. Соловейчик,— а текст Пятикнижия в особенности представляет собою сплошь и рядом то, что Гёте охарактеризовал, как «в высшей степени неудачную, непостижимую редакцию, наиболее яркими примерами которой являются рассказы о потопе

(Бытие, гл. 7), о продаже Иосифа (Бытие, гл. 37), о заключении Синайского союза (Исход, гл. 24), о восстании Кораха (Числа, гл. 16) и о Билеаме (Числа, гл. 22)»¹.

При составлении Ветхого завета использовались не только Яхвист и Элохист, но и «Книга законов», которая была обнародована в 621 г. до н. э. В переработанном виде эта книга почти полностью сохранилась в современном Ветрозаконии.

В 586 г. до н. э. Иудейское царство попало под владычество Вавилонии. Иерусалимский храм, воздвигнутый еще в X в. до н. э., был разрушен. Духовная и светская знать, а также часть народа была вывезена в Вавилонию. В плену среди евреев образовалась группа писцов (соферим), или книжников, которые занялись систематизацией привезенных из Иудеи «священных писъмен»: Яхвиста, Элохиста и «Книги законов», легенд о мифических патриархах и мифическом Моисее, псалмов, молитв, правовых норм, кодексов богослужения и жертвоприношения и т. п. Книжниками был разработан так называемый Жреческий кодекс. В нем они самым тщательным образом перечислили жертвоприношения, подати и налоги, с которыми каждый еврей должен являться в храм божий в будни и в праздники. Основная часть Жреческого кодекса вошла в ветхозаветные книги Левит и Числа. Так была заложена Тора, которая впервые была обнародована книжником Ездрой в 444 г. до н. э. Она стала идейным оплотом рабовладения. Чтобы усилить ее общественную роль и вселить страх перед каждым ее словом, жрецы от имени бога писа-

¹ М. Соловейчик. Основные проблемы библейской науки. Спб., 1913, стр. 90.

ли: «Если презрите мои уставы... то я всемерно увеличу наказание за грехи ваши... Небо ваше сделаю, как железо, и землю вашу, как медь. И напрасно будет истощаться сила ваша, и земля ваша не даст произрастаний своих и дерева... не дадут плодов своих» (Левит, XXVI, 15—20).

Что касается датировки других книг Ветхого завета, то следует указать, что первые пророческие книги старше Торы, они возникли в VIII в. до н. э. (Осия, Амос, Михея, первые 40 глав Исайи). Книги Наума, Софонии и Аввакума сложились в VII в. до н. э. Остальные пророческие книги появились накануне или в период вавилонского пленения.

В наиболее ранних книгах пророков сказываются стремления трудовых масс Иудеи и Израиля к первобытнообщинным временам, когда еще не было царской власти и не было эксплуатации человека человеком. Угнетенные низы языком пророка высказывали в этих произведениях свое отвращение к царской власти. В книге Судей (IX, 8—15) имеется рассказ о том, как деревья решили избрать царя. Обратились они к масличному дереву: «Царствуй над нами». — «Не брошу я, — ответила маслина, — забот о моем масле, приятном людям и богам, ради того, чтобы надеть на себя корону». Фиговое дерево отвечало, что любит больше свою смокву, нежели тяжесть верховной власти. Виноградная лоза сказала, что она не хочет властвовать над ними и оставить ради этого сок свой, которым веселит богов и людей. В таком же духе ответили и другие благородные деревья. Негодный терновник стал царем, потому что у него были шипы и он мог причинять зло.

В пророческой литературе сохранились страницы, которые выражают гневный протест против ростовщи-

ков, продающих «правого за серебро и бедного за пару сандалий» (Амос, IV, 1), против тяжелого положения «вдов и сирот». Однако пророки, проникнутые верой в бога, тяжелое положение народных масс чаще всего объясняли их греховностью. А потому они не проповедовали совершенствования общественных отношений, борьбы против строя эксплуатации. Пророки призывали народ к служению богу Яхве, к молитвам, исполнению заповедей и т. п.

В течение III—II вв. до н. э. появились остальные книги Ветхого завета: Хроники, Экклезиаст, Песнь песней, Даниила и др. Во многих произведениях этого периода заметно влияние древнегреческой культуры. Не случайно иудейские богословы высказывали тогда сомнения по поводу того, можно ли их считать священными. Однако к началу I в. до н. э. был обнаружен первый канон Танаха, приблизительно в таком виде, как он дошел до нас.

Датировка книг Танаха еще раз доказывает, что Ветхий завет имеет свою реальную историю и только сквозь туманные религиозные очки может казаться божьим словом.

Решительно отрицая боговдохновенность Ветхого завета, мы вовсе не оспариваем значения Библии как исторического и литературно-художественного памятника. Библейская идеология — это одна из сторон истории древнееврейского народа, в религиозной форме которой нашла свое отражение его экономическая и политическая жизнь. Тщательно отделяя историческое от фантастического, мы пользуемся текстами Библии для понимания реальных общественных отношений, искусства и литературы народов Ближнего Востока древнейших времен.

Археологические раскопки на территории Иордании

и Израиля, проведенные в течение последних 15—20 лет, обнаружили, что многие библейские имена (Ур, Харан, Иерихон, Падан-Арам и др.), события и повествования имели место в реальной географии и истории древних евреев и других народов Древнего Востока. Означает ли это, что Ветхий завет, излагая историю Израиля и Иудеи как историю чудес и божественного откровения, раскрывает подлинные ее причины? Означает ли это, что археологические открытия соотносятся с догматом о боговдохновенности Ветхого завета? Конечно, нет. Напротив, археологические исследования убедительно подтверждают положение о том, что религия даже в самые древние времена жила не небом, а землей, что под покровом религиозной библейской фантастики находятся живые элементы реальной истории народов, классов и лиц. Пренебрегая религиозным вымыслом, атеисты отказываются считать Библию книгой небесного происхождения. Тем точнее вырисовываются ее земные основы, ее значение как памятника о жизни людей в древности.

ТАЛМУД

Наряду с книгами Ветхого завета также почитаются в иудаизме священными трактаты, составляющие Талмуд. Он стал основным богословским сборником, из которого идеологи иудаизма и поныне черпают материал для своих теологических построений и разрешения любого религиозного казуса.

Талмуд — это многотомный сборник еврейской религиозной литературы, сложившейся в течение многих веков, с IV в. до н. э. по IV в. н. э. Столетиями первоначальное содержание Талмуда передавалось от поколения к поколению изустно. Поэтому в отличие от

Библии («писанного закона») Талмуд назывался устным законом. Письменное оформление накопившегося в огромном количестве талмудического материала началось в III в. н. э. и закончилось в V в. В основе талмудического творчества был Ветхий завет, в особенности первый его отдел — Пятикнижие, Моисеев закон, или Тора. Главная задача, которую ставили перед собой талмудисты, заключалась в сохранении и закреплении библийского вероучения, в приспособлении его к изменявшимся условиям жизни. Приспосабливая Библию к историческим обстоятельствам, талмудисты разработали множество правил, постановлений и запретов, рассчитанных на усиление национальной замкнутости и религиозной обособленности еврейских народных масс.

Создавшаяся в результате многовековых наслоений вавилонская башня талмудической литературы представляет собою нагромождение искусственно соединенных дискуссий иудейского духовенства о культе, богословских рассуждений о догматике, поучений по вопросам морали, религиозных предписаний, законов, касающихся судопроизводства уголовных и гражданских дел, элементарных сведений по медицине, математике и географии, притч и пословиц, сказок, легенд, мифов, басен и т. п.

В конце XIX столетия некоторые идеологи иудейства заговорили о необходимости религиозных реформ. Выражая интересы еврейской буржуазии, реформаторы стремились создать «новые» основы веры, и материал для этого они рекомендовали черпать из Талмуда.

Встревоженный тем фактом, что в гетто «хлынул поток европейской цивилизации», реформатор иудейской религии в России теолог А. Брагин, проповедо-

вал, что евреи должны твердо держаться за Талмуд¹. Обратив внимание на то, что социальные условия жизни еврейских масс России XIX в. претерпевают глубокие изменения, Брагин, опасаясь атеизма, вольнодумства «и тому подобных теорий», заявил: «Реформы в области религии неизбежны». Он рекомендовал поэтому пересмотреть всю обрядовую сторону религии, утверждая, что «в самом Талмуде достаточно таких элементов, которых с лишком хватит на обновление иудаизма»².

Буржуазные «обновленцы» цепко держатся за Талмуд как орудие духовного порабощения масс. Развивая в последние десятилетия активную деятельность, идеологи иудаизма в США, объединенные в «Совет синагог Америки», издали 13-томный Талмуд и заставляют молодых людей из «Еврейского теологического семинара рабби Элхонона» в Нью-Йорке, «Еврейского религиозного колледжа» в Чикаго, из многих так называемых «Субботних школ» рьяно изучать талмудическую «мудрость».

Талмуд — основа основ всей практики и богословского сочинительства иудаизма. Даже у нас, в СССР, в ешиботе при московской хоральной синагоге главным предметом изучения является Талмуд.

Чтобы не потерять своего влияния на верующих, иудейские церковники вкривь и вкось комментируют Ветхий завет и Талмуд, лишь бы их стихи и формулы зазвучали современно. Сравнительно недавно в московской синагоге на свадьбе выступил с проповедью раввин и, обращаясь к жениху, сказал: «Вы знаете,

¹ См. А. Брагин. К вопросам о реформе в области еврейской религии. «Восход» (Спб.), 1895, № 1, стр. 55.

² Там же, стр. 60.

что в Библии и Талмуде записано о жене? В Ветхом завете сказано: «И к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою». Но учтите, молодой человек, это было очень давно. Сейчас в нашей стране победил социализм и, следовательно, у нас полное равноправие женщин и мужчин, потому и нельзя говорить о том, что муж призван господствовать над женою. Конечно, Библия — книга священная, и все в ней истинно. Но надо уметь разобраться в ней. Сказано в Экклезиасте: время разбрасывать камни и время собирать камни; время обнимать и время уклоняться от объятий; время любить и время ненавидеть; время войны и время миру. Сейчас настало время, когда не только в семье, но и во всем мире никто не должен господствовать. Сейчас время мира, и наша страна борется за мир во всем мире» и т. д. и т. д. Вот какими комментариями раввин приспособливает стихи Библии к новым общественным условиям.

Чтобы понять классовую сущность идей и образов Талмуда, необходимо хотя бы в общих чертах ознакомиться с социально-экономическими условиями и идейно-политическими предпосылками, в которых он складывался.

Первые законоположения Талмуда восходят к тому периоду, когда Иудея была включена в империю Александра Македонского (332 г. до н. э.) и эллинизм своими философскими школами, стадионами, театрами и гимназиями вторгся в замкнутый мир древних евреев, идеологическим отражением которого и стала иудейская религия. Основные догматы и заповеди этой религии первоначально получили свое наиболее полное выражение в Торе, обнародованной в V в. в Иерусалиме. По замыслу ее авторов, она должна была стать раз навсегда данным вероучением. Однако

жизнь заставляла идеологов иудаизма искать способы для сохранения основ учения Ветхого завета в новых исторических условиях.

В течение трех веков (с IV по II в. до н. э.) Иудея испытала на себе сильное влияние греческой культуры. Александр Македонский, вступив на путь широких завоеваний, в 332—331 гг. до н. э. овладел Египтом, подчинил себе земли Восточного Средиземноморья, в том числе Палестину. В Египте был основан новый город, названный в его честь Александрией, вскоре превратившийся в центр греко-восточной торговли, ремесла и культуры.

После смерти Александра его империя распалась, и Палестина стала предметом острых конфликтов между Египтом, находившимся под гнетом эллинистической династии Птолемеев, и Сирией, оказавшейся в руках другой эллинистической династии — Селевкидов. С 320 по 198 г. до н. э. Иудея попеременно попадала то под египетское, то под сирийское владычество, а с 197 по 142 г. до н. э. была под властью Селевкидов.

В северных районах Палестины возник ряд новых эллинистических городов с преобладающим греческим населением. Иерусалим наводнили греко-македонские солдаты и чиновники. Все это способствовало распространению в Иудее греческого языка и греческого образа жизни. Под влиянием греческой литературы еврейские мыслители и поэты создали проникнутую идеями эллинизма философскую книгу Экклезиаст и жизнеутраченную любовную поэму Песнь песней. Впоследствии канонизация этих книг, как сказано, служила предметом острого спора между талмудистами. В Экклезиасте богословы видели вольнодумство, а в Песне песней — ересь. Лишь во II в. н. э. эти книги

были объявлены священными и их содержание было истолковано в религиозном духе¹. Понимание Песни песней как поэмы любви стало строго осуждаться.

В еврейской среде образовалась партия эллинистов, состоявшая из землевладельческой и духовной аристократии, связанной с греческими правителями, и отходившая от религии Яхве. Эллинистическая партия развернула усиленную деятельность, и греческая культура стала проникать во все поры общественной жизни евреев. Казалось, что эллинизм победит иудаизм. Однако этого не случилось. Чем это можно объяснить? Ответ на этот вопрос следует, прежде всего, искать в положении народных масс Иудеи.

Власть Селевкидов, их политика в Палестине была отмечена деспотизмом и жестокостью. Крестьяне, по свидетельству Флавия², были обложены подушной податью и большими налогами (треть урожая злаками и половина собранных древесных плодов)³. Непрерывные войны сопровождались новыми потерями и разрушениями. Назрел конфликт. При царе Антиохе IV (175—168 гг. до н. э.) он перерос в восстание, которое возглавил священник из Модиина Маттафий и его сыновья, вошедшее в историю под названием Хасмонеев или Маккавеев. Поводом к началу восстания послужило осквернение Иерусалимского храма в 168 г. до н. э. чиновниками Антиоха IV, разграбивши-

¹ Автор Песни песней равнодушен к религии. Сюжет его книги составляет страстное влечение юноши к пастушке Суламифи. Любовь объявляется единственной ценностью жизни. Талмудисты стали утверждать, что в ней аллегорически воспеваются любовь бога к народу израильскому; христианские богословы объявили красавицу Суламифь олицетворением церкви.

² Иосиф Флавий (37—38 г. — начало II в.) — историк древности.

³ См. *И. Флавий. Иудейские древности*, XIII, 2, 3. Спб., 1900.

ми сокровища, уничтожившими жертвенник Яхве и вместо него поставившими алтарь Зевсу Олимпийскому. По призыву Маттафия народ поднялся на войну против насилия и гнета. Восстание народных масс против Селевкидов было направлено также против собственных эксплуататоров.

Трудовые массы еврейского населения, бессильные в борьбе с угнетателями, обращались к богу, которого молили смилостивиться над обездоленными, принести им избавление. Выразителями этого настроения трудящихся масс Иудеи стали в III в. до н. э. книжники-хасидеи (благочестивые). Они ополчались против эллинистов и стали на защиту «веры отцов». Ратуя за строгое соблюдение предписания Торы и ограждение народа от влияния эллинистической культуры, они стремились сохранить «Моисеев закон» в новых социальных условиях. Для этой цели хасидеи занялись казуистическим толкованием Торы. Первое собрание этих толкований называлось Мишна ришона¹. Доктрины Мишны ришоны регламентировали каждый мыслимый случай жизни, затрудняли общение евреев с другими народами и культурами.

Мишна ришона до нас почти не дошла. Она лишь частично вошла в состав Талмуда², и то в сильно

¹ Мишна по-еврейски означает повторение Торы, ришона — первая. Как дальше будет показано, историческая наука выделяет две составные части Талмуда: Мишну и Гемару.

Мишну цитируют по трактатам, главам и параграфам. Например: Абода-зара, IV, 5, что означает: трактат Абода-зара, глава четвертая, параграф пятый. Все издания Гемары печатаются одинаковым числом страниц с одним и тем же текстом. Гемару принято цитировать по трактатам и листам. Например: Берахот, 10а. Это означает: трактат Берахот, лист десятый, страница первая.

² Следы Мишны ришоны сохранились в трактатах Сангедрин, III, 4; Эдуиот, XVII, 2; Гиттин, V, 6, и Назир, VI, 1.

переработанном виде. Представление о воззрениях хасидеев дают некоторые из сохранившихся псалмов, сложенных ими в III—II вв. до н. э. В псалмах осуждаются жрецы — «сыны беззакония», склонные к эллинизму, и богатые беззаконники, в руках которых власть и сила¹.

Книжники-хасидеи призывали к покорности и послушанию. Их деятельность была направлена на превращение иудейского вероучения, связанного с храмовым культом, во всеобъемлющий религиозно-правовой закон.

В 141 г. до н. э. в Иудее установилась власть Маккавеев. Они соединили в одном лице духовную и светскую власть. Против них ополчилась старая первосвященническая династия Саддокидов (отсюда саддукеи), состоявшая из землевладельческой знати, начальников крепостей, дипломатов и прочей аристократии. Саддукеи в новых исторических условиях были сторонниками компромисса между постановлениями «Моисеева закона» и греческой философией. Хасмонеи в своей борьбе против саддукеев опирались на фарисеев² — выходцев из средних слоев населения: законоучителей, судей, ремесленников и чиновников. Фарисеи были противниками греческой философии и культуры и ярыми защитниками Торы. Приспосабливая ее содержание к условиям своего времени, фарисеи учили, что она с последующими дополнениями заменяет собой философию, право, искусство и науку. Поэтому фарисеи дополнили Мишну ришону множеством правил и законоположений, частью выведенных

¹ См. Н. М. Никольский. Царь Давид и псалмы, гл. VI. Спб., 1908.

² Фарисей (от еврейского «поруш») — обособленный, отделившийся.

из Торы, частью новых, выдаваемых за сохранившиеся по преданию. Эти дополнения также стали частью Талмуда. В них ясно выражалось стремление фарисеев отделить народ от неиудейской культуры и неиудейских воззрений. Фарисеи заботились о возведении своих религиозных поучений в степень закона. Они пытались играть первую роль в законодательном органе, который находился при храме и именовался синедрионом. Никаких функций политического управления он не выполнял. При греческом владычестве верховная политическая власть принадлежала наместникам. Синедрион осуществлял права высшего административного надзора в вопросах религиозных. Он охранял государственную религию, судил носителей ереси, вероотступников и вольнодумцев, устанавливал религиозные праздники и следил за их исполнением, диктовал порядок богослужения, организовывал религиозные школы, осуществлял надзор за храмом, определял налоги в его пользу и т. п.

В 63 г. до н. э. римские легионы под командованием Помпея захватили Иерусалим и тем самым положили начало римской агрессивной политике, направленной на покорение всей Палестины. Политика эта встретила серьезный отпор со стороны народных масс.

В 37 г. до н. э. на иудейском престоле оказался ставленник Рима, коварный тиран Ирод. Ему нужны были сановники, которые не только мирились бы с его господством, но и видели бы в римском ярме благо. Выращивая новую рабовладельческую и духовную знать, Ирод создавал себе серьезную политическую опору. В этих условиях партия саддукеев растворилась в среде новообразованной знати и перестала играть самостоятельную роль. В среде фарисеев

произошел процесс дифференциации: одна часть заискивала перед Иродом, другая находилась к нему в оппозиции.

Ирод и наследники его власти были, по существу, лишь уполномоченными Рима. Чтобы удержаться на троне, они заискивали и раболепствовали перед римским императором и его фаворитами, тратили большие суммы на подарки императору и поддержание блеска своего правления. Землевладельческая верхушка и часть жречества, пресмыкаясь перед римскими чиновниками, поддерживали иноземное угнетение. Широкие народные массы были возмущены наглой и открытой формой гнета. Классовые противоречия в Иудее резко обострились.

К этому времени относится появление партии, которая близко стояла к нуждам низов и призывала к вооруженной борьбе против иноземных захватчиков и собственных угнетателей. Она называла себя партией zelотов (ревнителей веры). Под религиозным лозунгом «единственный владыка — это бог» она стремилась объединить крестьян и городскую бедноту Палестины для борьбы за освобождение страны от римских притеснителей.

Деятельность zelотов нашла свое завершение в 66 г. в восстании иудеев против Рима, длившемся семь лет. В семилетней Иудейской войне самое активное участие принимали сикарии (кинжалыщики)¹. Их вождь Симон бен Иоры, обещая свободу рабам, а свободным малоземельным крестьянам — ликвидацию долговых обязательств, собрал большую армию, которая непрерывно вела тяжелые бои против римских легионов и собственных богачей.

¹ От латинского *sica* — кинжал.

Буржуазные еврейские историки клеймят позором сикариев, называя их разбойниками, уголовным сбродом, выдавая тем самым свою ненависть к революционным действиям масс, к выразителям классовых интересов низших слоев иудейского общества.

Восстание 66—73 гг. было жестоко подавлено римскими легионами. Страна лежала в руинах. Сотни тысяч людей погибли, десятки тысяч были проданы в рабство. Иудея окончательно потеряла свою государственную самостоятельность.

Как же относились фарисеи к изменениям, которые претерпевали евреи, находившиеся под владичеством Рима?

В годы восстаний и острой классовой борьбы, войн и сражений против римских и отечественных притеснителей процесс расслоения внутри фарисеев значительно углубился. Из их среды уже во II в. до н. э. выделилась секта ессеев (эссенов), которые решительно отказались от политической борьбы и каких бы то ни было компромиссов. Объединяя в своих рядах умеренные элементы, искавшие в крайнем религиозном фанатизме утешение и выход из тяжелых условий, они учили: все следует предоставить на волю бога, а самим жить в «справедливости». Под «справедливой жизнью» ессеи понимали общность имущества, безбрачие и личный труд. «Они,— писал Флавий,— не имеют ни жен, ни рабов, полагая, что женщины ведут лишь к несправедливости, а рабы подают повод к недоразумениям»¹.

Среди кумранских рукописей, найденных на берегу Мертвого моря, обнаружен «Устав для всего общества Израиля в конечные дни», который, по мнению

¹ И. Флавий. Иудейские древности, XVIII, 5, 5.

многих ученых, был составлен идеологами есеевства. В нем содержится требование организации жизни на «принципе справедливости» (общий труд и общность имущества). Требование личного труда должно считаться знаменательным для эпохи, в которую труд был отличительным признаком раба и неимущего. Общины есеев превратились в своего рода полумонашеские ордена. Учение и организация есеев оказали большое влияние на формирование первоначального христианства.

Фарисеи (за исключением есеев) мирились с чужеземным угнетением и освящали именем бога Яхве гнет эксплуататоров. Они разделились на две религиозные школы, одну из которых возглавлял Гиллель (75 г. до н. э. — 5 г. н. э.), вторую — Шаммай (I в. до н. э.). Школы расходились в решении многих религиозных вопросов и нередко ожесточенно спорили между собой. Однако обе школы в конечном счете в религиозно-туманной форме выражали интересы одних и тех же угнетательских классов.

Один из вожakov фарисеев, Иоханан бен Заккай, перебежавший при осаде Иерусалима к римлянам, основал в Ямнии с их согласия школу фарисейства, которая занималась дальнейшим толкованием Торы.

Иоханана и его последователей называли танаями (вероучителями). Ямнинские богословы стремились отвлечь трудовые массы евреев «от меча и кинжала», от освободительной и революционной борьбы, именем бога заставить евреев покориться Риму.

В связи с поражением в войне против Рима «спасенное» учение переживало серьезный кризис. Библейское иудейство было связано с Иерусалимским храмом. Но в 70 г. храма не стало, а поражение восстания привело к усилению религиозных настроений.

Не видя реальных путей борьбы за свободу и независимость, массы обращали свои взоры к небу, уповали на приход небесного избавителя — мессии (мессия по-еврейски — машиах, по-древнегречески — христос). Танаи проповедовали идею о небесном избавителе и, добиваясь сохранения религии Яхве, стремились превратить ее при отсутствии храма в религию домашнюю, синагогальную, в религию обрядов (без жертвоприношений) и молитв. Проповедь прихода избавителя стала характерной особенностью нарождавшегося христианства, со временем отмежевывавшегося от старозаветного иудаизма.

Деятельность танаев привела к усилению законнического (талмудического) направления в иудаизме. Отбор религиозного материала и формулировка ими новых предписаний происходили в атмосфере серьезных схваток, отражавших классовую борьбу внутри древнееврейского общества. Ареной борьбы между враждующими лагерями стал синедрион, в котором главенствующую роль играл его руководитель — наси, или этнаrx¹. Поначалу ямнинский синедрион возглавлял Иоханан бен Заккай, а затем — Гамлиил II, продолжительность патриархата которого длилась около 40 лет (80—117 гг.).

Крупный земельный собственник, своенравный и жестокий, Гамлиил в течение длительного времени своего патриархата был занят усмирением народных масс. Для подавления непокорных Гамлиил установил религиозную форму наказания — отлучение, применяя его с беспощадной энергией, свойственной безумному фанатику. Он ввел в правило, что оконча-

¹ В русской литературе наси именуется патриархом.

тельное решение по спорным религиозным вопросам принадлежит наси, главе синедриона.

Гамлиил был учеником и последователем Иохана-на бен Заккая. Он развил религиозные правила своего предшественника. Как и Иоханан, он взамен храмового культа основной упор делал на домашнее и синагогальное богослужение, приумножив количество молитв. По инициативе Гамлиила была отредактирована и распространена молитва «Восемнадцать благословений» («Шемонэ эсре»), которая поныне является главной частью иудейского молитвенника. Он обязал верующих читать ее три раза в день, чего и поныне придерживаются религиозные евреи.

В этой основной молитве первое место после вводного славословия Яхве занимает благословение «воскрешающего мертвых».

Молитве «Восемнадцати благословений» придавали огромное значение все последующие талмудисты и раввины. Обещая блаженство в загробной жизни, возлагая надежды на бога, молитва эта выполняла — и в условиях эксплуататорского общества продолжает выполнять — реакционную социальную функцию: того, кто всю жизнь работает и нуждается, она учит смирению и терпению в земной жизни, утешая надеждой на небесную награду; а тех, кто живет чужим трудом, она учит благотворительности в земной жизни, «предлагая им очень дешевое оправдание для всего их эксплуататорского существования и продавая по сходной цене билеты на небесное благополучие»¹.

Гамлиил уточнил время и порядок проведения осенних религиозных праздников: рош-гашоно (новый год) и йом-кипур (судный день). Оба праздника ра-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 143.

нее были связаны с храмовым культом. Гамлиил же придавал им домашний и синагогальный характер.

Ямнинский патриарх внес существенное изменение и в празднование пасхи. Вместо заклания и ритуального поедания агнца, которые совершались в пасху при храме, Гамлиил ввел пасхальную вечерю (седер) и заполнил ее обрядами, углубляющими веру в пришествие мессии и его предтечи Илии. Миф об исходе из Египта, которым объясняли праздник пасху, патриарх связал с идеей прихода небесного избавителя — мессии.

В период жестокого господства Рима над Иудеей мессианская идея была на руку эксплуататорам. Она подрывала волю масс к борьбе против иноземных и собственных поработителей. За поддержку политики Рима, за приспособление иудейских поучений и предписаний к его интересам Рим признал Гамлиила «главой народа».

Заметную роль в приспособлении иудаизма к изменившимся условиям играл танай Акиба бен Иосиф (50—132 гг.). Приверженец религиозной программы Иоханана, современник и друг патриарха Гамлиила, Акиба считал, что иудаизм нуждается в дополнительных толкованиях, чтобы выдержать конкуренцию языческих религий и народившегося христианства. Для этой цели он, прибегая к двум методам толкования Торы — галахе и агаде¹, введенным еще Галлелем, комментировал ее по своему усмотрению. Акиба утверждал, что он при помощи галахи и агады в со-

¹ Галаха (от древнееврейского *halach* — идти) означает предписание или законоположение, в соответствии с которым верующий должен поступить. Агада (от древнееврейского *hagada* — сказание) является сборником легенд и мифов.

стоянии вывести любое законоположение не только из любого стиха Торы, но и из любой ее буквы и даже черточки над буквой.

Своими проповедями Акиба призывал к исполнению иудейского вероучения и чтению книг Ветхого завета. «Все предопределено,— утверждал Акиба,— но всякому дана свобода воли», а поэтому, хотя мир и управляется милосердием, все же «божественное возмездие определяется перевесом хорошего или дурного в поступках человека». Самое дурное, по мнению Акибы,— это чтение светских книг. «Тот, кто читает книги, не входящие в канон,— грозил он,— лишается удела в будущей жизни» (Иер. Сангедрин, 80, 14).

Плод своих казуистических упражнений Акиба систематизировал и наподобие Мишны ришоны уложил в свод узаконений под названием Мишна ахрона¹, которая, как и первоначальная Мишна, стала основной частью Талмуда.

Дальнейшее пополнение иудаизма предписаниями и толкованиями, вошедшими в состав Талмуда, связано с поражением народного восстания под руководством Бар Кохбы (30-е годы II в. н. э.).

Римские притеснители и еврейская знать беспощадно эксплуатировали народные массы Иудеи. Двойной гнет, нищета, лишения и страдания, гонения и преследования переполнили до краев чашу горя большинства населения Палестины. Народ не мог дальше жить одними утешениями. Под лозунгом «Смерть насильникам и богачам!» труженики поднялись на борьбу против Рима. Во главе движения стал Шимон Бар

¹ Ахрона — вторая, последующая.

Кохба (Сын звезды). Под его знамена стекались десятки тысяч жителей Палестины и Сирии: рабы и ремесленники, крестьяне и городская беднота.

Бар Кохба, борец-освободитель, человек богатырского телосложения, смелый воин, пользовался огромным доверием масс. Воодушевляя своих воинов, он брал крепость за крепостью. В руках повстанцев оказалось много городов и селений. Но в жестокой и неравной борьбе повстанцы не могли победить хорошо вооруженные легионы Рима. Армия Бар Кохбы была разбита. Десятки тысяч пали в войне против произвола и эксплуатации, а самые стойкие предпочли смерть рабству.

По сообщению печати, экспедиция ученых в 1960—1961 гг. открыла в склонах ущелий, прилегающих к западному побережью Мертвого моря, южнее Энгади, так называемую Пещеру ужаса. Исследователи установили, что она служила убежищем для воинов Бар Кохбы и их семей, которые предпочли погибнуть от жажды, чем сдать врагам и насильникам. В другой пещере, Пещере писем, были найдены 15 писем Бар Кохбы, адресованных разным лицам и касавшихся преимущественно вопросов снабжения армии. Кроме того, обнаружены контракты, деловые расписки и другие важные документы, изучение которых раскрывает более полно историю борьбы рабов и малоимущих крестьян Сирии и Палестины против Рима.

Поражение Бар Кохбы явилось заключительным трагическим актом многолетней борьбы народных масс Иудеи за свободу и независимость. Иерусалим был сравнен с землей, многих евреев отправили в Египет на работу в рудники, в Рим для боев с гладиаторами и на растерзание хищным зверям. Значительная

часть еврейского населения рассеялась по провинциям империи, а оставшаяся крайне обеднела.

В этих условиях иудейские богословы решили «усовершенствовать» религиозный сборник Мишна ахрона, оставленный Акибой. На этом поприще особенно выдвинулся ученик Акибы рабби Меир.

Рабби Меир упорядочил Мишну рабби Акибы, группируя отдельные ее части по содержанию и оснащая ее притчами и баснями. Другие вероучители (танаи), обрабатывая и дополняя Мишну рабби Акибы, создавали свои собственные Мишны. К концу II в. число их неимоверно выросло. Появилась необходимость унифицировать Мишны. Вопросом сведения всей мишнаитской литературы к некоторому единству занялся Иегуда Ганаси (150—220 гг.). Иегуда унаследовал от отца не только место патриарха, но и несметные богатства. О нем говорили: стояла рабби Иегуды стоят больше, чем сокровищницы персидского царя. Огромные богатства помогли Иегуде возвысить патриаршество до единовластия и перенести авторитет синедриона на личность патриарха.

Иегуда сделал резиденцией синедриона Тивериаду. Самочинно перетасовывая законы и постановления, он отбирал из всех сборников танаев удобные ему галахи и свел их воедино под названием Мишны, которая стала основным ядром Талмуда.

В современном виде Мишна разделена на шесть отделов (седарим), которые состоят из 63 трактатов (массехот). Каждый трактат имеет главы (пераким), а главы — параграфы (мишны).

Мишна явилась завершением религиозной деятельности танаев. Бесправной массе, искавшей утешения в религиозных поучениях, они дали отлитый в сухих и темных богословских формулах кодекс — огромное

количество религиозных предписаний, связывающих каждый шаг верующего человека и освящающих гнет и эксплуатацию, неравенство и рабство.

Мишна, ее галахи и поучения стали предметом дальнейших толкований иудейского вероучения, вызванных стремлением иудейских богословов сохранить иудаизм в изменившихся условиях жизни евреев в Палестине и диаспоре¹. В духовных академиях палестинских городов Тивериады и Лидды в течение III—IV вв. разрабатывались дополнения к Мишне, получившие название Гемары. Палестинская Гемара прокомментировала всего 39 трактатов Мишны (из 63). Палестинская Гемара (Талмуд Иерушалми) не пользуется авторитетом даже у верующих евреев.

Большую роль в дополнении Мишны и в формировании талмудического направления в иудаизме сыграла диаспора — еврейские колонии вне Палестины.

Диаспора имеет свою сложную и долгую историю. Возникнув в пору вавилонского плена, диаспора ширилась и распространялась в последующие века. В I—II вв. н. э. значительные еврейские колонии разместились на территории Ирана — великой восточной державы, противопоставившей себя римской экспансии на Востоке. Экономические и политические условия жизни евреев Иранского государства во многом отличались от социальных условий жизни евреев Римской империи. Иудаизм нашел здесь более благоприятную почву для сохранения своей обособленности и самобытности. Идеологи его, продолжая линию танаев, завершили талмудическое направление в иудаизме и литературно оформили Талмуд (Талмуд Бавли).

¹ Диаспора — поселения евреев в странах, находящихся вне Палестины.

К III в. н. э., ко времени кодификации Мишны, в Иранском государстве основная масса евреев жила в Вавилонии и Месопотамии и занималась сельским хозяйством. Характерно, что талмудист Рава говорил своим ученикам: «В дни нисана (время жатвы) и в дни тишре (время сбора плодов) не показывайтесь предо мной, чтобы не были озабочены пропитанием вашим (чтобы не нуждались) весь год» (Берахот, 35б).

Здесь, как и в Римской империи, преобладала крупная земельная собственность, сосредоточенная в руках земельной аристократии и сановной знати. Большие поместья обрабатывались рабами. «Кто богат?» — спрашивает рабби Тарфон. «Всякий, — гласит ответ, — у кого имеется 100 виноградников и 100 полей и 100 рабов, которые обрабатывают их» (Шаббат, 25б).

«Разве владелец поля сам молотил проданное зерно?» — спрашивает талмудист. — «Нет, — отвечает рабби Нахман, — зерно молотил раб и рабыня» (Баба-Мециа, 27а).

Наряду с крупными латифундиями широкое распространение имело среднее землевладение. Владельцы этих земельных участков, как правило, сдавали свои земли в аренду или обрабатывали их наемными работниками.

С ростом земельной аристократии и зажиточного крестьянства в Иранском государстве происходил процесс обезземеливания и обеднения мелких крестьян. Налоговый гнет, который все время усиливался, окончательно разорил мелких землевладельцев. Появилась армия сезонных и поденных работников. В талмудической литературе эти работники приравниваются к рабам и бедным. Обездоленных и нищих людей стали использовать в сельском хозяйстве осо-

бым образом. Землевладелец помещал их на отдельных участках, выдавал им определенное количество продуктов на пропитание и заставлял работать до седьмого пота, присваивая все продукты их подневольного труда. «Труд рук его (раба) принадлежит его господину» (Гиттин, 12а). Характерно, что котел, из которого ели все сообща, носил название *evus* (ясли), т. е. так же, как и устройство для кормления скота (Недарим, IV, 4).

С изменением форм использования труда обезземеленных и разоренных крестьян стали изменяться и методы и формы эксплуатации рабского труда. Рабов прикрепляли непосредственно к земле и предоставляли право пользоваться частью урожая с обрабатываемых ими участков. Таким образом, на смену разлагающемуся рабству пришла аренда и издольщина, а отчасти и наемный труд. Дробление же земли и прикрепление к ней непосредственного производителя стало зачатком, зарождением феодализма. Переплетение рабовладельческих общественных отношений с растущей системой крепостнических институтов в Иранском государстве в полной мере отразилось и на жизни еврейских народных масс. Налоговый гнет, разорение мелких крестьян, нещадная эксплуатация рабов и обездоленных работников, резкий контраст между богатством аристократии, сановников и духовенства и нищета масс — такова картина социальной жизни еврейских общин Иранского царства III—V вв.

Еврейские общины руководствовались собственной юрисдикцией и возглавлялись наместником Иранского государства, *эксилархом*. *Эксиларх*, сам крупный земельный собственник, представлял интересы еврейской знати, земельной аристократии, высших государственных чиновников и откупщиков государственных

податей. Он осуществлял надзор за порядком в тех областях, где проживали евреи; следил за ходом торговли и за состоянием ирригационной системы, регулировал цены, собирал подати и налоги с еврейского населения для иранской казны и собственной кассы. Эксиларх пользовался правом «кнута и палки» (Сангедрин, 5а), а также штрафовал и выносил смертные приговоры (Таанит, 24б).

Наряду с централизованной властью эксилархата в жизни еврейских общин важную роль играло духовенство религиозных академий.

Историк XV в. А. Закуто (1450—1515) в своей книге «Иохасан» («Книга генеалогии») характеризует светских и духовных властителей вавилонских еврейских общин как «людей бессовестных и несправедливых», покупавших дарами и лестью свои теплые доходные места у властелинов Иранского государства. Эксилархи были верховными судьями еврейских общин не только по гражданским, но и по уголовным делам. Для осуществления юрисдикции над своими единоверцами они нуждались в «своих» законах и кодексах, за трактовку которых и принялись иудейские богословы.

Центрами иудейского богословия в Иранском государстве были духовные академии городов Суры и Пумбадиты. Богословов этих школ принято называть амораями (разъяснителями). Разрабатываемые ими религиозные законоположения и предписания своими корнями уходили в Библию и Мишну. Подражая палестинским богословам III в., вавилонские амораи «разъясняли» основные догматы и правовые нормы Мишны.

Все сказанное дает представление о том, каким образом складывался Талмуд — это нагромождение

комментариев сначала к Ветхому завету, затем комментариев к этим комментариям и дополнений к комментариям. Подобные наслоения на протяжении многих веков, с IV в. до н. э. по IV в. н. э., отражали в религиозной форме различные моменты истории древних евреев, классовую борьбу в их среде, общественную и духовную жизнь. Первые законоположения и поучения Талмуда зародились в период господства рабовладения в Палестине, затем они были видоизменены и восполнены в эпоху расцвета рабовладельческих общественных отношений на Древнем Востоке и, наконец, наполнились новым содержанием в эпоху зарождающегося феодализма. Талмуд, порожденный социальными условиями эксплуатации, и поныне является теологической опорой для тех, кто прославляет реакцию.

МОНОТЕИЗМ

Древнейшая религия евреев представляла собой совокупность верований, характерных для первобытнообщинного и родового строя. У них существовали культы духов, стихий природы, предков и т. п.

Боги — покровители земледелия, скотоводства и других отраслей хозяйства у древних евреев, как и у хананей и финикийцев, имели общее название — ваалов. Идолы-ваалы были, как правило, установлены на возвышенности, под сенью дубов. Каждый ваал являлся хозяином своей местности. К нему обращались за благословением своих стад или полей. В Ветхом завете имеется много указаний на идолопоклонство евреев. Иезекииль (XX, 28) говорит от имени Яхве: «Когда я привел их в землю, которую

я обещал дать им», то «они, высмотрев себе всякий высокий холм и всякое ветвистое дерево, стали закалывать там жертвы свои». Второзаконие (XII, 2—3) прямо требует разбить «истуканы богов», истребить их «на высоких горах, на холмах и под всяким зеленеющим деревом».

Кроме ваалов евреи поклонялись и другим божествам: Бетэль, Анат (жене Яхве), Шаддаю, Эль-Эльону, Саваофу и др. Они почитали богов не только своего пантеона, но и богов других народов Древнего Востока: Таммуза, Молоха, Астарту и др.

По представлениям древних евреев, излюбленным местом богов были холмы. На их вершинах строили святилища и воздвигали жертвенники. Обычай совершать богослужение на высотах существовал у многих древних народов. Гомер рассказывает, что троянцы приносили Зевсу жертву на горе Иде (Илиада, X, 17). Древние персы также считали высоты местом пребывания богов (Геродот, I, 31).

В условиях разложения родового строя происходило своеобразное расширение представлений о боге: ему приписывается теперь не только влияние на урожай, погоду, охоту, но и на взаимоотношения людей внутри рода. Божества становятся жадными и ненасытными, воплощая в себе черты восточных деспотов со всеми их капризами и прихотями. Устами жрецов они непрестанно требуют жертв, и верующие приносят им не только плоды своего труда, но и первородных или единственных детей.

Святилища, позднее храмы, обслуживались жрецами и пророками. Значительную часть приносимых жертв они присваивали себе. Жрецы поддерживали в среде верующих идею о том, что человек — раб божий и горе ему, если он оскорбит своего грозного

владыку. Только самой дорогой жертвой он снова мог снискать его расположение.

О первобытных религиозных представлениях древних евреев, о поклонении их силам природы, обожевлении различных предметов сохранились указания в самом Ветхом завете. Он рассказывает о «святом» камне, установленном Яковом в Бетэле (Дом божий), о том, что пророк Гошеа рассматривал стоячий камень как необходимую часть святого места, предназначенного для поклонения богу. О почитании дуба древними евреями также свидетельствует Ветхий завет. «Оракульскому» дубу в Сихеме и «маврийскому» в Хевроне Авраам построил алтарь. Яков идола «чужих богов» закопал под дубом близ Сихема. Когда умерла Девора, кормилица Ревекки, она была похоронена близ Бетэля под дубом, отчего дерево это названо «дуб плача». Древесный дух явился в Офре под дубом Гедеону.

О почитании луны свидетельствуют лунные праздники, устраиваемые древними, и молитвы, обращаемые к ней по сей день верующими евреями. Верующий еврей встречает луну в начальной ее фазе (во второй четверти) магическими плясками и молитвой, формула которой гласит: «Подобно тому, как я прыгаю перед тобой и не достигаю тебя, так пусть враги мои не достигнут меня в своем стремлении причинить мне зло».

Вера в духов, этот пережиток глубочайшей древности, зафиксирована в Талмуде. Талмуд не только допускает наличие бесчисленных демонов обоего пола, земных и водяных, дневных и ночных, в нем разработана специальная рецептура для борьбы с ними. Вот, к примеру, как Талмуд разрешает вопрос о том, можно ли ночью пить воду: кто это делает, подвер-

гает себя смертельной опасности. Что же делать, если ночью пить захочется? Надо поступить таким образом: если в той же комнате есть еще кто-нибудь, надо разбудить его и сказать ему: «Мне пить хочется». Если же человек один, то надо ударить крышкой кувшина по кувшину и сказать себе самому: «Ты (имярек) сын (имярек), твоя мать предостерегала тебя и сказала тебе: берегись Шабеири, Берири, Рири, Ри (название бесов.— М. Б.), которые находятся здесь в белых кубках». После этого может пить, ничего не боясь (Абода зара, 126).

Особенно много внимания древние евреи уделяли вопросу о наличии душ у животных и человека. Согласно их воззрениям, душа пребывает в разных частях тела — в сердце, в печени, в крови. Библия особо подчеркивает, что местопребыванием души животных является кровь, и запрещает поэтому употребление крови в каком бы то ни было виде: «Душа тела в крови» (Левит, XVII, 11), «Не ешьте крови ни из какого тела, потому что душа всякого тела есть кровь его» (Левит, XVII, 14), «Кровь есть душа; и не ешь души вместе с мясом» (Второзаконие, XII, 23).

Вера в душу, обитающую в крови живого тела, сохранилась у религиозных евреев до настоящего времени. Мясо употребляется ими в пищу только после того, как из него будет удалена вся кровь.

Центральной фигурой иудейского пантеона является бог Яхве.

Вопрос о происхождении культа этого божества самый важный в изучении иудаизма, но в то же время и наиболее трудный.

Трудности вызывает само имя Яхве. Библейский рассказ о бегстве Моисея из страны Египетской, его знакомстве с дочерью мадианитского священника

Сопфорой и явлении Яхве в пламени тернового куста (Исход, II и III) дал основание некоторым исследователям иудаизма заключить, что Яхве был божеством мадианитского племени, обитавшего неподалеку от границ Египта, на Синайском полуострове. Но если Яхве и был вначале мадианитским богом, это мало помогает в выяснении вопроса о происхождении самого образа Яхве.

Иудейские и христианские жрецы, богословы разных исповеданий и их учений сподвижники делали все возможное для того, чтобы вытравить все следы земного происхождения Яхве.

Прослеживая историю появления бога Яхве, критически рассматривая сказания и легенды Ветхого завета о том, как он открылся людям, его повадки и вкусы, его кровный союз с «избранным им народом», Скворцов-Степанов пришел к выводу, что образ Яхве получает достаточное объяснение в культе предков. По мнению ученого, Яхве никакого отношения к культу природы не имеет.

Однако с образом Яхве связаны не только представления о культе предков. Вопрос о его первоначальном облике остается спорным. В науке он до сих пор окончательно не решен. А. Б. Ранович, например, считает, что Яхве обычно представляется богом вулканическим либо грозным. А. П. Каждан утверждает, что Яхве был богом грозы. По мнению С. А. Токарева, в образе Яхве более отчетливо видны «черты духа — патрона инициации»¹. Однако, скорее всего, в представлениях древних евреев Яхве был богом огня. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что в Библии сохранилось много рассказов, в которых

¹ Инициация (от латинского *intiare*) — посвящение.

Яхве представляется в виде огня. Так, Моисею Яхве явился «в пламени огня из середины тернового куста» (Исход, III, 2). Чтобы наказать египтян, Яхве «в утреннюю стражу воззрел... из столпа огненного и облачного» (Исход, XIV, 24). Когда «сыны Израилевы» странствовали по пустыне, Яхве «шел пред ними днем в столпе облачном, чтобы указывать им путь, а ночью в столпе огненном, чтобы светить им» (Исход, XIII, 21). На горе Синае Яхве сошел в огне и восходил от нее дым, «как дым печи» (Исход, XIX, 18). В знак того, что молитва пророка Илии была услышана, бог ниспослал огонь «и пожрал все-сожжение... увидел это весь народ и пали на лице свое, и сказали: Яхве есть бог!» (Первая кн. Царей, XVIII, 38—39). Во Второзаконии прямо сказано: «Яхве, бог твой, есть огонь поядующий» (Второзаконие, IV, 24).

Огненные черты Яхве проявились и при заключении союза с патриархом Авраамом. «Когда зашло солнце, и наступил мрак, и вот дым печный и пламя огненное прошли между рассеченными животными» (Бытие, XV, 17). На огненную природу Яхве имеются и другие свидетельства в Пятикнижии. Когда Моисей и Аарон вышли в скинию собрания, то «вышел огонь от Яхве и пожрал на жертвеннике все-сожжение и тук» (Левит, IX, 24). Находясь в тяжелых условиях пустыни, народ «стал роптать злое в слух Яхве; и услышал Яхве, и воспламенился гнев его и возгорелся у них огонь Яхве и начал истреблять край стана. И возопил народ к Моисею; и помолился Моисей Яхве, и утих огонь» (Числа, XI, 1—2).

Со временем образ Яхве изменяется. Из духа огня в условиях родовой организации в Ханаане он превращается в бога колена Иуды (Иегуды). В это вре-

мя он еще не был «вездесущ», его сила и власть были территориально ограничены. Это только местный божок. По свидетельству Ветхого завета, сами патриархи только в некоторых местах учредили культ Яхве (Авраам — в Сихеме и Хевроне, Исаак — в Беэр-Шеве, а Яков — в Бетэле). Чтобы уйти от Яхве, пророк Иона бежит в Фарсис, где Яхве уже не в состоянии причинить ему зло (Иона, I). Давид в изгнании жалуется на то, что не может «участвовать в наследии Яхве» и вынужден служить «чужим богам» (Первая кн. Самуила, XXVI, 19).

В общенародного бога Яхве превратился лишь в иудейском рабовладельческом государстве так называемого периода царств. С уничтожением родовой организации неизбежно падают племенные божества. На Яхве переносят атрибуты прочих богов. Он становится подателем урожая, наставником в ремесле, защитником на войне. Прочие же боги становятся к нему в подчинение, превращаются в его служителей. Солнечное божество Самсон (о его солнечном характере свидетельствует его имя Schmsch — солнце) теряет свои божественные черты и становится сказочным богатырем. «Козел-бог» Азаел становится в подчиненное положение по отношению к Яхве, которому теперь приносится жертва и который перенял от Азаела функцию очищения от «грехов».

С образованием классового государства Яхве становится «мелеком» — царем небес, уподобляясь земному владыке государства. Вера в единого и «общенационального» бога Яхве явилась средством затушевывания классовых противоречий и классовой борьбы идеей единства всех слоев населения перед лицом бога Яхве. «Вся совокупность природных и общественных атрибутов множества богов переносится,—

писал Энгельс,— на *одного* всемогущего бога, который, в свою очередь, является лишь отражением абстрактного человека. Так возникает монотеизм, который... нашел свое уже готовое воплощение в иудейском, исключительно национальном боге Яхве»¹.

Борьба за централизацию культа Яхве и за признание его единым богом евреев длилась долго. Возглавляли эту борьбу господствующие эксплуататорские классы, так как они были заинтересованы в ликвидации первобытнообщинных и родовых порядков и в прикрытии своего гнета авторитетом «общенародного» бога.

Главную роль в распространении монотеистических взглядов среди древних евреев сыграло жречество, сконцентрированное вокруг Иерусалимского храма. Жрецы этого храма были подчинены царю. Их богатства росли из года в год благодаря обильным жертвованиям и приношениям. Со временем они с помощью царей стремились уничтожить все другие святилища в Иудее и объединить всех сынов Израиля единым культом Яхве, совершаемым в Иерусалимском храме. Тенденция к монотеизму существовала и в египетской религии, и в вавилонской, и в иранской, и эта тенденция всегда была отражением политической централизации, самодержавной власти царя. «Единство бога...— писал Энгельс,— есть лишь отражение единого восточного деспота»². Но эти попытки ввести монотеизм разбивались каждый раз о сопротивление жрецов местных культов и о другие центробежные силы. В иудаизме же впервые в истории религии был провозглашен монотеизм. Это объяснялось

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 329.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 56.

активной деятельностью пророков и безграничной властью жрецов Иерусалимского храма. Не имея сильных соперников, они пользовались покровительством царей и оказались в положении монополистов.

Вне Иудеи активным распространением иудейского монотеизма занялись местные собрания еврейских общин (синагоги), обильно возникшие в эпоху эллинизма в различных странах Ближнего Востока.

Со времени греческого владычества над Иудеей значительные массы угнетенного народа покидали территорию страны и искали пристанище в Египте, Месопотамии, на острове Кипр и в других местах. В середине I в. н. э. на территории всей Римской империи проживало 4—4,5 млн. евреев, из них в самой Палестине — не более 700 тыс. Евреи диаспоры жили общинами, почитали Иерусалимский храм, имели своих проповедников и законоучителей, собираясь на богослужения в синагогах. «Во всех религиях,— писал Энгельс,— существовавших до того времени (т. е. до христианства.— М. Б.), главным была обрядность. Только участием в жертвоприношениях и процессиях, а на Востоке еще соблюдением обстоятельнейших предписаний относительно приема пищи и омовений, можно было доказать свою принадлежность к определенной религии. В то время как Рим и Греция в этом отношении проявляли терпимость, на Востоке свирепствовала система религиозных запретов, которая не мало способствовала наступившему в конце концов упадку. Люди двух разных религий — египтяне, персы, евреи, халдеи — не могут вместе ни пить, ни есть, не могут выполнить совместно ни одного самого обыденного дела, едва могут разговаривать друг с другом»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 313.

С подчинением стран Востока Александру Македонскому, а затем Риму евреи диаспоры уже не могли жить обособленно. Коренным образом изменилось их социально-экономическое положение. На территории сначала эллинистических государств, а потом Римской империи евреи начинают играть все бóльшую роль в области ремесленного производства, обмена и торговли. Новые условия экономической жизни заставили их постоянно находиться в общении с другими народами, усваивать языки, обычаи и культуру этих народов. Под влиянием этих условий вероучители диаспоры внесли некоторые изменения в «вероучение отцов». Библия была переведена на греческий язык (Септуагинта). При этом переводчики в интересах пропаганды библейских догм среди народов, с которыми общались евреи, имя еврейского, исключительно национального бога Яхве подменили абстрактными определениями вроде «всевышний», «владыка», «слава» и т. п. К тому же еврейские мыслители Александрии толковали «священное писание» в таком духе, чтобы сблизить иудаизм с греческой идеалистической философией. Так, Филон Александрийский¹, последователь учения Пифагора и Платона, в своих многочисленных комментариях к Библии соглашался с тем, что «пятикнижие Моисеево» — священный источник всякой мудрости. Однако в отличие от правоверных иудеев, утверждавших, будто «Моисеев закон» открыт только им, Филон считал, что Тора дана не только одному народу, а всему человечеству и что греческая философия — лишь отголосок того учения, которое содержится в священных письменах иудеев. Желая

¹ Филон Александрийский (20 г. до н. э. — 50 г. н. э.) — философ и богослов.

внушить греко-римскому миру высокое уважение к Библии, Филон вместе с тем пытался покончить с антропоморфными представлениями о боге. Перетолковывая библейские тексты в духе философии Платона¹, он утверждал, что бог лишен человеческих атрибутов, всяких грубых и осязаемых свойств, что бог един, бестелесен и абстрактен. Человек, по учению александрийского мыслителя, не может познать бога. Ему дана возможность познавать только манифестации божества, т. е. силу и премудрость бога, или иначе — логос. Логос, по Филону, — это первородный сын, первый архангел бога. Филоновское учение о логосе стало важнейшей доктриной первоначального христианства. Ф. Энгельс считает Филона «отцом христианского учения».

Не только авторы евангелий, но и правоверные иудейские богословы I—II вв. н. э. находились под влиянием филоновских монотеистических воззрений. Осознав, что национальный бог Яхве не может в иудейском облачении привлечь на свою сторону египтян, греков, сирийцев и римлян, идеологи иудаизма стали приписывать ему общечеловеческие качества. Яхве, пекущийся о судьбе только евреев, в условиях диаспоры превращается в бога-спасителя всего человечества. «...Иудейство, — писал Энгельс, — рационалистически вульгаризованное благодаря смешению и общению с неевреями и полуевреями, дошло до пренебрежения ритуальными обрядами, до превращения прежнего исключительно еврейского национального бога Яхве... в единственно истинного бога, творца

¹ Филон до того проникся учением Платона, что о нем говорил: «Либо Платон филоновствует, либо Филон платонствует».

неба и земли, и до признания первоначально чуждого иудейству бессмертия души»¹.

В кумранских рукописях проявляются старания редакторов канона иудейской Библии вытравить в ней следы многобожия. Сравнивая найденные на берегу Мертвого моря книги Бытия, Исаяи и др. с одноименными книгами, составляющими Танах, ученые насчитывают множество разночтений. Масореты обращались со «священными» текстами произвольно, бесцеремонно исправляя и подгоняя их под свою богословскую концепцию об изначальности иудейского монотеизма. Так, например, автор кумранского Второзакония (XXXII, 43) призывает всех богов поклониться Яхве, редакторы Септуагинты этот призыв переадресовали «ко всем ангелам Божиим». Масореты же поняли, что в этих двух вариантах все равно проступает древнеиудейский политеизм, а потому это место из Танаха просто убрали. Но как ни старались редакторы Ветхого завета, они не в состоянии были исправить все его тексты в соответствии с догматом о едином боге Яхве. Талмудисты поэтому предприняли попытку ликвидировать иудейский пантеон по-иному. Чтобы обосновать «извечность» иудейского монотеизма, они стали своевольно трактовать имена ветхозаветных богов. Не вдаваясь ни в историю происхождения представлений древних людей о богах, ни в этимологический смысл имен богов, талмудисты писали: «И сказал Яхве Моисею: ты хочешь знать мое имя? Я называюсь по моим делам. Я называюсь то Шаддай, то Саваоф, то Яхве, то Элоха. Когда я произвожу суд над людьми, я называюсь Элоха, когда воюю с грешниками, я называюсь Саваоф, когда отношусь

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 308—309.

к ним долготерпимо, называюсь Шаддай, когда милую мир, я называюсь Яхве. Имя Яхве выражает только мою меру милосердия» (Шема раба, III, 14).

Талмудисты были настойчивы в своих попытках доказать, будто иудеи являются поклонниками только единого бога. Однако они понимали, что иудейскому монотеизму бог Элохим — помеха: «элохим» означает «боги», он фигурирует в Библии во множественном числе и наряду с богом Яхве творит, по Ветхому завету, мир и принимает участие в исторических судьбах народа Израиля. Все это закрепляет за Элохимом право считаться наравне с Яхве великим богом.

При рассмотрении любого богословского вопроса талмудисты неизменно пользовались одним и тем же приемом: при помощи казуистического, схоластического толкования ветхозаветного стиха выдавать желаемое за действительное. Этим же приемом они старались «доказать» иудейское единобожие.

В трактате «Абот рабби Натана», который представляет собой своеобразную сводку материала Гемары, автор во имя спасения единобожия приносит в жертву даже бога Яхве: Яхве, мол, — не собственное имя бога, а лишь некое качество абстрактного божества («мера милосердия»). В главе XXXVII (2-я версия) этого трактата мы читаем: «Десятью именами назван в похвалу Господь, а именно: Эль — царь; Адон — господин всего; Элохим — судья; Яхве — милосердный; Эрех апаим — долготерпеливый к грешникам; Шаддай он назван потому, что бог, увлекшись актом миротворения, все увеличивал и увеличивал мир; Саваофом господь назван потому, что он управляет своими воинствами».

Но так как филологические обоснования иудейского монотеизма были «понятны» только самим талму-

дистам, они решили, чтобы единобожие стало верой, свои изыскания сделать для верующих законом: следует молиться лишь богу Яхве. Молящийся же Элохиму — вероотступник: «Начинающий славословие с Яхве и заключающий тем же именем — мудрец (ученый); начинающий с Элохим, а заключающий Яхве — посредственность; начинающий с Яхве и заключающий именем Элохим — неуч; начинающий с Элохим и заключающий тем же именем — еретик¹ (Тосефта Берахот, VII, 20).

И все же ухищрения талмудистов не смогли скрыть политеистические представления древних евреев. Объективное изучение материалов об эволюции Яхве показывает, что из бога стихий природы он превратился в божество колена Иуды, затем стал вершителем судьбы всего Израиля, а в диаспоре обрел черты зиждителя и судьбы вселенной и человечества.

Яхве, судя по рассказам Библии и археологическим находкам, имел свое изображение. Самым древним его изображением был лев.

О связи Яхве со львом говорит «благословение Иакова» (Бытие, XLIX, 8—12), в котором Иуда, чьим богом был Яхве, отождествляется со львом («Молодой лев Иуда; с добычи, мой сын, ты поднялся. Преклонился он, лег, как лев и как львица: кто поднимет его?»).

В царскую эпоху образ льва был также выражением внешнего облика Яхве. В храме керубу — эмблему Яхве — изображали в виде льва. (I кн. Царей,

¹ Возможно, что здесь отразилась борьба талмудистов против воззрений христиан, придававших особое значение имени Элохим, как доказательству триничности божества. См. русский перевод Мишны Н. Переферковича (т. I, Спб., 1902). Примечание второе к стр. 38.

VII, 29). Иезекииль (XLI, 19), описывая керубы на фризе храма, говорит: «С одной стороны к пальме было обращено лицо человеческое, а с другой стороны в пальме лице львиное».

В Библии сохранились следы того, как изображение Яхве в виде льва постепенно вытеснялось изображением быка. В Исходе (гл. XXXII) мы имеем искаженную жрецами традицию о «тельце» как изображении Яхве. Во всяком случае «вероотступник» Иеровоам, установивший в Бетэле и Дане золотых тельцов («И, посоветовавшись, царь сделал двух золотых тельцов и сказал народу... вот боги твои, Израиль, которые вывели тебя из земли египетской» (I кн. Царей, XII, 28), был, по-видимому, ревностным поклонником Яхве: ведь, согласно легенде, он был выдвинут в кандидаты на царство против «отступника» Соломона «пророком Яхве».

После возвращения из вавилонского пленения жрецы категорически запретили «изготавливать литых богов» и иметь какое-либо изображение бога Яхве. Однако абстрактное божество не могло стать предметом поклонения, особенно в условиях диаспоры и после того, как второй храм был разрушен. Незримый бог должен был получить свой зримый портрет. «Чтобы стать религией,— писал Энгельс,— монотеизм с давних времен должен был делать уступки политеизму, начиная уже с Зенд-Авесты¹. У евреев хронически происходило возвращение к языческим чувственным богам до тех пор, пока создание — после изгнания — небесного придворного штата, по персидскому образ-

¹ Авеста — древнейшая часть «священной книги» иранцев. При Сасанидах ей была дана новая редакция и составлен комментарий к ней — Зенд.

цу, несколько больше приспособило религию к народной фантазии»¹.

И действительно, многие талмудические пояснения, особенно амораев, о поведении и занятиях бога Яхве сильно напоминают древневосточные и древнегреческие мифы о языческих богах. Характерная особенность этих мифов заключается в том, что в них боги обладают определенными качествами и имеют свой образ. Вероучители поняли, что бог Яхве сумеет конкурировать с богами Греции и Рима, Ирана и Вавилонии лишь в том случае, если и он обретет пусть воображаемый, но обязательно «свой» портрет, станет «живым богом». Иначе Яхве останется пустым звуком и не сделается предметом религиозного почитания и поклонения.

Вопреки библейскому запрету «не сотвори себе кумира», составители Талмуда, подражая антропоморфной конкретности и пластичности языческих богов, описывали во всех видах «своего» бога Яхве. Подобно тому как в классических мифах боги вечно о чем-то хлопочут, так и Яхве, по Талмуду, круглые сутки занят весьма важными делами. В трактате Абода зара (3б) сказано: «Рабби Иегуда говорит: день имеет двенадцать часов. В первые три часа бог сидит и занимается Торой. Во вторые три часа он сидит и судит вселенную; когда он замечает, что мир заслуживает уничтожения, тогда, встав с трона суда, он садится на трон милосердия. В третьи три часа он сидит и питает весь мир, начиная от единорога до яичек насекомых. В четвертые — он сидит и играет с левиафаном»².

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 490.

² Левиафан — мифическая, выдуманная талмудистами рыба длиной в 300 миль.

И ночью бог Яхве не бездельничает. Законоучитель Исаак бен Самуил учит: «Ночь имеет три стражи, и в каждой страже бог сидит и ревет как лев и говорит: горе сыновьям, за грехи которых я разрушил свой дом (речь идет о Иерусалимском храме.— М. Б.), сжег свой чертог и детей своих рассеял между народами» (Берахот, За).

Талмудистский бог Яхве, как и многие языческие боги, полон страстей. Так, в трактате Берахот утверждается, что Яхве гневается и что в минуты гнева он не щадит никого. Талмудисты даже затеяли спор по вопросу о длительности гневного состояния Яхве: по рабби Иоханану, это состояние длится 85,888 часа, по рабби Абайе — в течение первых трех часов дня.

Талмудисты придали Яхве форму видимого, чувственного и осязаемого божества. Вот что они рассказывают об акте творения: «Тора говорит: я была планом сотворения мира. Когда царь строит дворец, он приглашает архитектора. Архитектор составляет план, чертежи: где быть коридорам, где быть залам. Бог заглядывал в Тору и создавал вселенную» (Мидраш¹ Берешит, I). Таковы антропоморфные представления всех сторонников религии: раз человек создает вещи, то и мир кем-то создан; бог — человекоподобен.

По вопросу о последовательности миротворения мнения талмудистов расходятся. Шаммаиты утверждают, будто сначала бог создал небо, а потом землю; гиллелиты говорят, что сначала — землю, а потом —

¹ Мидраш — талмудическая литература, составленная главным образом в средние века и комментирующая ветхозаветные стихи.

небо. Сотворение богом мира, поясняют шаммаиты, можно сравнить с тем, как царь построил себе раньше трон, а потом уже скамеечку для ног. Гиллелиты оспаривают это мнение следующим доводом: сотворение мира, говорят они, нужно сравнивать с построением дворца царя: сначала построены нижние этажи, затем верхние.

О занятиях бога Яхве после того, как он сотворил мир, имеется характерный рассказ в Берешит раба (LXVIII, 4). Одна матрона спросила рабби Иосе бен Халафта, во сколько дней бог создал мир? «В шесть,— ответил рабби.— Но чем же он занимается с того времени доньше?— Бог сидит и устраивает браки: дочь того-то назначается тому-то.— Но разве это большое искусство, ведь я тоже могу это сделать: у меня много рабов и много рабынь, и в одну минуту сочетаю их браком.— Тебе это кажется легким делом, а для бога это такое же чудо, как расщепление Чермного моря, которое произошло при исходе евреев из Египта».

Наряду с Яхве в Талмуде фигурирует бог, именуемый Шехина (покоящаяся сущность), нечто вроде «духа святого» у христиан. В трактате Сукка (53а) Шехина отождествляется с богом. Шехина очень похожа на богов древнегреческих мифов. Как богиня плодородия Деметра, услышав крик дочери Персефоны, которую похитил владыка подземного мира и царства мертвых Аид, тяжело скорбит о потере и, одетая в темные одежды, блуждает по земле, проливая горькие слезы, так и Шехина, пищут талмудисты, плачет о печальной судьбе Иерусалима, его храма и народа. В трактате Хагига (5б) описано, как Шехина вместе с ангелами сошла с неба, спряталась в сокровенном месте (мисторим) и там проливали горькие слезы.

На вопрос ангелов, почему она горюет, Шехина ответила: плачу потому, что лишилась Иерусалимского храма — единственного жилища, которое я имела на земле. Шехина также печалится по поводу горькой участи сынов Израиля. В Берахот (59а) сказано: «Когда Шехина вспоминает, что ее дети, рассеянные среди народов, испытывают горе, из глаз ее выступают две слезы, и они падают в великое море с шумом, который слышен от одного конца мира до другого».

Все это говорит о том, что талмудисты представляли бога антропоморфно: он, подобно человеку, нуждается в жилище, плачет и т. п.

Интересно, что до потери своего жилища на земле Шехина, по представлению талмудистов, была веселого и игрового нрава. Сохранился рассказ о том, как Шехина взяла на себя хлопоты по устройству бракосочетания Адама и Евы. Омыв Еву, Шехина надела на нее рубашку, помазала волосы благовониями и торжественно повела в рай к Адаму. Чтобы было веселее, Шехина захватила с собой сонм ангелов. Они окружили Адама и Еву, оглушая рай звуками труб, кимвалов и флейт. Талмудисты не забыли указать, что на свадьбу явились также солнце, луна и звезды, которые танцевали перед Евой в качестве ее подруг (Эрувин, 18а).

Весьма характерна для богословских построений Талмуда его обработка широко распространенного среди многих народов мифа о луне. У древних народов луна считалась божеством года, глашатаем празднеств и народных собраний. И у древних евреев луна, как сказано, пользовалась особым почетом. Талмуд объясняет причину такого отношения к ней тем, что первоначально бог создал два великих светила —

солнце и луну — совершенно равными, но однажды луна сказала Шехине: «Не могут два царя пользоваться одним престолом». Тогда Шехина и определила: «Иди, и будь меньшим светилом». Через некоторое время пришла луна к Шехине и говорит ей: «За что ты умалила меня, когда я говорила правду?» Шехина раскаялась в своем поступке и для успокоения луны предписала особые правила: пусть Израиль считает по тебе дни и годы. И поныне верующие евреи встречают луну один раз в месяц молитвой.

Легенды и сказки о Шехине пронизаны богословским духом, нравоучительными и душеспасительными поучениями о богоугодном поведении человека и преисполнены всевозможных нелепостей.

Талмуд твердит: «Царство земное соответствует царству небесному» (Берахот, 58а). Правильнее было бы эту фразу перевернуть и сказать: царство небесное соответствует царству земному. Иначе говоря, представления Талмуда о боге, о сотворении мира являются фантастическими образами реальной земной жизни людей. Так, в условиях отмирания общественных отношений рабовладения и появления феодальных форм жизни амораи Суры и Пумбадиты стали приписывать богу и всем небожителям сложную систему взаимоподчинения и взаимопочитания по земному образцу. «Иерархия,— писали Маркс и Энгельс,— есть идеальная форма феодализма; феодализм есть политическая форма средневековых отношений производства и общения»¹.

Талмуд проповедует наивный взгляд о семи небесах, расположенных в следующем порядке: Вилон (поднимающийся и опускающийся над солнцем зана-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 164.

вес); Ракиа (место, к которому прикреплено солнце); Шехахим (местонахождение манны для праведников); Зевул (небесный храм, где архангел Михаил приносит жертву богу Яхве); Маон (обиталище ангелов); Махон (кладовая града и дождя, снега и тумана); Арават (сокровище справедливости, благоволений и «росы воскресения»); и над всеми этими небесами, заключает Талмуд, «царит сам великий царь» (Хагига, 126).

Вавилонские амораи находились под сильным влиянием Авесты, в основе которой лежала дуалистическая идея борьбы в мире светлого и темного начал. В соответствии с ее воззрением на объективную действительность талмудисты сформулировали свое учение об ангелах и демонах, действующих в мире, разделенном на царства света и тьмы, добра и зла. Царство света, по Талмуду, — это сонм добрых ангелов, царство тьмы — обиталище демонов. Первые ангелы, заявляют амореи, были созданы из света во второй день творения. Самым главным среди первых ангелов был Метатрон, о котором сказано, что бог Яхве дал ему от своего величия шестьсот тысяч миль в длину и тысячу в ширину (Хагига, 15а). Имя старейшего ангела огня Метатрон, видимо, происходит от имени персидского бога Митры. Из догмата Авесты о том, что огонь является сыном бога Ормузда (светлое начало), талмудисты вывели сказание об ангелах, купающихся в свете.

Ангелы, по Талмуду, создаются не только из света, но и из других стихий: из воды, ветра, огня и т. п. Смотря по тому, для какой должности они назначаются. Так, например, ангелы-послы происходят из ветра, потому что они быстры; ангелы, стоящие перед престолом Яхве, вышли из огня; ангелы, владеющие

морями, сотворены из воды. Талмуд утверждает, что каждое слово божие, каждый выдох из груди Яхве дает жизнь новым ангелам (Хагига, 14а), что «нет ни одной былинки на земле, которая не имела бы своего ангела на небесах» (Берешит раба).

Народная фантазия наделила ангелов всемогущими свойствами. Ангелы — умельцы под стать богу. Талмуд подробно описывает силу и умение ангелов, но предупреждает против греховного отождествления ангелов Яхве с самим Яхве. Характерен в этом смысле ответ Талмуда на вопрос, почему Яхве создал ангелов во второй день творения. Оказывается, потому, чтобы не подумали, будто бог, задумав сотворить мир, уже с самого начала прибегнул к их помощи.

Наряду с царством добра в Талмуде действует царство зла (в Авесте — Ахриман, т. е. темное начало), носителем которого являются «Малахе-хаболе» — ангелы-разрушители, демоны. По Талмуду, они подразделяются на шедим (пустынников), мазиким (разрушителей) и рухим (злых духов). Каждый класс демонов подразделяется на множество видов. Рабби Иоханан, например, насчитывал 300 видов шедим (Гиттин, 68а). Главное местопребывание демонов — развалины, чердаки, кладбища. Злые духи обитают также в кустах, близ отхожих мест и т. п. Талмудисты наделяют бесов шестью качествами: «Тремя они подобны людям, а тремя — ангелам. Как люди, они едят и пьют, размножаются и умирают. Как ангелы, они имеют крылья, знают будущее и ходят из одного конца мира до другого» (Абот рабби Натана, 1-я версия, гл. XXXVII).

Талмуд объясняет происхождение демонов мифом о сотворении первого человека. Рабби Меир говорил, что Адам 130 лет игнорировал Еву, предвидя, что

дети ее будут смертны (Эрувим, 18б). Покинутую и одинокую Еву окружили злые духи мужского пола, от которых она зачала и произвела на свет несметное количество демонов женского пола. Подражая ей, Адам окружил себя злыми духами женского пола и дал жизнь легиону демонов мужского пола (Берешит раба, XX, 28).

Ангелы и демоны, по Талмуду,— подручные бога. С их помощью он, в зависимости от поведения человека, может осчастливить или наказать его. Вместе с тем ангелы и демоны оказывают влияние на решения бога. Рабби Симон рассказывает, что бог советуется с ангелами, прислушивается к их мнению, а самых упрямых и непослушных из них наказывает. Яхве, например, собрал совет из ангелов, когда ему пришла мысль создать человека. Мнения небожителей разделились. Ангел справедливости был за то, чтобы создать человека: пусть живет человек на земле и творит милость. Ангел мира возражал, ибо человек, по его мнению, будет затевать войны. Ангел добродетели был за сотворение человека: человек будет честным. Ангел истины выступил против: человек будет весь во лжи. Яхве не выдержал возражения ангела истины и сбросил его на землю, а затем приступил к созданию человека из праха земного (Берешит раба, VIII, 5).

Впрочем, на волю бога, по Талмуду, могут воздействовать не только ангелы, но и люди. Поведение человека обуславливает поведение бога. В Мидраши сохранился рассказ о том, как под влиянием грехопадения Адама Шехина покинула землю и перебралась на первое небо, под воздействием греха Каина перекочевала на второе небо и т. д., пока не оказалась на седьмом небе. Однако семь праведников своими доб-

родетелями вернули Шехину с седьмого неба на землю (Бамидбор раба, XXII, 4). Подобным нелепым вымыслом люди могли верить только потому, что массы были забыты нищетой, находились под гнетом своих иноземных эксплуататоров, под духовным гнетом раввинов.

Представления Талмуда о боге, небожителях, небесном дворе и его организации — результат проникновения в иудейскую религиозную систему религиозных представлений народов, в общении с которыми в первых веках нашей эры жили евреи. Система эта, превратно отражавшая экономическую и политическую жизнь рабовладельческой Иудеи, стала непригодной в условиях Иранского государства, где во II—III вв. н. э. начинается смена рабовладельческих общественных отношений феодальными, где евреи жили компактными массами и приспособлялись к новым социально-экономическим, политическим и идеологическим условиям. В новых условиях классовая борьба среди евреев обострилась. Резко обозначились два враждующих лагеря: землевладельческая знать и забитые и угнетенные рабы, крестьяне и ремесленники.

Талмудисты, спасая религию Яхве, зафиксированную в Ветхом завете, стремились во что бы то ни стало сохранить ее в новых условиях социальной жизни евреев. Трагедию народных масс они рисовали как трагедию Шехины, горе народа как скорбь Яхве. Тем самым искажалась реальная история, подлинная причина бедствий народных масс. Талмудисты изображали бедствия народа как наказание за отпадение от бога. Их взгляды служили и служат для эксплуататоров оружием порабощения народных масс.

Современные идеологи иудаизма превозносят Талмуд за то, что он якобы является важнейшим этапом

в развитии идей монотеизма. Конечно, под влиянием вульгарной греческой философии и религиозной идеологии вавилонян и персов иудейское единобожие претерпело некоторые изменения, которые нашли свое отражение в Талмуде. Однако многочисленные рассказы Талмуда об ангелах и демонах свидетельствуют о сохранении в иудаизме элементов многобожия.

Адепты иудейского монотеизма за последнее время много пишут о том, что в соответствии с духом времени наступила пора вдохнуть новую жизнь «в высохшие кости учителей Талмуда». Что они под этим подразумевают? Столпы иудаизма в Израиле полагают, что наступила пора призывать всех сынов Израиля к единству, которое должно найти свое выражение «в сверхчувственном единстве», в «монотеистическом принципе».

Защита иудаизма ведется сегодня клерикалами с позиций единобожия, с позиций идеала «святости жизни в боге Яхве». Однако и такая проповедь не менее реакционна, чем призыв к единству народа вокруг Талмуда.

МЕССИАНИЗМ И ЗАГРОБНОЕ ЦАРСТВО

Догмат о едином боге Яхве связан с верованием о «страшном» суде, который совершит «в конце дней» его мессия.

Мессия, или машиах, в переводе на древнегреческий язык означает христос, т. е. помазанник. Что в иудаизме понимается под мессией? В Пятикнижии и в некоторых наиболее древних пророческих книгах мессией называются национальные вожди, жрецы и пророки, торжественно возведенные в такой сан особым магическим обрядом посвящения. Но со време-

нем, когда утвердился монархический строй, значение термина сужается: «мессия» становится синонимом самодержца, царя. Так, в I кн. Самуила (XII, 3) царь Саул возвеличен именем машиах, во II кн. Самуила (XIX, 22) этим же титулом наречен царь Давид, во II кн. Хроник (VI, 42) машиахом назван царь Соломон.

Пророки чаще всего говорили о «помазаннике» не в мистическом плане, не как о заоблачном спасителе, а как о возможном и необходимом приходе реально-го царя — освободителя. Но с тех пор, писал Энгельс, «как для народа Израиля наступили в этом мире тяжелые времена, начиная с обложения данью ассирийцами и вавилонянами и разрушения обонх царств, Израиля и Иудеи, и вплоть до порабощения Селевкидами, следовательно, от Исаяи до Даниила, всякий раз во время бедствия предсказывается появление спасителя. У Даниила (XII, 1—3) имеется даже предсказание о сошествии Михаила, ангела-хранителя евреев, который спасет их от великого бедствия; многие воскреснут из мертвых, произойдет своего рода страшный суд, и учителя, наставлявшие народ на праведный суд, будут вечно сиять как звезды»¹.

Когда это наступит? Религиозные надежды должны были иметь какую-то перспективу.

Подражая Авесте, определявшей полный цикл мировой истории в 12 000 лет (первые 3000 лет мир существует духовно, затем 3000 лет им руководит бог добра и света Ормузд, потом 3000 лет кроме Ормузда руководством мира занят и бог зла и мрака Ахриман и, наконец, в последние 3000 лет Ахриман теряет свою силу и восторжествует воля Ормузда), талмудисты выдвинули свою хронологию мировой истории. Рабби

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 485—486.

Илаи полагал, что миру суждено существовать всего 6000 лет (2000 лет — хаос или царство идолопоклонников, 2000 лет — царство закона или Торы и 2000 лет — дни мессии), рабби Иуда учил, что существование мира определяется только в 4250 лет, а рабби Ханина — в 4291 год (Сангедрин, 97а — 97б).

Концом мира, по Авесте, явится торжество доброго начала над злым: Ормузд и его посланники обезглавят Ахримана, вследствие чего произойдет полное обновление мира, в нем не будет больше ни болезней, ни смерти. Согласно вероучению иудаизма, «в дни мессии» мир также будет обновлен. Конечно, в разных слоях народа грядущее царство понимали по-разному. Бедняки ожидали истребления всех богатых, раввины ожидали победы иудейского вероучения в мировом масштабе. Все, однако, сходились в одном: «светлое будущее» принесет небесный искупитель. Религиозная фантазия рисовала причудливые картины. В момент появления мессии земля, согласно Талмуду, станет производить «ежедневно новые плоды, женщины станут ежедневно рожать, а земля — приносить хлеба и шелковые одеяния» (Шаббат, 30б), люди достигнут 1000 лет от роду, прекратятся болезни, распри, войны. Вера в мессию способствовала отходу людей от действительности, вела их от одной мечты к другой, к мистике, к поискам фантастического.

С этой верой в приход мессии связаны и представления о предвестниках появления божьего помазанника, число которых, по учению раввинов, равно девяти. Среди них роль первоосвященника, который «совершит помазание мессии», воскресит мертвых и «откроет храмовую утварь времен мессии», сыграет мистический Илья-пророк. Вера в грядущее явление Илии привело в греко-римскую эпоху к созданию особого

обряда. В пасхальную ночь кроме чаш для всех присутствовавших ставили на пасхальный стол бокал для пророка Илии, который, по повериям, должен явиться перед пришествием мессии вместе с Енохом в качестве вестника грядущего переворота. Появление Илии ждали именно в пасхальную ночь; после третьего бокала отец или старший в доме открывал дверь и призывал Илию и мессию возгласом: «Благословен тот, кто должен прийти!»

Миф об Илие как предтече мессии и глашатае его прихода сохранился и в новозаветных произведениях. В евангелиях Илия фигурирует в качестве собеседника Иисуса Христа (Матфей, XVII, 1—13), а чаще всего он выступает в образе вестника крестителя Иоанна. Когда Иисус запретил своим ученикам до времени разглашать, что он мессия, ученики спросили его: «Как же книжники говорили, что Илие принадлежит придти прежде?» Иисус сказал им в ответ: «Правда, Илия должен придти прежде и устроить все. Но говорю вам, что Илия уже пришел, и не узнали его, а поступили с ним, как хотели, так и сын человеческий пострадает от них. Тогда ученики поняли, что он говорил им об Иоанне-крестителе» (Матфей, XVII, 10—13).

В среде еврейского народа на почве невыносимо тяжелых экономических и политических условий средневековья мессианство со столетиями крепло. Вера в приход Илии и мессии вновь особенно распространилась в XIV—XVII вв., когда трудящиеся евреи, чувствуя свое бессилие освободиться от тяжелых условий жизни в гетто, нередко доверялись различным «чудотворцам». Забитые и темные люди следовали за обманщиками, выдававшими себя за посланцев бога Яхве.

Шолом-Алейхем в своем рассказе «Мечтатели» повествует о том, как некий Фишл Хариф объявил себя мессией. Своему другу Эли он объясняет: «Тогда придет мессия, говорится в Талмуде, когда человеческий род в известную эпоху будет состоять или из одних праведников, или же из одних только грешников. Сомневаешься ли ты, Эля, что теперь гораздо больше бесчестных, чем честных людей?»¹ Эля не стал оспаривать «наблюдение» Фишла, но все-таки потребовал чудеса от мессии, так как с пришествием настоящего мессии воздух должен наполниться трубными звуками, кости покойников должны совершить подземное путешествие в святую землю, мертвые должны воскреснуть и еще многое другое. «А тут какой-то Хариф всенародно объявляет себя мессией, богомазным спасителем евреев. Так-то мы тебе, братец, на слово и поверим. Как же-с! Держи карман»².

Фишл, разумеется, не был способен творить какие бы то ни было чудеса. Зато он в исступлении приводил обилие цитат из Ветхого завета и Талмуда и всем доказывал, что он призван «снять тяжелые оковы с народа». Народ ему, конечно, не поверил, и Фишл закончил свои дни в доме умалишенных. Таков неизбежный конец мечтателей, впавших в мистицизм.

Воодушевленный горьковской «Песней о Соколе», еврейский писатель И. Л. Перец призывал к борьбе против мира, где люди душат друг друга, как дикие звери, где земля, пути и дороги залиты потоками человеческой крови. В своей сказке «Времена мессии» Перец высмеивал мессианские томления и говорил народу, что спасение мира от зла зависит от самого народа. Это будет тогда, когда «крылья будут у него».

¹ Шолом-Алейхем. Соч., т. 6. М., 1961, стр. 312.

² Там же, стр. 315—316.

Время появления крылатых людей приближается. «Вот как это случится: вдруг родится дитя с крыльями, за ним другое, третье и так дальше и дальше... Сначала люди испугаются крылатых детей, потом привыкнут и встанет поколение крылатых людей, которое не пожелает больше валяться в грязи и драться из-за земляного червя...»¹

Однако Перец предупреждал, что серьезным препятствием к тому, чтобы «крылатые дети» нормально развивались, вознес свой гордый разум ввысь, явится иудейская религия. «Вхожу в корчму,— рассказывает юноша от имени писателя,— большая комната, разделенная пополам старым занавесом... За столом трое мужчин. Передо мной три поколения». За занавесом роженица. Мужчины в напряжении ждут. Появляется старуха.

— Что с ней? — спрашивает молодой дрожащим голосом.

— Благополучно,— спокойно ответила старуха,— но...

Старик спросил: «Что случилось, девочка родилась, что ли?»

— Нет,— ответила старуха,— мальчик...

— Мертвый?

— Нет, живой...— отвечает старуха, но в голосе ее не слышно радости.

— Урод? Калека?

— У него какие-то знаки на плечах.

— Какие знаки?

— Крыльев. Ясные следы крыльев.

— Крыльев?

¹ И. Л. Перец. Рассказы и сказки. М., 1941, стр. 261.

Старик озабочен, его сын изумлен, только внук подпрыгнул от радости:

— Как хорошо! Пусть растут крылья, пусть они вырастут, большие, сильные крылья, как это хорошо!

— Ужасное уродство! — вздыхает старик.

— Почему? — спросил внук.

— Крылья, — отвечает строго старик, — поднимают ввысь, с крыльями трудно удержаться на земле.

— Эка важность! — дерзнул внук. — Что же, не будет тогда человек прикреплен к месту, не будет барахтаться целый век в грязи, будет жить над землею. Разве небо не лучше, не красивее земли?.. Там...

Но старик прервал его.

— В выси, — сказал он твердым, как сталь, голосом, — нет ни синагог, ни молелен, ни священных книг, нет там ни дорог, ни тропинок, проложенных предками... Там чувствуешь себя, правда, вольной птицей, но горе вольной птице...

— Как так? — вскочил с места младший...

Но ему не пришлось говорить, его прервала старуха.

— Глупые мужчины! — сказала она. — Нашли о чем спорить. А раввин? Разве он разрешит произвести над ним обрезание, разве он позволит приобщить к еврейству крылатого ребенка?»¹

Учение иудаизма о мессии получило ярко выраженную эсхатологическую² окраску. Проповедью о приходе небесного избавителя клерикалы рисовали картины будущей жизни, приход которой якобы зависит от богоугодного поведения людей. А что это значит?

¹ И. Л. Перец. Рассказы и сказки, стр. 263—264.

² Эсхатология — религиозная вера в близость «последних дней мира», конца света.

Строго придерживаясь дуалистической точки зрения на существо человека, идеологи иудаизма говорят, что в нем постоянно борются добро и зло. Эта борьба обусловлена тем, что все люди состоят из тела и души. Тело порождено людьми, душа «всеяна» в тело богом. Верующий, учат раввины, должен постоянно благодарить бога за этот дар и содержать его в чистоте. Утром, вставая с постели, иудей молится: «Боже, душа, которую ты мне дал, чиста. Ты создал ее, ты ее образовал, ты вдохнул ее в меня, ты ее оберегаешь во мне, ты некогда ее у меня примешь, но возвратишь ее в дни грядущие... Благословен ты, господи, возвращающий души в трупы умерших».

Для раввинов встал вопрос: когда Яхве создал души и где они находятся до того, как бог «всеял» их в людские тела?

Души, отвечают они, были сотворены накануне субботы и до своего соединения с телами находятся на седьмом небе. Когда же, по мнению раввинов, душа соединяется с телом? Одни утверждают — при зачатии, другие — спустя сорок дней, по представлению третьих — при рождении младенца.

Раввины учат, что душа — искра божья; бог — свят, душа — святой дух. В трактате Сангедрин (91а-б) сохранился якобы состоявшийся разговор римского императора Марка Аврелия Антонина с кодификатором Мишны Иегудой ганаси. Император будто бы спросил рабби: «Если, согласно вашему учению, душа чиста, почему ей в посмертном состоянии страдать и быть в ответе перед господом богом?»

Взаимоотношения между душой и телом, ответил рабби, лучше всего пояснить притчей. У одного царя был прекрасный сад, в котором росли великолепные

плоды. Надзор за ним он поручил двум сторожам, один из них был безногий, а другой слепой. Говорит хромой слепому: «Что за прекрасные плоды я вижу в этом саду! Посади меня на себя и таким образом мы в состоянии будем лакомиться вкусными плодами». Сказано — сделано. Спустя некоторое время посетил сад царь, спросил сторожей: «Куда девались прекрасные плоды?» Слепой ответил: «Я не виноват, при моей слепоте я ничего не видел». Хромой сказал: «Государь, я тоже не виноват, мои хромые ноги не позволили мне передвигаться по саду». Царь возразил: «Вы оба виноваты, ты, хромой,— здоровыми глазами, а ты, слепой,— здоровыми ногами». Так и бог, сказал в заключение рабби, он приводит на суд душу и тело и судит их как одно лицо.

Притчи подобного рода ориентируют людей на беспрекословное подчинение сильным мира сего, фантастическим олицетворением которых выступает царь небесный с его загробными дарами и карами.

Призывая к отрешению от земной жизни, от участия в борьбе против гнета и эксплуатации, раввины учат, что земная жизнь человека есть приготовление к будущей. Рабби Иаков говорил: этот век подобен вестибюлю, сравнительно с веком будущим. «Приготовься к вестибюлю, чтобы можно было тебе войти в триклиний» (Абот, IV, 16). Другой талмудист утверждал: «Этот век есть для тебя гостиница, а тот — дом» (Моэд катан, 9б). Так как час смерти сокрыт от человека, то необходимо, по мнению талмудистов, ежеминутно быть к нему готовым. Ученики рабби Элиезара спросили его: «Знает ли человек день своей смерти?» Он им ответил: «Всякий должен каяться сегодня так, как бы завтра он умирает, и все дни он должен быть в покаянии».

Притча (Шаббат, 153а) рассказывает о глупых и умных рабах, которые были приглашены к царской трапезе. Умные приоделись, глупые, не поверив в приглашение, пришли в рваных одеждах. Рассердился царь. Умных он немедленно посадил за столом, богатым яствами и винами. Глупым сказал: «Всегда надо быть готовым ко всему. Вы же неверы, а потому повелеваю вам стоять у стола и смотреть, как другие едят».

Притча эта своим подтекстом призывает людей отрешиться от благ земных, постоянно думать о царе небесном и быть готовым к переходу в его владения и вкушать там от его обильных плодов. Иначе говоря, притча всем своим содержанием направлена против реальных основ жизни и уводит верующих в несуществующий мир грез и фантазмагорий. Но раввины не перестают удивляться мудрости подобных притч и призывать паству верить в их особый, «глубокий» смысл. Они неустанно твердят, что человек — раб божий и ежеминутно его душа может быть огована небесным повелителем. Следовательно, человек должен постоянно думать о смерти, проводя дни и годы в смиреннии, в молитвах и постах, дабы угодить богу.

На формирование учения Талмуда о посмертном состоянии сильное влияние оказывала апокрифическая¹ литература III—II вв. до н. э., в частности книга Еноха, датируемая II—I вв. до н. э. В ней, как впоследствии и в Талмуде, души умерших разделены на три разряда: праведников, грешников и неуспевших раскаяться. В загробном мире праведникам отведено место, где «вода и свет», грешникам — отделение

¹ Апокрифы (от греческого *apokryphos* — тайный, скрытый) — иудейские и раннехристианские произведения, которые не включены в библейский канон.

тьмы и мук. Когда наступит «день суда» и «господь сядет на престол славы», то перед ним станут все люди, как праведные, так и грешные. «Слово уст его» умертвит всех грешников. Они будут брошены в геенну огненную. Там они и погибнут. Праведники будут вознесены и «будут облачены в одежду жизни». Местом их жизни будет рай. Следовательно, согласно книге Еноха и трактатам Талмуда, не все люди воскреснут. Только праведники встанут из могил. Что касается евреев, то, по Талмуду, они все имеют удел в грядущем царстве (Сангедрин, 90а). Лишаются будущего мира еврей-нечестивцы, отрицающие воскресение мертвых, богооткровенность Торы, и эпикурейцы.

Условие воскресения из мертвых одно: изучение Торы, ибо «Тора ведет к очищению, очищение — к воздержанию, воздержание — к чистоте, чистота — к кротости, кротость — к боязни греха, боязнь греха — к святости». По словам рабби Симлая, над головой любого человеческого зародыша горит свет, и эмбрион видит от одного конца мира до другого. Никогда человек не живет так счастливо, как в эти дни. Он постигает всю Тору, но в тот момент, когда он появляется на свет, ангел ударяет его по устам и заставляет забыть все, что тот знал. Потому все дни свой человек должен целиком посвятить изучению Торы и Талмуда. Задавленные словами божьими, люди превращаются в послушных, покорных и смиренных рабов. И в этом — вредная социальная функция иудейских проповедей о потустороннем мире. Противопоставляя потусторонний мир и земную жизнь, талмудисты проповедуют: «Кто избирает удовольствия мира сего, лишается их в загробной жизни; кто отказывается от первых, получает последние» (Абот рабби Натана, XXVIII). Преследуя «удовольствия мира сего», рав-

вины проклинаят древнегреческую философию, стимулировавшую разумное познание реального мира.

В притчах и легендах, в которых они отстаивают идею ничтожества земного бытия, проповедуют бесплодный скептицизм и аскетизм, осуждают жизненный опыт и разум эллинов, чаще всего фигурирует Александр Македонский. Обычно развенчивая его славу, Талмуд пытается выставить напоказ его суемудрие. Так, порицая ненасытную любовь Александра Македонского к жизни, талмудическая легенда повествует, как он однажды решил найти местонахождение рая. Снарядил царь армию и пошел в поход. Преодолев много трудностей, добрался он, наконец, до дверей рая. Потребовал открыть. Не тут-то было. Стучит, а ему говорят: «Только праведные могут вступить сюда». — «Я великий и могучий царь, откройте». — «Сказано, перед тобою врата рая не откроются». Загрустил царь. Стал просить: «Подарите мне что-нибудь на память». Дали ему живой человеческий глаз. Зачем ему такой дар? Посоветовали ему мудрецы положить на одну чашу весов глаз, а на другую слиток золота. Глаз перевесил. Добавили еще один слиток, еще и еще, положили все царское золото и серебро, а чаша с глазом перевесила. Изумленный Александр бросил на чашу весов свой меч, свою корону, но глаз оказался тяжелее всего этого. «Что это означает?» — спросил владыка у своего мудреца. Вместо ответа мудрец засыпал глаз землей. И какой легкой стала чаша, на которой глаз находился. Александр понял: живой глаз жаден и ненасытен, ему все мало, даже рая. Но стоит его покрыть сырой землей, как ничего больше ему и не надо. В связи с этим раввины поучают: человек, стремящийся к дерзновенному познанию мира, к раскрытию сокровенных тайн мира,

ничтожен и жалок. Все реальное не имеет никакой цены. Необходимо в земную жизнь «войти согнувшись и выйти из нее согнувшись», дабы приобрести вечное блаженство в небесах.

Клерикалы глумятся над человеком, воспитывая в нем чувства бессилия, безысходности, пессимизма и никчемности. Что такое человек? Раввины отвечают: «Начало его прах и конец его прах: он подобен разбившемуся черепку, засыхающей траве, увядающему цветку, проходящей тени». Поэтому они призывают человека к отказу от борьбы против социального зла, гнета и эксплуатации. Они внушают ему мысль о загробном мире, где «царь — бог вечно живой и приносящий» воздаст на своем суде всем по заслугам.

Небесный суд «в конце времен» мыслится теологам как суд Яхве над врагами иудейского народа, над всеми грешниками, над людьми, не разделившими иудейство. Вселяя ужас и надежду в сознание верующих, отвлекая их от насущных социальных задач заботами об обеспечении себе места в небесном царстве, иудаизм разработал систему наград и наказаний за каждое исполнение и за любое нарушение заповедей господних.

Отвергая все эти несуразные вымыслы, еврейский поэт Иегоаш говорил народу:

Не носи живую радость
В банк богов, не жди награды:
В небесах проценты плохи,
И вернут банкроты-боги
Лишь одни чертополохи
За цветы тебе в итоге.

Догмат о бессмертии души прочно вошел в иудейский культ. Еще и поныне в синагогах в дни больших праздников произносят молитвы, обращенные

к душам мертвых. В одной из таких молитв сказано: «Вы души святые, перед которыми мы молимся и которых мы сейчас вспоминаем, просим вас вспомнить о нас... не забывайте ваших детей, которых вы оставили на земле... будьте нашими добрыми посланцами перед господом богом и просите его, чтобы он обошелся с нами милостиво». В течение месяца перед Новым годом (в иудейском календаре он называется месяцем элул) правоверные иудеи совершают паломничество на кладбище к могилам умерших родственников, чтобы просить их быть заступниками перед престолом божьим. Особенно почитают могилы предков простые женщины из народа, хлебнувшие много горя. Забитых и несчастных религия приучила к пассивности, к отказу от реальной активной борьбы за коренное изменение условий их жизни.

Шолом-Алейхем с горькой улыбкой рассказывает о женщинах, которые только на «родных могилах» дают волю своему сердцу и в слезах изливают все, что накопило, отводят душу в разговоре с дорогими, «авось хоть немного полегчает». В новелле «Не стало покойников» Шолом-Алейхем рисует картину, которую он наблюдал в начале месяца элул на кладбище в Касриловке. «Застал я тут несколько женщин; припав к могилам, они плакали, кричали, причитали в голос. Одна будила мать — пусть встанет, пусть посмотрит на свою единственную дочь... увидела бы, как она мается на этом свете. Горе, горе, какую она жизнь бездомную влачит с малыми детьми, нагими птенцами, ни сорочки на тельце...»¹ Другая пришла жаловаться на мужа, которого ей дали. Он шарлатан, мот. Третья пришла «поздравить» своего мужа. Она

¹ Шолом-Алейхем. Соч., т. 4, стр. 316—317.

выдает замуж старшую дочь, а справить свадьбу не на что. Натальной рубахи и то нет, обуви — ни пары. Так плачут и жалуются на свои горести и беды и другие женщины. Верой в загробный мир иудейская религия приучила этих женщин думать, что спасение от гнета — только в заоблачном мире, на небесах.

Эсхатологические представления иудаизма нашли свое культовое выражение также в молитвах, которые читаются в новый год и судный день, т. е. тогда, когда, по верованию иудеев, совершается небесное предопределение судеб человеческих на год вперед. В этих молитвах, обращаясь к богу, они умоляют его быть верным своему обещанию и воскресить мертвых, живым внушить страх к себе, дабы они «благоговели перед ним». Здесь ясно выражены богословские идеи покорности и послушания, дуалистические представления о человеческой природе.

В связи с эсхатологическими воззрениями находится и обряд чтения поминальной молитвы Кадиш в течение года по усопшим и ежегодный обычай в день смерти близкого править по нем «йор-цайт», т. е. вспоминать душу его обрядом зажигания свечи¹. По наблюдению пропагандистов атеизма, в среде верующих советских евреев наиболее живучи обряды, связанные со смертью. Многие евреи в Москве в день годовщины смерти родственников приходят в синагогу и дают деньги на поминовение усопших. В московской хоральной синагоге целая стена занята электролампочками, употребляемыми вместо свеч, зажженными в память умерших: культ явно модернизирован. В основе обряда поминания усопших лежат распростра-

¹ В этот день горит лампа, символизирующая «живое свечение» души умершего, читают молитвы, в том числе Кадиш.

ненные религиозные представления о том, что живые могут вступить в сношения с душами мертвых и своими молитвами оказывают влияние на их участь.

Вероучители иудаизма, как и проповедники других религий, всячески изощряются в стремлении поддерживать веру в потусторонний мир, закрепить в сознании масс фантастические мечты о золотом веке, который настанет в туманном будущем «конца дней» якобы по воле всевышнего.

БОГОИЗБРАННИЧЕСТВО

«Ты избрал нас из всех народов, полюбил нас, благоволил к нам, освятил нас заповедями своими...» В этой молитве богу Яхве, составленной из библейских стихов, выражен иудейский догмат об «избранности» еврейского народа. Идея богоизбранничества не является ни оригинальной, ни исключительно еврейской. В древности эта концепция имела широкое распространение среди народов Древнего Востока. Она была порождена сложными процессами становления рабовладельческих государств в странах Переднего Востока, частыми войнами между ними и классовой борьбой внутри них. Сравнительно небольшие по численности народы, чувствуя слабость перед окружающим миром, мечтали о сверхъестественной защите, о покровительстве божества. Отсюда и возникает образ «всесильного» патрона, готового уничтожить врагов «своего» народа, «злотворцев», отступников от «истинной» веры. Представление о том, что Яхве «избрал» израильский народ, является превратным отражением исторического процесса возникновения среди древних евреев монотеизма и выбора ими бога

Яхве, как наиболее «надежного» из всех элохим (богов).

В конце XIX в. идея богоизбранности евреев была подхвачена сионизмом¹ — националистическим движением еврейской буржуазии, направленным на создание «правоохраняемого убежища» для евреев в Палестине.

Идея консолидации еврейского народа выражает законное стремление его трудовых масс к освобождению от пут капитала, постоянно и неминуемо порождающего фашистские порядки дикого произвола и изуверских погромов. Однако идеологи сионизма, вооружившись этой идеей, придают ей клерикальный характер и тем самым прикрывают язвы капиталистических общественных отношений. Под видом единства еврейского народа перед лицом Яхве сионисты агитируют за гармонию между трудящимися евреями и их «братьями»-угнетателями. Во всей своей политической деятельности сионисты стремятся отвлечь еврейских рабочих от общей борьбы рабочего класса различных национальностей против буржуазии.

Буржуазные националисты утверждают, будто каждый народ с самого начала создан для какой-то заранее определенной цели. И еврейский народ призван выполнить свою миссию, возложенную на него свыше.

В чем же она заключается?

«Самому познать бога и довести других до этого познания», — говорят современные идеологи иудаизма. Во имя этой миссии избранный народ страдал, носил на себе тяжелое бремя Торы и всех ее предписаний, но одержал победу, так как «в стране предков» ныне охраняют и лелеют ветхозаветное наследие.

¹ Сионизм — от горы Сион, на которой, согласно ветхозаветным рассказам, был построен Иерусалимский храм.

Еще на заре сионизма один из его адептов говорил, что сионисты придают огромное значение иудаизму, так как он сохранил «самобытность» евреев и станет основой будущего обновления их духовной жизни. «Сионист и ортодокс,— писал он,— почти синонимы, сионист, в то же время ортодокс»¹. Конечно, не все верующие евреи — сионисты, однако многие сионисты в своих проповедях максимально используют догматы иудаизма. В государстве Израиль, возглавляемом сионистами из партии Мапай, клерикалы занимают почетное место. Клерикальные партии «Мизрахи» и «Агудат Исраэль» состоят в коалиции с правящей партией и проявляют свой диктат, навязывая израильскому обществу «Моисеево законодательство», ветхозаветные уложения и предписания. Например, без исполнения обряда обрезания родившийся мальчик не считается гражданином государства; только по обряду совершенное венчание считается правовым брачным актом и т. п. «О подчинении общественной жизни клерикалам,— писал израильский журналист А. Ривкин,— свидетельствуют факты о прекращении работы городских линий коммуникаций и железнодорожного транспорта, о закрытии театров и кино в субботу и в дни религиозных праздников»².

Государство Израиль раздирается острыми классовыми противоречиями. По сообщению прессы, глубокая пропасть разделяет восточных и западных евреев, почти столь же глубокий разрыв между религиозными фанатиками и неверующими. «Формально Израиль не клерикальное государство, но иудаизм — государст-

¹ Д. Гордон. Сионизм, иудейство и ортодоксия. «Будущность» (Спб.), 1900, № 18.

² «Folks-Sztyme» (Warszawa), 30. X. 1963.

венная религия, и влияние его вождей простирается далеко за стены синагог. В Тель-Авиве и Иерусалиме общественный транспорт в субботу не работает, не принимает самолеты аэропорт Лод. Гражданского брака в Израиле не существует; даже атеистам для регистрации брака надо идти в синагогу.

Некоторые в Израиле не видят выхода из тупика. «Проблема чревата взрывом,—сказал один из сотрудников Эшкола¹. — Где можно, мы ее обходим, надеясь, что со временем она разрешится сама собой».

Но в стране, где века спрессовались в десятилетия, время не ждет. «Нам нужно,—говорит один израильский студент,—подумать и заново решить, кто мы, что мы и куда мы идем. Больше нельзя отмахиваться от острых проблем, больше нельзя «заметать их под ковер»»².

Клерикальные круги Израиля — это далеко не весь Израиль. В нем имеются серьезные и значительные демократические силы, возглавляемые рабочим классом и коммунистической партией, которые в трудных условиях ведут ожесточенную борьбу против физического и духовного гнета, за самостоятельную политику, отвечающую глубоким интересам еврейских и арабских народных масс страны.

Успешно действует в Израиле «Лига борьбы против религиозного насилия». В ответ всем клеветникам о том, что разрыв с религией означает предательство по отношению к еврейскому народу, члены этой «Лиги» справедливо говорят, что подлинная защита интересов народа связана с борьбой против духовного дурмана. Они свободно, не кривя душой, в соответствии

¹ Эшкол — премьер-министр Израиля.

² «За рубежом», 1965, № 50, стр. 26.

с наукой, высказывают свое мнение насчет религии своих «предков», изложенной в Ветхом завете, Талмуде и другой религиозной литературе. Опираясь на широкие слои населения, члены «Лиги» дают отпор реакционному сионизму и клерикализму и несут в массы светлые идеи науки и вольномыслия.

Защитниками идей богоизбранничества являются не только иудейские клерикалы, но и расистски настроенные богословы и клерикалы христианства и ислама. Известно, что давно сложился так называемый церковный национализм, что «существуют национальные церкви и религии, зачастую возбуждающие у правоверных болезненное чувство не только религиозного и национального превосходства их над другими людьми»¹.

Искажая и фальсифицируя историю еврейского народа, теологи-расисты «на протяжении многих веков пропагандировали антисемитский вымысел об особом «проклятом народе», имея в виду евреев...»²

Реакционные клерикальные и расистские организации фабрикуют против евреев гнусные фальшивки, измышляют кровавые наветы, используя антисемитизм в политической борьбе.

Советские историки и атеисты, решительно опровергая антинаучный догмат о богоизбранности евреев, ведут непримиримую борьбу с любым проявлением антисемитизма и расизма.

¹ Н. А. Ршетников. Клерикализм. М., 1965, стр. 205.

² Там же, стр. 209.

Г л а в а II

КУЛЬТ

В иудаизме, как в любой другой религии, значительное место наряду с догматами занимает культ.

Религиозный культ — это совокупность действия и церемоний, оказывающих, по представлению верующих, влияние на бога и располагающих его к ним. Главную часть культа составляют обряды и праздники.

ОБРЯДЫ

В обрядах иудаизма широко представлена молитва. Ей придают особое значение, потому что при ее помощи, проповедуют богословы, можно вмешаться в объективную закономерность природы и общества и совершить любое чудо. В представлении верующих евреев, молитвенное слово и песнопение достигают неба и влияют на небожителей. Талмудисты утверждают, что главное условие вознесения молитвы до престола божьего — это чистое небо. Законоучитель

Рабба, сказано в Талмуде, отказывался молиться, когда небо заволакивалось тучами. Он говорил, ссылаясь на Ветхий завет (Плач Иеремеи, III, 44), что бог окутывается облаками, чтобы молитвы не могли к нему проникнуть. Современные богословы, правда, не считают облака помехой для молитв, они призывают иудеев молиться Яхве при любом состоянии погоды.

Раввины предписали верующим во время утренней молитвы ежедневно (кроме субботы и праздников) надевать на лоб и левую руку тефиллин, или филактерии. Тефиллин представляет собой два плотно закрытых ящичка кубической формы с прикрепленными к их основаниям ремешками. Кубики заполнены пергаментом, исписанным ветхозаветным текстом.

Обряд ношения тефиллина связан с защитительной магией, с обычаем ношения амулетов, играющих роль личных сверхъестественных защитников человека. Обычай носить амулеты знаком многим народам. У чукчей, например, имеются защитительные амулеты из шкур животных, которые привязываются к поясу или носятся на шее.

В древности, по свидетельству Талмуда, тефиллины носили мужчины и женщины в продолжение всего дня, снимая их только на ночь (Менахот, 36б). Впоследствии их стали носить только мужчины во время молитвы. Средневековый иудейский богослов Маймонид (1135—1204), излагая законоположения о филактериях, говорил: «Пока тефиллин на голове и руке человека, он скромн, богобоязнен, преисполнен благочестивых мыслей и далек от греховности». Молитвы и филактерии призваны воспитывать у верующего чувство ничтожества и смирения, отвлечь его от насущных общественных задач. Не случайно иудейские кле-

рикалы злобно преследовали вольнодумца Уриэля Д'Акосту, утверждавшего, что «ношение филактерий — плод человеческого произвола, нет нужды повиноваться нам людским выдумкам», что «оно дело недостойное»¹.

Молитвы в иудаизме пронизаны эксплуататорской идеологией. Наиболее четко это нашло свое выражение в предписании верующему ежедневно благодарить всевышнего за то, что бог не сотворил его «язычником, женщиной и амхаарцем» (Берахот, VII, 18).

Раввины, пытавшиеся поставить под свой идейный контроль всю жизнь евреев, предписывали им трижды на день молиться «бецибур», т. е. совершать богослужение при наличии молитвенного десятка, миньяна (общинного минимума) и, кроме того, любое действие (прием пищи, отправление естественных потребностей и т. п.) сопровождать славословием в адрес бога Яхве. Бессмыслицу и никчемность молитв красочно охарактеризовал в одном из своих выступлений народный артист СССР С. М. Михозлс. В десять — двенадцать лет «во мне, — говорил Михозлс, — вспыхивали нотки недоверия к религии. Даже в судный день, в эту «субботу суббот», когда люди целые сутки, без пищи, не отрывались от молитвенников в ожидании божьего приговора, им не удавалось вымолить себе хотя бы один день светлой жизни. Мне, мальчику, казалось это странным. Столько молятся — и зря? Тут чувствовался некий обман»².

Еврейский писатель Шолом Аш в новелле «Моя прекрасная любовь» с веселым юмором рассказывает, как один из ее персонажей до пятнадцатилетнего воз-

¹ Уриэль Д'Акоста. О смертности души человеческой и другие произведения. М., 1958, стр. 101.

² С. М. Михозлс. Статьи, беседы, речи, стр. 178.

раста «молился набожно и подолгу, целые дни просиживал над фолиантами и шел по жизни путем благочестия». А потом? Что-то переломилось. «Я,— говорит герой Аша,— начал и думать и сомневаться в существовании бога, в смысле моих молитв. Прочел, помнится, к тому времени несколько светских книжек. Но не столько эти книжки пробудили во мне сомнения, сколько собственно мои раздумья. Я размышлял о вселенной и о человеке, о боге и его назначении... И для чего соблюдать правила благочестия? И что богу до грехов человеческих?.. В пятнадцать лет я бродил и раздумывал о цели существования мира, а солнце на улице сияло. Влюбленный в солнце, я украдкой уходил из синагоги, забирался со своими книжками в сад к Соре-Ханеле, торговавшей фруктами, лежал под деревом, смотрел в небо, следил за проплывающими облаками и думал, в чем смысл жизни»¹.

В культе иудаизма значительное место занимает пост. Современные теологи утверждают, будто бы пост облагораживает человека, освобождает его от «грубых, низменных» чувств, вызывает у него думы о духовности своего бытия, сближает его с божеством и т. п. Израильский теолог Иосеф Бург, например, комментирующий по радио по четвергам еженедельный отдел Торы, толкует пост в том смысле, что «хотя он и изнуряет наше тело, зато просветляет нашу душу и возвышает ее до престола Яхве». Такого рода проповеди имеют одну цель: воспользоваться обрядом поста для усиления и углубления религиозности в среде верующих.

Пост относится к древнейшему культу. Он возник

¹ Ш. Аш. Новеллы. Варшава, 1958, стр. 197 (на яз. идиш).

тогда, когда первобытные люди в силу неразвитости производительных сил еще не в состоянии были обеспечивать себя и своих прожорливых богов достаточным количеством пищи. Религиозное сознание связывало пост, «истязание тела» с состоянием, наиболее благоприятным для воздействия «на решения бога». Особенно часто посты объявлялись у древних евреев в случае отсутствия дождей. «Если,— сказано в Талмуде,— наступило семнадцатое мархешвен (ноября), а дожди не выпали, то начинают справлять три поста: в понедельник, четверг и в следующий понедельник» (Таанит, I, 4).

Посты устанавливались в дни покаяния, очищения от грехов, по поводу всякого бедствия и т. п.

Выполнение обрядов поста — а по иудейскому календарю постов очень много — приносит большой вред верующим. Посты калечат людей духовно и физически, подрывают здоровье и трудоспособность трудовых масс.

Антинародная сущность обрядов сказалась и в культе дозволенной (кошерной) и недозволенной (трефной) пищи. Согласно иудейскому вероучению, можно питаться мясом жвачных животных, домашних птиц, зарезанных по правилам шехиты (ритуального убоя). Современные защитники иудейской религии, восхваляя культ кошерной кухни, усматривают в нем проявление «самобытности» духа древних евреев. Однако пищевые запреты были характерны для всех древних религий. В силу консервативности религиозных взглядов они имеют место и поныне в религиозной практике многих народов.

Запреты подобного рода принято в науке называть табу. У древних евреев табуации подлежало имя Яхве, святилища, некоторые животные и растения.

Табу связано с религиозным фантастическим представлением о родственной связи животного или растения с человеческим коллективом (родом, племенем). Эта связь осознается как кровнородственная, как священная. Таинственная связь людской группы с животным или растением принято называть тотемизмом, а связь с тотемом обычно проявляется в запрете убивать его и употреблять в пищу, в вере в происхождение группы от своего тотема, в магических обрядах воздействия на него и пр.

К табу в иудаизме принадлежит обряд, запрещающий одновременно употреблять мясную и молочную пищу. Иудейские богословы связывают этот запрет с библейской заповедью «не вари козленка в молоке матери его» (Исход, XXIII, 19) и придают ему моральное значение. Крупный английский этнограф Д. Фрезер (1854—1941) на большом фактическом материале доказал, что этот примитивный, широко распространенный у многих народов обряд ничего общего с нравственными правилами не имеет. Смысл ветхозаветного запрета надо искать в так называемой симпатической магии. По представлению пастушеских племен, как отмечает Фрезер, молоко, даже отделенное от коровы, не теряет своей жизненной связи с животным. Всякий вред, причиненный молоку (в данном случае кипячение), сообщается корове. «У современных пастушеских племен в Африке,— пишет он,— существует повсеместно глубоко вкоренившееся отвращение к кипячению молока, основанное на боязни, что если вскипятить молоко от коровы, то последняя перестает доиться и может даже погибнуть от причиненного ей этим вреда»¹.

¹ Д. Фрезер. Не вари козленка в молоке его матери. В кн. «Критика иудейской религии», стр. 319.

Аналогичные правила об отделении мясной пищи от молочной соблюдаются у верующих евреев до сих пор.

К табуированной пище иудейские богословы относят свинину. Запрет есть свиное мясо уводит нас в те древние времена, когда еврейские племена поклонялись животным. (Свинья, отметим в скобках, считается табуированным животным не только у древних евреев, но и у ассирийцев, египтян и вавилонян). К табуированным животным относятся в иудаизме также лошадь, собака и др. В Ветхом завете сохранилось указание на то, что эти животные были священными. Во второй книге Царей воспроизведен указ царя Иосии «об отмене коней, которых ставили цари иудейские солнцу перед входом в дом господень». Согласно Исаяи (LXVI, 3), древние евреи приносили в жертву своим божествам голову пса.

Первобытные представления и обычаи, правила выбора и приготовления пищи иудейские клерикалы преподносят как предписания гигиенического характера. По этому поводу выдающийся русский ученый И. И. Мечников писал: «Всем известно сильное влияние религии на выбор и на приготовление пищи. Еще и до сих пор многие сохранили кулинарные обычаи, предписанные правилами религии. Так, у евреев пища определена моисеевым законом, который входит даже в подробности стряпни...

Думали, что эти правила были вызваны известными гигиеническими понятиями, будто бы согласными с выводами современной науки.

Правда, что некоторые правила, как, например, запрещение есть недоваренное мясо, вполне подтверждается современным знанием.

Но большинство моисеевых законов, как, например,

запрещение крови, зайца, свинины и многого другого, находится в полном противоречии с рациональной гигиеной»¹.

Раввинистическими постановлениями о кошерной и трефной пище воспользовались еврейская финансовая олигархия и царское правительство. Уже в XVIII в. в России был установлен так называемый «Коробочный сбор». По сообщению историка Ю. Гессена, общему коробочному сбору подлежали: убой скота на кошер (с каждой скотины); резание птиц на кошер (с каждой птицы); продажа кошерного мяса (с каждого фунта)². Налог на мясо назывался «таксой» и сдавался царским правительством на откуп, и откупщик выколачивал его из еврейской бедноты. ««Такса»,— говорил писатель Менделе Мойхер-Сфорим,— это самое грязное, самое зловонное место, где кишмя кишат клопы, черви и прочая подобная нечисть; это оттуда выходят те людишки, те вампиры, которые сами обжираются, а народу причиняют только горе; «такса» — это напасть, проклятие, которое ощущается во всем и является источником многих бед. Из-за «таксы» евреи хворают, они худы, измождены и страдают от болезней, переходящих по наследству из поколения в поколение. При помощи «таксы» у нас всегда находят способ обдирать народ... Благодаря «таксе» у нас рождаются и становятся на ноги целые оравы таких существ, которые всяким плутовством морочат народ, одурачивают его. Из «таксы» выползают и с ее помощью получают пропитание все эти божьи стряпчие, воротилы, распутники, разного рода

¹ И. Мечников. Этюды о природе человека. М., 1961, стр. 137—138.

² См. Ю. Гессен. О жизни евреев в России. Спб., 1906.

благодетели, которые попросту душу выматывают своей добротой и благочестием»¹.

Народный писатель понял социальный смысл культа кошерной пищи. Раввины и лавочники, иудейские клерикалы и еврейские финансовые магнаты обрядом «кошер» и другими подобными обычаями «приобрели право» грабить народ.

Среди множества обрядов иудаизма особое место занимает обряд обрезания. Иудейские клерикалы обставили этот обряд пышным церемониалом. Они утверждают, будто бы мальчику до обрезания грозит серьезная опасность. Поэтому, как рассказывает еврейский просветитель XIX в. А. Готлобер, как только рождается дитя, бабки принимают меры с целью охранения роженицы и новорожденного от демонов — слуг Лилит и Асмодея. Демоны, по народному поверию, норовят усыпить мать и насильно увести новорожденных в подарок своей повелительнице Лилит. Для предотвращения этой опасности бабка прибегает к следующим средствам:

1. Огораживает кровать роженицы простыней или портьерой.

2. Кладет к изголовью священную книгу — Библию или молитвенник и нож.

3. Наклеивает на портьере, окнах и дверях дома амулеты, именуемые в народе «Schir hamajles» («Шир хамайлес»).

Амулет же составлен следующим образом:

Под псалмом — имена трех ангелов Сини, Санси-ни, Самнаглоф, а за ними: «Адам и Ева внутри, Лилит и вся ее шайка снаружи». Если бабка определила,

¹ Менделе Мойхер-Сфорим. Маленький человечек. М., 1961, стр. 166.

что родился сын, то рисует на амулете треугольник в виде лука со стрелой внутри; если же дочь, то четырехугольник. В том и в другом случае вокруг рисунка имеется надпись: «Боже, разорви сатану»... По обеим сторонам рисунка написано: «Адам и Ева, Авраам и Сарра, Исаак и Ревекка, Яков, Рахиль и Лия». Праотцы — справа, праматери — слева, в некоторых амулетах порядок этот не соблюдается. Под рисунком — библейский стих «колдуньи не оставляй в живых» помещается трижды, в прямом и обратном порядке слов.

На восьмой день утром роженица встает с постели и надевает новое белье и платье. День этот — день праздника для нее, день, когда ее сын приобщается к иудейской религии, когда на теле его появляется символ священного союза. На торжество обряда обрезания собираются родные и друзья. Из числа друзей выбираются лица, берущие на себя обязанность передачи ребенка лицу, совершающему обрезание (моэл). Это — так называемые кумовья (kwater). Их двое — мужчина и женщина: муж с женой, либо жених и невеста, брат и сестра, даже отец с дочерью. «Кум в талесе и филактериях (если день не субботний) принимает из рук кумы ребенка и высоко поднимает его, все встают со своих мест и громко произносят: «Благословен да будет пришедший!».

Для того чтобы все приглашенные могли принять участие в обряде, они выстраиваются в ряд и передают ребенка из рук в руки. Последний, принимающий ребенка, кладет его на стул, именуемый «стул пророка Илии». На этом стуле имеются два места: справа одно почетное место для Илии-пророка, а слева — место для восприемника («сандека»). Прежде чем положить младенца на «стул Илии», совершаю-

ший обрезание радостно произносит: «Сказал господь бог Аврааму: следуй за мной и будешь невредим. Я готов исполнить заповедь божью об обрезании».

Затем совершающий обрезание берет младенца и кладет его на колени восприемника (в большинстве случаев это раввин или другое важное лицо) и, помолвившись, отрезает крайнюю плоть...¹

Современные иудейские клерикалы в Израиле бдительно следят за выполнением всех деталей церемонии обрезания и усиленно распространяют проповедь о том, что мужчина, у которого не отсечена крайняя плоть, является человеком низшего сорта.

Кульť обрезания детей мужского пола не является только еврейским. Обряд этот широко распространен среди семитских народов. Более того, можно привести бесчисленное множество подобных обрядов у первобытных народов всего мира.

«Обрезание,— пишет Лафарг,— считали религиозным обрядом, свойственным если не исключительно, то преимущественно евреям,— благодаря той связи, которую они установили между данными им богом обещаниями и соблюдением этого обряда, благодаря той цепкости и упорству, с которыми семиты до сих пор держатся его, и тому презрению к необрезанным язычникам, которое нередко сквозит и в Новом завете. Но если держаться Библии, то мы найдем, что бог потребовал в жертву от Авраама его крайнюю плоть лишь тогда, когда Аврааму минуло 99 лет (Бытие, XVII), после возвращения его из Египта, где патриарх познакомился с важным религиозным значением и научился почитанию этого обряда увечения.

¹ См. А. Фридкин. А. Готлобер и его эпоха. Вильно, 1925, стр. 25—29 (на яз. идиш).

Таким образом, приходится признать, что не евреям принадлежит честь изобретения этого обряда, который, по словам Геродота, соблюдали с незапамятных времен египтяне, колхи и эфиопы и который финикийцами и эфиопами, по их собственным признаниям, был заимствован у египтян¹.

О том, что обряд обрезания возник в пору седой старины, когда употреблялись каменные орудия, говорит и Ветхий завет. Иисусу Навину было приказано изготовить каменные ножи и обрезать «сынов Израилевых». Книга Исход (IV, 24—26) рассказывает, как Яхве напал на Моисея и хотел его убить. Жена же Моисея Сепфира «взяла каменный нож и обрезала крайнюю плоть сына своего», коснувшись ею половых органов Моисея и сказала: «Да жених крови ты мне». И отступил от него (от Моисея) Яхве. Тогда она сказала: «жених крови по обрезанию». Каменный нож, фигурирующий в приведенном библейском рассказе, подтверждает древность этого дикого обряда у евреев.

В эпоху рабовладельческого строя жрецы стали истолковывать обряд обрезания как выражение «знамени завета», как доказательство принадлежности к «истинной» религии Яхве. Раввины и по сей день стараются доказать, будто бы дикарский обряд обрезания является главным признаком особого союза Яхве с «его» народом.

Чем был вызван обряд обрезания на самом деле? П. Лафарг, отвечая на этот вопрос, говорит: у народов Южной Африки, «у базуров и бечуанов обряд обрезания совершается в возрасте от 13 до 14 лет. Он превращает детей в мужей. Этот обряд, который

¹ П. Лафарг. Обрезание, его социальное и религиозное значение. В кн. «Критика иудейской религии», стр. 299.

совершается лишь раз в 5—6 лет, имеет такое важное значение, что бечуаны ведут по нему свое летоисчисление, как древние греки по олимпиадам.

Молодые люди, которых таким способом «делают мужами», как бы замышляют бунт, как только они узнают, что наступило время для совершения обряда, и убегают в леса; воины преследуют их в полном вооружении и при шумных плясках приводят инсургентов, что служит сигналом для начала праздника. На следующий день строят хижины, так называемые *тарато* (тайна, тайник), в которых молодые люди после обрезания под руководством особых наставников проводят от 6 до 8 месяцев, обучаясь употреблению оружия и метанию копий, здесь же они научаются владеть дубиной и отражать удары четырехгранным щитом. Они закаляют свое тело, приучаясь переносить голод, боль и усталость. Словом, они здесь учатся искусству быть мужем и воином. Их подвергают продолжительному посту, многочисленным и безжалостным бичеваниям; и в то время, когда прутья со свистом опускаются и въедаются в их голые тела, менторы поучают их: «Крепитесь! Будьте мужами! Избегайте воровства и прелюбодеяния! Почитайте отца и мать! Слушайтесь своих предводителей!» Наставник имеет право убить каждого молодого человека, который делает попытку уклониться от этого ужасного воспитания, кончающегося гибелью слабых. Женщинам строго запрещено подходить на близкое расстояние к *тарато*, но каждый мужчина имеет право войти в хижины и к ударам и поучениям наставников присоединить и свои. Этот спартанский метод воспитания, который философами древности и историками нового времени считается особенностью жителей Лаконии, применялся всеми первобытными

народами для воспитания воинов, способных переносить лишения и труды»¹.

Советский этнограф С. А. Токарев отмечает, что в раннеплеменном культе австралийцев возрастные обряды посвящения юношей (инициации) занимали важное место. «Особенно длительным и трудным был период инициаций для мальчиков. Он продолжался ряд лет, в течение которых они занимались систематической тренировкой, главным образом в охотничьих навыках, подвергались муштровке и физической закалке. На посвящаемых налагались суровые запреты, ограничения в пище, посвящаемые не могли разговаривать и объяснялись знаками или особым условным языком, их изолировали от женской части племени, внушали им правила племенной морали, учили обычаям, преданиям племени. Они подвергались особым мучительным испытаниям, которые были в разных областях Австралии различны: нанесение порезов на теле (рубцы оставались на всю жизнь), выбивание передних зубов, выщипывание волос, обрезание, даже поджаривание на костре. Смысл этих жестоких испытаний — привить молодежи выносливость и воспитать ее в духе беспрекословного повиновения старикам, руководителям рода и племени»².

Нанесение порезов на теле, выбивание зубов, обрезание и т. п. — этими магическими обрядами сопровождался акты посвящения юношей в половозрастную группу при их вступлении в класс воинов. У некоторых древних народов обрезание служило религиозным обрядом, «данью жестокому и злему божест-

¹ П. Лафарг. Обрезание, его социальное и религиозное значение. В кн. «Критика иудейской религии», стр. 301—302.

² С. А. Токарев. Религия в истории народов мира. М., 1964, стр. 39.

ву, которому необходимо принести в жертву часть, чтобы спасти целое, обрезать ребенка, чтобы сохранить ему жизнь»¹. Возможно, что именно у древних евреев обрезание связано с тем, что бог Яхве был, по выражению С. А. Токарева, патроном инициаций. «Согласно Библии,— подчеркивает советский этнограф,— Яхве очень настойчиво требует, чтобы все — его почитатели — израильтяне были обрезаны. Не менее настойчивы претензии Яхве, чтобы все первенцы Израиля посвящались ему (Исход, XXXIV, 20; Числа, III, 12—13, 40—50 и др.); видимо, это след того, что юноши в первобытную эпоху посвящались духу — покровителю инициаций»².

Среди обрядов иудаизма не последнее место занимает ритуал омовения. Раввины предписали верующим накануне субботы и других религиозных праздников окунуться в микве — в специально оборудованный бассейн с дождевой или ключевой водой, предварять каждую молитву омовением рук, перед тем как похоронить мертвеца, омыть его водой, у входа в синагогу помыть руки и т. д. и т. п. Вода в иудаизме — основа ритуальной чистоты и синагогальной святости.

Истоки обряда омовения следует искать в экономических условиях жизни древних людей. Вода у многих древних народов была святыней, ибо она давала жизнь и им самим и всему тому, чем они питались. И древние евреи обожествляли воду, ибо жизнь земледельцев Иудеи почти полностью зависела от осенних дождей. В осенний праздник суккот при храме устраивались буйные хороводы и пляски, которые

¹ П. Лафарг. Обрезание, его социальное и религиозное значение. В кн. «Критика иудейской религии», стр. 313.

² С. А. Токарев. Религия в истории народов мира, стр. 343.

именовались весельем водоизлияния. Это веселье сопровождалось обрядом «благословения эсрога»¹. В правой руке участники празднеств держали лулав — связанный пучок из мирт, пальмовых листьев и верб, в левой — эсрог и, потряхивая ими, полагали, что подобными магическими действиями они вызывают ветер и дождь. «Рабби Элиезер, — сказано в Талмуде, — говорил, что четыре растения, составляющие лулав и эсрог, должны повлиять на бога и вызвать обилие дождей, ибо как эти растения не могут жить без воды, так и вся вселенная не может жить без воды» (Таанит, 2б).

Дождь и вода играли такую важную роль в жизни древних евреев-земледельцев, что в их видении бог появлялся «в густом облаке» (Исход, XIX, 9) и «мрак сделал он покровом себе, сению вокруг себя, мрак вод, облаков небесных» (Псалом, XV, 12). В Талмуде устами римского императора Тита утверждается, что «сила еврейского бога в воде, что все его чудеса он творил на воде: когда Яхве освободил еврейский народ от египетского рабства, он рассек Чермное море, когда Яхве ввел евреев в Палестину, он предварительно рассек воды Иордана, врагов Израиля он топил в воде»².

Вода в иудаизме стала настолько священной, что древние евреи поклонялись богу воды. В Талмуде этот бог называется Рад-ио (Иома, 21а). Средневековый богослов Раши (рабби Шлойме Ицхаки, 1040—1105), пользующийся большим авторитетом у верующих, говорил, что в функции бога воды Рад-ио входит

¹ Эсрог — род лимона.

² Б. Файгенбаум. Еврейский ритуал. Нью-Йорк, 1909, стр. 162 (на яз. идиш).

«ниспосылать на землю дожди сверху и напавать ее грунтовыми водами снизу»¹.

Попытка современных клерикалов усмотреть в культе воды правила гигиены не выдерживает критики. Стоит, скажем, кому-либо принять душ или помыться в бане, все же, согласно иудейскому вероучению, он не становится «чистым» и не получает права молиться. В предписаниях о ритуальной чистоте прямо сказано: «Даже тогда, когда женщина будет мыться в бане, основательно и долго, даже тогда, когда она обольется всеми водами мира, она все же не будет считаться чистой, пока не примет микву».

Култ омовения, как и прочие обряды, отжившие свой век, не содержит в себе ничего такого, что отвечало бы интересам народа, способствовало бы развитию его физических и духовных сил. Наоборот, религиозные традиции и обычаи, порожденные тупой придавленностью человека внешней природой и классовым гнетом, являются серьезным тормозом для развития личности, культивируя у людей чувства неполноценности и никчемности.

ПРАЗДНИКИ

Как и обряды, религиозные праздники древнего происхождения. Содержание и характер религиозных праздников соответствовали экономическим условиям жизни племени, рода или патриархальной семьи. Праздновали удачную охоту, обильный урожай, приплод скота и т. п. С появлением богов — покровителей скотоводства, земледелия и т. д. праздники

¹ Б. Файгенбаум. Еврейский ритуал. Нью-Йорк, 1909, стр. 165.

устраивались в честь этих божеств. С установлением централизованного культа в рабовладельческом государстве все религиозные праздники у евреев были связаны с именем Яхве. Конкретные функции отдельных богов были переданы единому богу. И не различным божествам в дни праздника приносили дары, а только одному Яхве. Жрецы настойчиво напоминали: в храм божий в праздничный день нельзя приходить с пустыми руками. Эта заповедь в Ветхом завете повторяется много раз.

Древние праздники имели прямое отношение к явлениям природы, к экономической жизни людей, превратно отраженным в их сознании. Впоследствии религиозные праздники и сопровождающие их молитвы, покаяния, посты служили воспитанию у народных масс послушания, покорности и жертвенности, в которых были заинтересованы эксплуататорские классы. Религиозные праздники призваны были закрепить у трудящихся евреев веру в божественный промысел, а следовательно, подорвать их волю к борьбе против гнета и эксплуатации, за свободу и светлое будущее.

Первое место среди иудейских праздников занимает пасха. Она восходит к тем временам, когда евреи были кочевниками и основным их занятием было скотоводство. Об этом сохранились данные в Библии. В книге Исход (XII, 21—23) сказано: «И созвал Моисей всех старейшин Израилевых и сказал им: выберите и возьмите себе агнцев по семействам вашим и заколите пасху», кровью жертвенного животного «помажьте перекладину и оба косяка дверей... а вы никто не выходите за двери дома своего до утра... и пройдет Яхве мимо дверей и не допустит губителю войти в дома ваши для поражения».

В пору приплода скота древний еврей-скотовод

был особо озабочен состоянием своего стада. И количество приплода, и нормальный его рост — все это в представлении пастуха зависело от духов пустынь и пастбищ. Чем можно их умиловить? Тем же мясом животного. Потому им приносили в жертву агнца, ели мясо в эту ночь, а от духа-губителя спасали себя кровью жертвенного животного.

«Такого рода ритуальные трапезы,— подчеркивает А. Б. Ранович,— в которых вкушается мясо животного воплощения божества или в которых, по крайней мере, незримо участвует божество, наблюдается почти у всех без исключения народов, находящихся в стадии родового общества. В несколько измененном виде это примитивное богоедство сохранилось до сих пор в христианской литургии, где священник, вырезая из просфоры «агнца», «причащается плоти бога» путем вкушения этого куса хлеба, в котором, по учению церкви, воплотился бог Христос»¹.

Церемониал богоедства в пасхальную ночь был своего рода спектаклем, в котором в качестве действующих лиц выступали кочевники во всем своем обличье: с посохами в руках и перепоясанными чреслами. Причем в этом спектакле чужой, «пришелец и поселенец», не имел права участвовать. Пасхальную трапезу разделяли только свои, т. е. члены рода и рабы, принадлежавшие рабовладельцу, входившему в состав данного рода. «Таким образом,— заключает Ранович,— пасха не только отражала бессилие кочевников и пастухов перед стихиями природы, от которых зависело благополучие стада, и не только закрепляла это бессилие; она была также и фантастическим вы-

¹ А. Б. Ранович. Очерк истории древнееврейской религии. М., 1937, стр. 130.

ражением связанности отношений между людьми внутри рода, освящала авторитет старейшин и родовладык, а в период разложения рода освящала и оправдывала появившиеся зачатки эксплуатации»¹.

Когда еврейские племена начали заниматься земледелием, пасха превратилась в праздник начала уборки хлебов (праздник мацот-опресноков). Богов-покровителей стали угощать плодами нового урожая. О слиянии праздника пасхи с праздником мацот свидетельствует сама Библия. В книге Левит (XXIII, 4—6) сказано: «Вот праздники Яхве, священные собрания, которые вы должны созывать в свое время. В первый месяц, в четырнадцатый день месяца к вечеру пасха Яхве. И в пятнадцатый день того же месяца праздник мацот Яхве. Семь дней ешьте опресноки».

Ритуальное вкушение початков и плодов нового урожая древние еврей-земледельцы справляли не только весной, на пасху, но и летом, в праздник пятидесятницы, и осенью, в праздник суккот. В книге Исход (XXIII, 16) о праздниках пятидесятницы и суккот сказано: «Наблюдай и праздник жатвы первых плодов труда твоего, какие ты сеешь в поле, и праздник собирания плодов в исходе года, когда уберешь с поля работы твою». Во Второзаконии (XVI, 16) сказано о трех праздниках в году, имеющих отношение к урожаю плодов: «Три раза в году весь мужской пол должен являться перед лицом Яхве, бога твоего, на место, которое изберет он: в праздник мацот, и в праздник шебуот (пятидесятница), и в праздник суккот, и никто не должен являться перед лицом Яхве с пустыми руками».

¹ А. Б. Ранович. Очерк истории древнееврейской религии, стр. 131.

В пасхальной обрядности современного верующего еврея занял видное место образ мессии. «Чин (седер) этого праздника, вырабатывавшийся преимущественно в диаспоре, где пасха стала синагогальным и домашним праздником, заполнен рядом обрядов и обычаев, связанных с пришествием мессии и его предтечи Ильи. Миф об исходе из Египта, вокруг которого концентрируется пасхальная идеология, пропитывается мессианизмом, становится как бы в подчиненное положение по отношению к мессианским идеям. Иудейский «исход» становится залогом и прообразом столь же чудесного спасения при посредстве мессии. Заклание и ритуальное поедание пасхального агнца теряет свой первоначальный характер жертвы духу-губителю, и в христианстве агнец становится образом и символом спасителя — мессии»¹.

Древние праздники, обусловленные жизнью народа эпохи родового строя, еврейские богословы связали с мифом об исходе евреев из Египта. Согласно мифу, древнееврейские племена в XIII в. до н. э. якобы попали в рабство к египетскому фараону Рамзесу II. Над угнетенным народом, как утверждают церковники, сжалился бог Яхве и чудом спас его от египетского гнета.

Ничего общего с исторической правдой эта легенда не имеет.

Древние евреи в действительности не поселялись в Египте и не попадали в рабство к египетскому фараону. Археологические открытия конца XIX — начала XX в. опровергают библейскую схему древнейшей истории евреев. В течение 1887—1892 гг. в Телль-Амар-

¹ А. Б. Ранович. Очерк истории древнееврейской религии, стр. 319—320.

не (Египет) найдено было 360 глиняных табличек, исписанных вавилонской клинописью и содержащих часть архива Аменхотепа III и Аменхотепа IV (1411—1375 гг. до н. э.). Эти таблички, или, как их принято называть, «эльль-амарнская переписка», фиксировали и незначительные явления из жизни народов Передней Азии. Факт пребывания евреев в Египте не был бы обойден ими, если бы он соответствовал действительности. Наоборот, таблички свидетельствуют о том, что при фараонах Аменхотепе III и Аменхотепе IV в XV—XIV вв. до н. э. евреи уже жили в Палестине. Как эльль-амарнская переписка, так и надпись Тутмоса III, относящаяся к XV в. до н. э., а также так называемая «Израильская стела» (1225—1215 гг. до н. э.) — все эти древнеегипетские памятники содержат данные о том, что еврейские племена уже жили в Палестине как раз в то время, когда они, согласно ветхозаветным мифам, должны были находиться в египетском рабстве, совершить свой, обставленный чудом, переход через Красное (Чермное) море и странствовать по пустыне в ожидании «земли обетованной».

Существенным ядром мифа об исходе является сказка о чудотворце Моисее. Согласно Ветхому завету, жил-был человек по имени Моисей, которому было ненавистно рабство. Бежал он из Египта в пустыню. Там явился к нему бог Яхве и потребовал, чтобы он стал избавителем евреев от египетского рабства. Моисей, снабженный чудодейственным посохом, добился освобождения своих соплеменников. Эта сказка в значительной степени заимствована была евреями у вавилонян. Обратимся к биографии Моисея. Из первой главы книги Исход мы узнаем, что «повелел фараон всему народу своему, говоря: всякого новорожденного у евреев сына бросайте в реку, а всякую дочь остав-

ляйте в живых». Но вот один человек «из дому Левиана взял в замужество дочь Левия. И зачала жена, и родила сына». Так как она боялась послушаться повеления фараона, то изготовила для сына «корзинку из тростника и осмолила ее асфальтом и смолою, положила в нее младенца и поставила в тростнике у берега реки». Дальше в сказке рассказывается, что дочь фараона пошла мыться к реке, увидела корзинку и спасла ребенка. Младенец вырос, был он «ей вместо сына и нарекла имя ему Моисей».

Истоки этого мифа о Моисее легко обнаружить, если сравнить его с мифом о рождении вавилонского царя Саргона I (ок. 2370 г. до н. э.). «Я, Саргон, — гласит древняя запись, — могучий царь, царь Аккада. Мать моя была бедна, моего отца я не знал, брат моего отца живет в горах. Мой город — Азупирану, расположенный на берегу Евфрата. Зачала моя бедная мать, втайне родила она меня, поместила меня в ящик из тростника, заделала дверцу асфальтом и пустила меня по течению, которое было не сильно»¹. Как по содержанию, так и по тексту эта сказка совпадает с мифом о рождении «пророка» Моисея.

Подобные мифы имеются и о персидском царе Кире, о легендарном основателе Рима — Ромуле.

Идеологи иудаизма внушают верующим мысль о том, что с Моисеем Яхве разговаривал «лицом к лицу» и избрал его для того, чтобы он возглавил «исход» из Египта, и что через него он дал евреям Тору. Составители Пятикнижия приписывали Моисею то, что сами брали из вавилонских, хеттских и других кодексов.

Ветхозаветный Моисей — личность мифическая, ни-

¹ Цит. по кн. А. Б. Ранович. Очерк истории древнееврейской религии, стр. 77—78.

когда не существовавшая. Даже имя его не еврейское, а египетское. «Оно, — писал В. В. Струве, — соответствует египетскому имени Мосе, что означает «сын». Мало того, другие лица, окружавшие Моисея, согласно библейской традиции, носят также египетские имена, например, один из племянников Моисея носил египетское имя Пинехас, что означает «негр»¹.

Имя Моисей входит составной частью в имена Тутмос, Рамос, Яхмос, что также подтверждает его египетское происхождение. Нельзя поэтому согласиться с израильским философом и богословом М. Бубером, утверждавшим, что имя Моисей происходит от того, что он «выташил», т. е. вывел, евреев из Египта².

Что же остается от Моисея? Ровно ничего. «Он остался, — отмечает Ранович, — лишь мистическим родоначальником легендарного «колена» жрецов-левитов, освящавших его авторитетом свои привилегии, он — герой того же типа, что и мифический учредитель элевсинских мистерий Евмолп или первопредок жрецов Афродиты на о. Пафос Кинир»³.

Как сказано, пасха в толковании раввинов связана с ожиданиями прихода небесного избавителя, который должен собрать всех иудеев из рассеяния, восстановить Иерусалимский храм и утвердить царство славы и вечного счастья. Такое толкование пасхи возникло в средние века, когда в Европе начались гонения на евреев. Идеологи иудаизма воспользовались бесправным положением евреев для оживления мессианиче-

¹ См. «История Древнего Востока», т. I. М., 1937, стр. 347.

² М. Buber. Moise. Paris, 1957, p. 38; см. «Палестинский сборник», 13 (76), примечание к стр. 40.

³ А. Б. Ранович. Очерк истории древнееврейской религии, стр. 82.

ских ожиданий. Они поддерживали в народе веру, что бедствия и притеснения не бесконечны; будет выход — обещанное пришествие мессии. Земными, людскими средствами и силами, говорили раввины, нельзя добиться избавления; остается одна надежда — на спасение со стороны божества, на пришествие мессии. И в моменты особенно тяжелых и жестоких притеснений при приближении пасхи многие экзальтированные и горячо верующие евреи, доверяя обещаниям раввинов, не раз серьезно ожидали чудесного появления мессии в пасхальную ночь. Потому, отмечает Н. М. Никольский, «значение пасхи еще более увеличилось, она сделалась одним из самых главных праздников, не только церковным, но и домашним»¹.

Современные апологеты иудейской религии особое значение придают религиозным праздникам. Чем это можно объяснить? Они понимают, что в наш век заниматься исполнением их предписаний о богослужении, постах и других обрядах даже верующим евреям почти невозможно. Поэтому, искажая социальную природу и религиозно-мистический смысл праздников, иудейские клерикалы пытаются придать им освободительный, гуманный характер. Так, главный раввин Израиля И. Унтерман накануне пасхи 1965 г. обнародовал своего рода манифест «к евреям всего мира», в котором он призывал их отрешиться от суетных дел и подготовиться «к святой пасхе, к сезону нашей свободы, так как в былые времена по божьему промыслу в этот сезон наши предки были освобождены от рабства».

В условиях советской действительности, когда значительное большинство советских евреев давно

¹ «Критика иудейской религии», стр. 345—346.

порвало с иудаизмом, вожаки синагог в СССР проповедью общечеловеческого содержания праздников стремятся повлиять на умы советской еврейской молодежи и вернуть ее в лоно «веры отцов». Иудейские клерикалы проповедуют, что свободу не завоевывают, что она приходит по волеизъявлению всевышнего. В пример они ставят самого Моисея. В одном Мидраше, напоминают они, сказано, что бог, направляя Моисея к египетскому фараону, предупредил его: «Хотя я и направляю тебя к фараону, чтобы наказать его, но не забудь, что он царь, и ты, Моисей, обязан отдавать ему честь, какая полагается царской особе». Раввины не забывают также указать на то, что Яхве, освобождая сынов Израиля из египетского рабства, говорил им: «Я буду воевать за вас, а вы молчите». Итак, проповедь о пасхе, как празднике освобождения, сводится лишь к тому, чтобы внушить верующим идею о смиренности и выжидании. Утверждая, что сам человек не имеет права бороться против рабства и эксплуатации, иудейские клерикалы оскорбляют человеческое достоинство верующих. Трудящиеся ведут борьбу за свободу, полагаясь не на бога, а на свою собственную силу, на общность интересов всех эксплуатируемых, на их единство и сплоченность в борьбе против угнетателей.

Наряду с пасхой важное место в иудейском культе занимает судный день (иом-кипур) с предшествующим ему днем нового года (рош-гашано), который справляется в начале сентября (в первый день месяца тишри). Эти два праздника стали настолько священными, что в эти дни в синагогах можно было видеть даже и таких евреев, которые вообще не посещают или мало посещают богослужение. Чем это объяснить? С новым годом и судным днем были связаны суеверные пред-

ставления, будто весь предстоящий год сложится так, как положит бог в эти дни; от молитв в новый год и судный день якобы зависят благополучие, удача и здоровье в течение всего наступающего года. Раввины проповедуют, что в новый год и в судный день все жители мира как бы проходят перед богом Яхве, а он, вникая во все дела людей, выносит приговор каждому человеку в отдельности «по заслугам». Поэтому в рош-гашано и в иом-кипур синагоги наполняются молящимися, как никогда.

Дню иом-кипур предшествует в религиозной практике десять дней (включая и новый год) покаяния (тешуба). В эти дни, по учению раввинов, Яхве проверяет дела всех людей и готовит свое решение о судьбе каждого человека на предстоящий год. Чтобы усилить свое влияние на верующих, раввины называют новый год и судный день «страшными днями». К ним, учат они, надо готовиться в течение месяца элул (август) постами, молитвами, трубными звуками из бараньего рога (шофера) и т. п. Обрядами такого характера иудейские клерикалы подавляют классовое сознание трудящихся евреев и нагнетают в их среде религиозное настроение.

Шолом-Алейхем едко высмеял проповедь раввинов об особой святости «страшных дней», показав, что обряды, с ними связанные, в странах капитала становятся бизнесом. «Наступил месяц элул,— рассказывает Шолом-Алейхем в новелле «Мистер Грин находит занятие»,— пришло время осенних праздников и я¹ увидел, как в газетах рекламируются канторы, синагоги, молельни. В витринах магазинов появились молитвенники — обыкновенные и праздничные, бараньи рога,

¹ Рассказ ведется от имени мистера Грина.

талесы¹, а публика, вижу, начала улыбаться богу, лстить ему ради бизнеса. Тогда я и подумал и говорю самому себе: «Мистер Грин! До каких пор ты будешь «зеленым»?² Надо и тебе пожить от месяца элула, от десяти покаянных дней!» Но хорошо сказать «пожить», когда можно пожить... За что я могу приняться? Сделаться кантором... раввином... не знаю грамоту и не понимаю значения слов... Углубившись... в такие мысли и рассуждения, я зашел в синагогу... Начало месяца элул, народ молится, читает псалмы... Помолились, тогда один из прихожан говорит: «А кто же нам потрубит в рог?» — «Потрубить? — отзывается я. — Разрешите мне». Вы, пожалуй, спросите, откуда я умею трубить в рог? А дело вот в чем... мальчишки-озорники, мы в праздники, бывало, раздобудем где-нибудь рог и спорта ради трубим в него до тех пор, пока служба не выгонит из синагоги»³.

И дальше Шолом-Алейхем повествует о том, как Грин стал отличным трубачом. В первый год он обслуживал одну синагогу, на следующий год три, а затем целую дюжину. И все для того, «чтобы заработать добрых несколько долларов».

Осенние праздники рош-гашано и иом-кипур являются, по учению раввинов, днями «очищения» от грехов. Акт очищения по Ветхому завету состоял в следующем: «И возьмет (верховный жрец Аарон) двух козлов, и поставит их пред лицом Яхве у входа скинии собрания. И бросит Аарон на обоих козлах жребий: один жребий для Яхве, а другой жребий для

¹ Талес — молитвенное облачение.

² Т. е. неприспособленным к американской жизни.

³ Шолом-Алейхем. Собр. соч., т. 5, стр. 328.

Азазела¹. И приведет Аарон козла, на которого вышел жребий для Яхве, и принесет его в жертву за грех. А козла, на которого вышел жребий для Азазела, поставит живого пред Яхве, чтобы совершить над ним очищение и отослать его в пустыню для Азазела» (Левит, XV, 7—10). Отметим, что, пожалуй, нигде более откровенно Пятикнижие не говорит об участии двух богов — Яхве и Азазела — в судьбе народа. Уже одно это опровергает миф о монотеизме древних евреев.

Козла «для Азазела» верховный жрец нагружал «всеми беззакониями, преступлениями и грехами» сынов Израилевых и отправлял в пустыню (Левит, XVI, 21). Представление о грехе как о чем-то таком, что можно перекладывать на другого, на животное, «снять» с грешника, характерно не только для иудейской религии, оно существует в ряде других религий, в частности христианской. Католическая церковь в средние века торговала специальными «листками отпущения грехов» — индульгенциями, превратив это в источник доходов и орудия обмана.

Вышеприведенный ветхозаветный рассказ об акте очищения от грехов говорит о том, что иом-кипур был в своем возникновении праздником древнееврейских племен скотоводов в честь бога-козла Азазела (правильнее Азаел, что означает «козел-бог»). Талмудисты и раввины, впоследствии обставив иом-кипур различными ритуалами (пост, розги — «малкес» и др.), стали рассматривать его как судный день — день, когда Яхве определяет, кому жить, кому умереть, кому умереть своей смертью и кому не своей, кому от воды и кому от огня и т. п. Судный день вызывает у верующих евреев слепой страх перед богом в небесах и его

¹ В переводе вместо Азазела сказано «отпущения».

наместниками на земле и воспитывает в них чувство покорности и смирения перед «сильными мира сего». Такова классовая функция праздника иом-кипур.

Иудейские праздники, как и праздники других религий, сковывают волю людей, их устремленность к познанию и изменению мира, сдерживают их решимость вести борьбу за социальную справедливость, мир и счастье народов, за создание коммунистических общественных отношений в нашей стране.

«У советских людей разных национальностей сложились,— отмечает Программа КПСС,—общие черты духовного облика, порожденные новым типом общественных отношений и воплотившие в себе лучшие традиции народов СССР»¹. Эти общие черты нашли свое яркое выражение в общесоветских праздниках. Советские евреи, как и все другие народы социалистического общества, имеют свои подлинно народные праздники. Мы торжественно отмечаем 1 Мая — праздник солидарности всех трудящихся, годовщину Великой Октябрьской социалистической революции, день всенародной победы над немецким фашизмом и др.

Религиозные праздники закрепляют в умах людей суеверие и предубеждения. Советские праздники знаменуют собой торжество великих освободительных принципов труда и социализма, способствуют интернациональному объединению всех трудящихся и развитию революционной идеологии рабочего класса.

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза». М., 1962, стр. 242.

СЕКТЫ

За время своего многовекового существования иудаизм, приспособляясь к меняющимся социально-политическим условиям жизни еврейского народа, не смог сохранить свои догматы и обряды в их «первозданном» виде. Наоборот, на протяжении веков они подвергались изменениям и наполнялись новым содержанием. В иудаизме были и расколы, возникали и действовали секты, которые были идеологическим выражением классовых интересов различных социальных групп.

В настоящее время из многих сект иудаизма сохранились две: караимство и хасидизм.

КАРАИМСТВО

В III—VI вв. под владычеством иранских царей в вавилонских городах Суры, Пумбадиты, Махузы и Нары находилось много евреев, основным занятием которых было земледелие и виноградарство.

Еврейское население пользовалось здесь самоуправлением. Важную роль в жизни еврейских общин играло духовенство, организованное в религиозных академиях Суры и Пумбадиты. Во главе каждой из них стоял президент — блюститель религии, освящавшей беспощадную эксплуатацию народных масс именем бога Яхве и законоположений Талмуда.

В VII в., когда Вавилония была покорена арабами, положение духовенства укрепилось. Руководитель суранской академии Мар Исаак за проявление верноподданнических чувств к халифу Али при осаде последним города Фируз-Шабур был награжден в 658 г. особым титулом под названием гаон (сановник). Гаон выполнял судебные функции, освящая правовыми уложениями Талмуда господство и привилегии знати, эксплуатацию рабов и неимущих. Он назначал окружных судей, которые регламентировали отношения собственности, семейные, брачные и иные отношения. Представители духовных академий при общинах за малейшее отступление от предписаний Талмуда имели право подвергать взысканиям любого члена общины. По свидетельству историка X в. Натана Бавли, по приговору гаонов людей жестоко избивали и предавали анафеме (отлучение от синагоги), введенной еще патриархом Гамлилом II.

Трудовые еврейские массы — земледельцы и ремесленники, которые страдали от гнета арабских халифов и гаоната, подняли в 748—755 гг. восстание; руководителем их стал портной из города Иофахана Абу-Иса. Этого отважного человека вдохновил подвиг бывшего раба Абу-Муслима, поднявшего в 747 г. широкие массы крестьян, ремесленников и мелких купцов Ирана и Ирака на борьбу

против политики завоеваний и постоянных грабительских набегов халифа Мервана II.

Абу-Иса собрал более 10 тыс. человек, желавших освободиться от власти догматов Талмуда. Объявив себя предтечей мессии, портной из Иофахана призывал к вооруженной борьбе против арабских владык и их иудейских сатрапов. Абу-Иса отвергал талмудическое законодательство, но придерживался ветхозаветных предписаний. Чтобы привлечь на свою сторону христиан и мусульман, иофаханский «предвестник мессии» учил, что наряду с Моисеем «настоящими пророками» являются также Иисус Христос и Мухаммед.

Восстание Абу-Исы было подавлено огнем и мечом, но оставило после себя глубокий след. Еврейские народные массы сохранили свою ненависть к Талмуду и его гаонским защитникам. На смену Абу-Исе пришел Анан бен Давид, возглавивший антиталмудическое движение, которое вошло в историю под названием караимства¹.

Свои взгляды Анан изложил в трех сочинениях, в дальнейшем утерянных. По свидетельству его близких друзей и поклонников, оставивших значительное количество произведений, догматике Анана были чужды почти все постановления Талмуда. Так, например, по утверждению караима X в. Якова Каркасани, последователи Анана отрицали догматы иудаизма о приходе мессии и воскресении мертвых, о посмертном воздаянии и восстановлении Иерусалимского храма.

Ананиты строжайшим образом выполняли заповеди Ветхого завета. Не случайно их называли

¹ Караимство — от древнееврейского «микра», т. е. писание.

библейцами. Однако, обратившись к Библии, караимы не только выполняли ее заповеди, но и давали им свое толкование, приспособлявая их к условиям времени.

Известно, что Анан бен Давид, так же как и Абу-Иса, симпатизировал христианству и исламу. Аргументы в защиту своих вероопределений он черпал не только из Ветхого завета, но и из евангелий и Корана.

Сторонники ортодоксального иудаизма решительно ополчились против Анана и его последователей. Талмудисты объявили караимов еретиками и зловерными безбожниками, выступали против них с кафедры, не допускали их в молитвенные дома, запретили употреблять приготовленную ими пищу, не заключали с ними браков. Караимы, со своей стороны, всячески поносили обе академии и их представителей.

Караимы не только отрицали догмат святости Талмуда и всех комментариев и толкований к Ветхому завету, но и привнесли в иудейское богословие элементы арабской философии VIII—IX вв.

В арабской философской мысли того времени шла борьба между сторонниками буквального толкования догматов Корана (их называли мутакаллимами) и возникшей в конце VIII в. школой, отстаивавшей право на свободное рационалистическое объяснение религиозных предписаний и установлений. Мутакаллимы-ортодоксы прозвали сторонников рационалистического толкования Корана мутазилистами, т. е. отщепенцами, отступниками.

Находясь в близком общении с арабами, евреи Востока не остались вне влияния их духовной жизни. Распри между талмудистами и караимами способст-

вовали перенесению мусульманской религиозной полемики на почву иудейства.

Секта караимов при всем своем антиталмудическом направлении осталась на позициях схоластики. Знаменательным в движении караимства было то, что оно поставило под сомнение незыблемость иудаизма и резко нападало на его гаонских защитников. В какой-то мере оно было идейным выражением глухого протеста народных еврейских общин против бесчеловечной эксплуатации, оправданной и защищаемой Талмудом.

ХАСИДИЗМ

В течение веков в иудаизме сложились не только религиозно-культовые, но и религиозно-правовые законы, в соответствии с которыми определялись отношения верующих в общине и решались гражданские, семейные, уголовные дела верующих евреев.

Догматы, а также вопросы, связанные с проведением религиозных праздников и совершением обрядов, были систематизированы в книге раввина И. Каро (1485—1575) под названием «Шулхан-арух» («Накрытый стол»). Свод религиозных предписаний богослов изложил в четырех разделах: Орах-хаим (законы о богослужении, субботе и праздниках), Йоре-деа (о пище и домашнем обиходе), Эвен-хаэзер (бракоразводные дела), Хошен-мишпат (судопроизводство). Этими уложениями раввины в продолжение столетий регламентировали внутреннюю жизнь еврейских народных масс Польши и России. Мы говорим о внутренней жизни потому, что вплоть до XX в. еврейские общины (кагалы) пользовались здесь самоуправле-

нием. Исключительно тяжелой была жизнь евреев Польши и Украины в XVII—XVIII вв. Подавленные и унижаемые польскими и украинскими помещиками, угнетаемые «своими» богачами и лавочниками, еврейские трудовые массы находились на грани полной нищеты. Бессильные бороться с социальным гнетом, они искали утешения в религии.

Кагальные заправилы беззастенчиво и жестоко эксплуатировали народ. Человек труда был отстранен от всяких дел кагала. Его уделом было беспрекословное подчинение воле олигархии. Вся тяжесть налогов падала на трудовую массу. «Чем непомернее становились финансовые требования, предъявлявшиеся государством к кагалу, тем суровее становился гнет последнего»¹.

Кагальная плутократия нуждалась в морально-духовном оправдании своих бесчинств и дикой эксплуатации. Поэтому рядом с нею важное место в кагале занимало духовенство. Раввины именем Талмуда и Торы, кодексом Шулхан-аруха поддерживали и освящали власть имущих. По словам богослова Якова Эмдена, раввины покупали свои должности, а потом властвовали над массой, «сдирали с нее шкуру, раздробляли кости не только с целью вернуть обратно потраченную на покупку должности сумму, но и для того, чтобы усилить свою мощь, умножить свое богатство, окружить почетом свою родню»².

Изучение талмудистского права имело практическое значение, так как в распоряжении кагала находилось судилище, в котором разбирались и решались гражданские дела, тяжбы по семейным вопросам и все

¹ «История еврейского народа», т. XI. М., 1914, стр. 488.

² См. «Еврейская старина», т. XII. Л., 1928, стр. 85.

религиозные казусы. Все вращалось вокруг Талмуда и Шулхан-аруха. Каждый еврей, отмечает просветитель XIX в. И. Г. Оршанский, считал своей священной обязанностью обучать своих детей Талмуду. Вследствие этого число богословов сильно возросло, раввины конкурировали между собой, изошряясь в тонкости талмудической мудрости. Они, писал Оршанский, «создали новый род богословской литературы — так называемый хилук, или пилпул. Хилук — это рассуждение на религиозно-обрядовую тему, которое представляет массу самых тонких хитросплетений, лишенных твердого логического основания. Это скорее игра воображения, нежели плод мысли. Про творца этого рода литературы... рассказывают, что, когда из его экземпляра Талмуда вырвали несколько листков, он, не заметив этого обстоятельства, при изумительной гибкости своего ума, продолжал учение на прерванном месте и нашел возможным связать между собой два совершенно различные места Талмуда! В софистике хилука тот считался корифеем учености, который мог привести доказательства в пользу разрешения того, что запрещено, который мог приводить побольше аргументов за и против одного и того же положения. Против хилуков, которые имели и вредное соперничество, и чрезвычайную гордость, столь свойственную школьному педантизму, боролись лучшие умы среди евреев, но с незначительным успехом»¹. Талмуд господствовал над умами всей общины. Наука и философия преследовались. Краковский раввин Йоиль Сиркис открыто говорил: «Философия — мать ересей и является той блудницей, о которой мудрый Соломон сказал: «Кто придет к ней, тот не вернется обратно»»². Любое

¹ «Критика иудейской религии», стр. 387.

² «История еврейского народа», т. XI, стр. 419.

проявление вольномыслия подавлялось жесточайшим образом.

В первой половине XVIII в. классовая борьба внутри еврейских общин обострилась, сознание неизбежности ломки кагалных отношений все шире проникало в народные массы. Назревал период народного гнева, когда, по выражению историка Марека, «падают обесцененные авторитеты, не внушая больше ни страха, ни уважения»¹.

Движение против светских и духовных авторитетов приняло в XVIII в. религиозно-мистическую окраску. Иначе не могло и быть. Массы, веками находившиеся под влиянием религии, поднимаясь на борьбу за свое освобождение, использовали религиозное знамя. Этим знаменем стал хасидизм («учение о благочестии»). Основателем хасидизма считается Израиль Бешт² (1700—1760). Его биография настолько переплетена легендами, что в ней трудно отделить реальное от фантастического. Но если попытаться отбросить мистические ее наслоения, то, говорит советский историк хасидизма Т. Б. Гейликман, биографию Израйля Бешта можно передать весьма кратко. Родился он в местечке Окупе, которое находилось на границе между Польшей и Валахией, в бедной семье, рано осиротел, плохо учился в хедере, с детства отличался мечтательностью, любовью к уединенному образу жизни. Покинутый на произвол судьбы своими опекунами, он в двенадцать лет становится помощником меламеда. В его обязанности входило отводить детей из хедера домой и обучать их в синагоге молитвам. Позже он становится служкой в синагоге, причем днем он

¹ «Еврейская старина», т. XII, стр. 87.

² Бешт — аббревиатура слов «баал», «шем», «тов», т. е. обладатель доброго имени, чудодей.

спал, а ночью молился или изучал каббалу¹. Поселившись через некоторое время в местечке близ г. Брод, он перешел к «карьере», которая обычно ждет всякого неудачника — к меламедству. Но с этим занятием он соединил роль третейского судьи в тяжбах.

После женитьбы он вместе с женой удалился из Брод, поселившись в деревушке близ Карпатских гор.

Здесь, уединясь в горах, Бешт копал глину, которую жена отвозила в город для работы, а в свободное время предавался размышлениям и молитвам. Материальное положение Бешта улучшилось, когда его шурин снял для него в аренду корчму в деревне близ Кутова. Бешт поселился в домике в лесу, недалеко от корчмы, и продолжал вести уединенный образ жизни, являясь к семье по субботам. Во время долгого проживания в лесах и горах он изучил целебные свойства трав, а кроме того, кое-какие медицинские сведения получил от знакомства с сельскими знахарями. Разъезжая по деревням и городам, он стал прописывать лекарственные травы больным и раздавать амулеты для изгнания «злых духов». Это создало ему славу «чудотворца».

Около 1740 г. Бешт переезжает в местечко Меджибож (Подолия), куда стекались его поклонники. В той же мере, в какой он не любил официальных ученых и чванливых раввинов, он питал горячие симпатии к простонародью. Одному такому раввину он сказал: «Ты напрасно хулишь евреев. Посмотри: бедный еврей весь день бегают, суетится, дабы в поте лица заработать себе кусок хлеба; но как только настает вечер, он уже в испуге бросает свои дела и, опасаясь

¹ Каббала — средневековое мистическое учение, составленное из элементов пифагореизма и христианства, имевшее широкое распространение среди приверженцев иудаизма.

пропустить время молитвы, забегает в ближайший дом, чтоб хоть наскоро помолиться. Он молится и от забот не знает, что шепчут его уста, и все-таки там, на небесах, весь хор ангелов содрогается, когда к ним доносятся слова этой молитвы».

В личном характере Бешта, несмотря на любовь к уединению, было нечто такое, что располагало к нему. По своему образу жизни он ничем не отличался от простолюдина, даже в период, когда достиг большой известности. Увлеченный каббалистической литературой, Бешт становится страстным приверженцем мистики. Для характеристики мистических бредней основоположника хасидизма приведем выдержки из одного письма, адресованного к его шурину Гершону. «В первый день рош-гашона (нового года) 1746 г., — пишет Бешт, — я, вернее, моя душа при помощи знакомых тебе заклинаний поднялась на небо и увидела там такие чудеса, которые еще никто никогда не видел и нигде не описал. Когда душа моя очутилась у врат рая, то она узнала много знакомых и незнакомых душ, облетающих мир от края до края на луче, о котором знают только те, кто сведущ в каббале. Узрела душа моя и радость души праведников, о которой словами не расскажешь. Видела душа моя, как вероотступники и нечестивцы клялись, молили господа о прощении грехов. Меня удивило, что и такие допущены к покаянию. Увидев меня, они обратились ко мне со следующими словами: «Если ради твоего учения всевышний одарил тебя умом и мудростью, способными уловить самые субтильные движения душ, то пойми же нас и замолви словечко о грешных перед судом господним». И в силу той радости, которая светилась в их глазах, я им обещал выполнить их просьбу. Однако вместе со мной пред лицом

господним стал сатана, дабы помешать моей просьбе. И он своего добился. Многие грешные души были низвергнуты в тартарары. Меня охватил страх и ужас. Тогда я покинул судилище господа, долго бродил по небесам, пока не очутился в храме мессии, т. е. там, где мессия самолично со всеми праведниками и семью пастухами изучает Тору... Я спросил мессию, когда же он придет? На мой вопрос мессия ответил мне так: «Когда твое учение будет широко распространено и ты весь будешь открыт миру, а мир полностью усвоит твое учение, тогда все злые духи и черные силы будут уничтожены на земле, и я явлюсь»...»¹

Чем тягостнее становилось жить на земле, тем «реальнее» казались заоблачные видения, обещания скорейшего избавления с помощью чудодея. Раввинь-талмудисты и прочая клерикальная братия были ненавистны народу. Поэтому мистические проповеди Бешта охотно и с огромным вниманием выслушивались теми, кто страдал от гнета раввинов. Ведь основатель хасидизма утверждал, что человека спасет не изощренность в Талмуде, а искреннее благочестие и горячая молитва, вознесенная богу Яхве. Последний бедняк радовался, слушая такую проповедь. Оказывается, и он может быть угоден богу, если «от души» послужит ему экзальтированным чтением Псалтыря. Как все просто, как легко войти в контакт с грозным Яхве и заслужить его благосклонность.

Число приверженцев Бешта уже при его жизни достигло только в Подолии, Волыни и Польше 10 тыс. человек. И. Г. Оршанский верно уловил причины, обусловившие рост последователей Бешта на Украине.

¹ Цит. по кн. А. Фридкин. А. Готлобер и его эпоха, стр. 70—71.

«...Живя вдали от городов,— пишет он,— на своей аренде, мельнице, корчме и т. п., украинский еврей мало-помалу эмансипировался из-под влияния раввинов и общины, которые прежде держали его в ежовых рукавицах, особенно во всем, что касалось религии... и чем далее он шел по этому направлению, тем менее он уважал раввина-талмудиста, проводившего жизнь над непонятной ему, арендарю, мудростью, и тем менее раввин этот удовлетворял религиозным потребностям корчмаря, который нуждался уже не в ученом богослове, могущем объяснить ему темное место в Талмуде, а в религиозном руководителе и духовнике, который бы управлял его умом и сердцем, как управлял священник соседней деревни сердцами и умами крестьян, к умственному и нравственному уровню которых украинский еврей значительно приблизился»¹.

В последнее десятилетие XVIII в. хасидизм завоевал и значительную часть еврейского населения Белоруссии и Литвы. Однако там пришлось ему выдержать яростную борьбу со стороны противников бештианства. В народе они назывались миснагдим — противоборствующие.

Миснагдим были ревностными защитниками Талмуда, заповедей и предписаний Шулхан-аруха. Во главе антихасидизма стоял виленский раввин Илья. В 1772 г. с благословения Ильи виленский кагальный суд предал анафеме «сектантов» и обратился ко всем другим общинам с воззванием о принятии общих мер борьбы против «вероотступников». Впоследствии, когда бештианцы стали занимать ведущие посты в кагалах, борьба против них приняла наиболее острые

¹ «Критика иудейской религии», стр. 388—389.

формы. Весной 1796 г. в Вильне под председательством Ильи состоялось совещание раввинов и преданных им руководителей кагалов, постановившее не допускать к руководству общинами приверженцев хасидизма. Совещание выработало циркуляр, в котором все правоверные евреи призывались к борьбе «против шайки злых людей», именуемых хасидами, или беш-тианцами.

В циркуляре, разосланном всем губернским кагалам, говорилось:

«Горе этому роду (хасидам), проклинающему своего отца (бога) и не благословляющему своей матери (святой Торы). Тяжко провинились хасиды перед вами, отвернувшись от вас... Они нарушили законы, отвергли постановления своего создателя и делают в божественном учении открытия, несогласные с истиной. На это камни из стен вопиют, и небо облачается в траур, ибо венец закона осквернен... Горе их дурным пастырям, измыслившим от себя новый закон и новое учение... Между хасидами есть люди, запятнавшие себя кровью невинных бедняков, всякому дурному делу они содействуют, всякого злодея и грешника они поддерживают... Нужно всенародно наказывать скорпионами этих безумцев, для их же исправления. Пусть никто не сжалится над ними и не приютит их. Пусть общество лицемеров останется всеми покинутым. Тот, кто последует за ними, пусть будет выставлен к позорному столбу... Облекитесь рвением во имя Бога, пусть искры летят из-под ваших ног, пусть пламя пышет из уст ваших, пусть сверкнет меч, меч — мститель за божественный закон, за священный завет...»

Страстность, с которой велась борьба между миснагдимами и хасидами, свидетельствовала, что за богословскими спорами скрывались земные, материаль-

ные интересы. В диспутах с приверженцами Талмуда и защитниками кагалных социальных отношений хасиды одерживали победу. Однако хасидизм только обнаруживал социальные противоречия, но не разрешал их. Он звал не к борьбе за освобождение от гнета и зла, а к пассивности. Экзальтация хасидизма была бегством от земной жизни, средством притупления страданий, мистической отравой для народных масс. «Наркотизируя верующих духовным гашишем, он,— писал Гейликман,— делал их нечувствительными к боли, неспособными к возмущению».

Бешт никаких литературных сочинений после себя не оставил. Его последователи собрали и неоднократно издавали «Изречения» учителя. К ним принадлежат «Венец доброго имени» в двух частях, впервые опубликованные в 1784 и 1795 гг., и «Завещание Бешта», впервые появившееся в 1793 г. Какие же вероопределения проповедовал учитель благочестия?

Основоположник хасидизма высказывался против обрядовой мелочности Талмуда, против его формализма и бесплодных умствований. «При исполнении заповедей,— говорит Бешт,— пусть верующий не обращает внимания на лишние мелочи, чтобы застрашивать человека сложностью обрядов, поселить скорбь в его сердце и тем препятствовать бодро служить богу»¹.

Бешт выступал против изучения Талмуда, ибо кто им занят, тот «находится во власти лукавого». Бешт — противник педантизма раввинов и их сухой казуистики. Взамен Талмуда и раввинистической литературы он предлагал чтение «душеспасительных» и нравоучительных книг. «Злой дух,— учил Бешт,—

¹ Цит. по кн. «Критика иудейской религии», стр. 371.

очень лукав, он никогда не уговаривает человека совсем ничего не изучать, ибо знает, что никто того не послушается из опасения потерять уважение у ближних, которые превозносят всякого ученого (lamdon). Лукавый дух выбирает другую тактику. Он уговаривает человека не изучать ничего такого, что могло бы вести к страху божью, как, например, нравоучительные книги или краткий свод (Schulchan aruch), из коего можно черпать сведения о том или другом законе, но побуждает его предаться исключительно учению Талмуда со всеми толкованиями, препятствуя ему, таким образом, достигнуть добра через учение»¹.

Бештианство базируется на мистических поучениях каббалы. Что же представляет собой каббала? Каббалу разделяют на «теоретическую» и практическую. Первая охватывает учение о боге и его атрибутах; вторая учит о том, как при помощи разнообразных имен бога производить желаемые предметы и явления мира.

Приверженцы каббалы рисуют бога в образе человека огромных размеров. Так, например, по мнению каббалистов, борода бога имеет в длину 10 500 парасанг (парасанга равна 4,5 километра). Каббалисты подробно изображают небесный чертог и престол божий и окружающий его сонм ангелов с Метатроном во главе.

Эти воззрения изложены ими в анонимных сочинениях VII—VIII вв.—«Шиум кома» («Размеры божества»), «Гехалот» («Чертоги»), «Осиот рабба Акиба» («Буквы рабби Акибы»).

К этому разряду сочинений принадлежит священная для каббалистов книга «Сефер иецира» («Книга

¹ Цит. по кн. «Критика иудейской религии», стр. 371.

творений»). Находясь под влиянием пифагоризма, анонимный автор ее учил, что в основе мира лежит воля бога, выраженная в первых десяти числах и в двадцати двух буквах еврейского алфавита.

О десяти числах в «Сефер иецира» сказано: «Первый из сефирот — единый. Это дух бога живого... Два — это дыхание, происходящее от духа; три — это вода, происходящая от дыхания или воздуха. Четыре — это огонь, происходящий из воды, из которого он сделал престол своей славы, небесные колеса (офанимы), серафимов и ангелов — слуг. Остальные шесть цифр соответствуют востоку, западу, северу и югу, высоте и глубине»¹.

Излагая учение о роли двадцати двух букв еврейского алфавита, автор «Сефер иецира» пишет: «Двадцатью двумя буквами бог сотворил душу всего сущего, она разделяется на категории, которые называются: три матери, семь двойных и двенадцать простых. Три материи — это вода, воздух, огонь; огонь — субстанция неба. Семь двойных — предметы, влияние которых иногда хорошо, иногда худо. К ним относятся семь планет вселенной, семь дней недели, семь отверстий в человеческом теле (уши, глаза, нос, зри, рот и т. д.). Двенадцать простых соответствует двенадцати зодиакам, двенадцати месяцам года, двенадцати главным способностям человеческого тела: зрению, слуху, обонянию, слову, питанию, рождению, действию, движению, гневу, смеху, мысли и сну»². Мы привели этот большой отрывок как образчик набора нелепых и бессмысленных фраз, типичных для кабалистической литературы.

¹ См. Э. Трубич. Очерки каббалы. Спб., 1886, стр. 13.

² См. там же, стр. 15.

Мистикой цифр книга «Сефер иецира» воспитывала в среде обездоленных еврейских масс чувства упования на чудеса.

Дальнейшее свое развитие каббала получила в книге XIII в. «Зогар» («Сияние»). Идеологами иудаизма она была приписана танаю Симону бен Иахая, жизнь которого окутана густым туманом легенды. Однако установлено, что автором ее был мистик Моисей де Леон (1250—1305). О нем историк Грец сказал: «Можно лишь сомневаться, был ли он корыстным или набожным обманщиком, но ввести в заблуждение и обмануть он наверное хотел»¹.

Моисей де Леон написал несколько сочинений каббалистического характера, но они не принесли ни славы, ни денег. Тогда незадачливому сочинителю пришло в голову верное средство для широкого раскрытия сердец и кошельков. Он принялся за писательство под чужим, но пользовавшимся авторитетом именем.

Ловкий фальсификатор выдал свой «Зогар» за сочинение Симона бен Иохая, которому Талмуд приписывает получение каббалистических откровений через ангела Метатрона. Подделка Моисея де Леона имела успех и произвела сильное впечатление на верующих. Защитниками мистики книга «Зогар» веками обожествлялась как небесное откровение и поныне рассматривается идеологами иудейства и христианства как «великое богооткровенное наследство предков».

«Зогар» — книга без начала и конца, ее содержание так же причудливо, беспорядочно и дико, как и форма. В центре книги — идея о божестве. Утверж-

¹ Г. Грец. История евреев, т. 8. Одесса, 1907, стр. 166.

дая, будто божество лишено каких-либо атрибутов, Моисей де Леон рассматривает его как «эн-соф».

Эн-соф — беспредельное ничто, находящееся в абсолютном покое, нетворимое и нетворящее начало. «Бесконечное» не находится и не может находиться в какой-либо связи с материальным миром. Эн-соф — голая духовность, лишенная каких-либо атрибутов. Однако, противореча самому себе, автор «Зогара» допускает наличие десяти сефирот, т. е. творящих сил бога. И не удивительно. Строгое мышление — не дело каббалы. «Она удовлетворяется фантастическими картинами и именами, как бы бессодержательны они ни были»¹.

«Зогар» пропитан дуалистическими представлениями о вселенной, а потому наряду с сефирот, выражающими мир света, добра, святости и ангелов, допускает и существование противоположного мира — мира зла, мрака и сатаны. Искони дурное, по «Зогару», воплощено в десяти сефирот, которые именуются «келипот» («скорлупа») и объединены в «другой стороне» вселенной.

Под углом зрения сефирот и келипот «Зогар» мистически прокомментировал некоторые библейские истории и легенды. Так, в рассказах о Лаване и Иакове, валаамовой ослице и т. п. он узрел «части и члены высшего мира», а в библейских персонажах, таких, как Каин, Исав и т. п., — «дурные основания мира».

В «Зогаре» каббалистическая система окрашена эротикой. Одна из сефирот (милость) именуется отцом, другая (правосудие) — матерью. От их сочетания рождается сын (красота). Каждая триада из сефирот, по «Зогару», состоит из активного мужского на-

¹ Г. Грец. История евреев, т. 8, стр. 62.

чала, пассивного женского начала и третьего, представляющего их единство.

В соответствии с учением Талмуда «Зогар» утверждает, что человеческая душа является обитательницей неба. Человеку она дана временно. «Всеянная» в тело, она в состоянии оказывать постоянное воздействие на самое божество.

Исполнение религиозных обрядов играет, по каббале, мистическую роль. От него зависит существование вселенной, ибо «набожный образует основу мира». Особое значение придается молитве. Поскольку, по учению Талмуда, после разрушения Иерусалимского храма молитва заменяет собой жертвоприношения, постольку, утверждают каббалисты, она имеет мистическую ценность. Тайна молитвы занимает в каббале видное место. Каждому слову, даже самому слогу молитвенных формул, каждому движению во время молитвы, каждому ритуальному символу каббала придает мистический смысл.

Каббала защищает эсхатологические воззрения Талмуда. Душа, помещенная богом в тело на определенный срок, учит каббала, подвергается испытанию: сумеет ли она, несмотря на связь с телом, остаться чистой от земных наслоений. Если да, то после смерти человека она подымается в рай. Если нет, то ей придется снова и неоднократно (но не более трех раз) возвращаться обратно в человеческое тело, пока она не сумеет стать просветленной и чистой. Странствие души (*gilgul*) может быть доведено до минимума, если человек много страдает.

Допущением эн-софа и его идеальных потенций (сефирот), посредствующих между богом и материальным миром, учением о предсуществовании и странствовании души и о магическом воздействии молитв на

поведение бога каббала укрепила религиозную идеологию Талмуда и духовный гнет клерикалов.

До сих пор речь шла о так называемой теоретической каббале. А что собою представляет практическая каббала? О ней ярко рассказывает один из талантливых представителей еврейского просветительства в России XIX в. А. Готлобер.

Юношей, рассказывает он, ему захотелось узнать все тайны так называемой практической каббалы. Для этого он достал и внимательно прочитал книгу фанатика Якова из Межерича под названием «Врата рая». С того момента он жадно глотал любую каббалистическую книгу. Но ему мало было только знания каббалы. Появилось желание показывать чудеса: загребать голыми руками жар и не обжечься, цедить водку и пиво из стен, пробежать за несколько минут такое расстояние, которое лошадь покрывает рысью в течение дня, вырывать замки и дворцы и с помощью ветра переносить их в другие города, чтобы заставить их обитателей повиноваться воле каббалиста.

Поэтому юноша очень обрадовался, когда узнал, что его меламед занимается практической каббалой: «Он казался ангелом божьим, сниспосланным с небес для указания верного пути. Правда, у меня, говорит Готлобер, возник трудноразрешимый вопрос: среди ангелов, которые ведают небесными и земными делами, числится ангел по делам питейным, так почему же мой меламед Ицхок не сделал так, чтобы этот ангел ему всегда приносил лучшие вина и освободил его от необходимости покупать водку за наличные? Видимо, рабби Ицхок не знал этого ангела?»

Единственный человек, которому Готлобер открыл свои каббалистические познания, был его друг Яков-Иосиф. Он уже был женат, воспитан, как и Готлобер,

в глупейших предрассудках, из-за лени и беспечности молился с утра до полудня, а после молитвы читал вслух Талмуд и «Зогар», не понимая ни единого слова. Яков-Иосиф очень обрадовался, узнав тайну Готлобера, и они вместе стали готовиться к проверке каббалистики, к совершению при ее помощи чудес.

В то время в г. Чернихове пребывал раввин Лейбуш Раппопорт из Радомышля. Когда он возвращался на родину, многие «из нашего города,— говорит Готлобер,— решили его провожать, наняв для этой цели подводы. Мы же с товарищем решили участвовать в проходах раввина при помощи каббалы. Навесив на себя талисманы, на которых были начертаны слова, позаимствованные из каббалы и якобы имеющие силу сокращать путь, я с Яковом-Иосифом пробежал за каретой раввина верст двадцать пять. Под вечер мы, изнуренные, добрались до синагоги и налетели на маленького мальчика, который сидел у входа в синагогу. Наши тяжеловесные талисманы пробили ему голову, и только тогда мы осознали свое глупое поведение и положение. Нас охватил ужас, и мы застыли от стыда и боли.

После случившегося я долго безвыходно сидел дома. Ни единого шага не смог сделать, так как ноги у меня сильно опухли»¹.

Бешт, будучи страстным поклонником практической каббалы, творил «чудеса» и этим пленил легковерные сердца. В своих же богословских проповедях он ссыался на каббалу, на ее вероопределения.

Краеугольным камнем бештианства служит принцип абсолютного всебожия и непрерывности мировоззрения. Вне и кроме бога нет ничего. «Деятельное,

¹ Цит. по кн. А. Фридкин. А. Готлобер и его эпоха, стр. 54—55.

творческое начало,— говорит Бешт,— всегда скрыто в деянии, в творении. Мир во всем своем разнообразии создан как бы из самого бога и вместе с тем неотделим от него, подобно тому, как складка в платье сделана из самого платья и в нем остается. Мир из бога и в боге»¹.

Природа, учит Бешт, является излучением бога, эманацией его потенций. В отличие от Талмуда, делившего вселенную на два царства, на небесное, в котором действуют бог и его сподручные, и земное, отведенное исключительно для человека, Бешт говорит, что природа есть воплощение бога, а бог вечно и непрерывно наполняет собою всю вселенную. Мир и бог едины. Гармония вселенной — в ее единстве со своим создателем. «Поэтому,— поучает Бешт,— человек должен всегда думать о боге, ибо им заполнена природа, ибо он царь всех земных тварей и может ежесекундно делать то, что ему захочется»².

Раз сущее в мире полно творцом, то и человек, его действия и поступки являются мыслями самого бога. Индивид может приблизиться к богу, если верно ему служит. А служить он может молитвой, проповедует Бешт.

Молитве Бешт придает первостепенное значение. Согласно его учению, она является самым могущественным орудием влияния человека на божество и через него на весь мир. Но молитва может оказывать такое влияние, если она будет непосредственным влиянием души, восторженным порывом к небу, слиянием человеческой души с мировым духом, с богом. И в этом сущность веры и задачи религиозного чело-

¹ «Критика иудейской религии», стр. 369.

² М. Майер. Рабби Израиль Бешт. Лондон, 1942, стр. 93 (на яз. идиш).

века. «Все, чего я достиг,— говорит Бешт,— я достиг не путем изучения Торы, а благодаря молитве». Важно не столько содержание изучаемого предмета, сколько чувства и вдохновение, возбуждаемые верой. «Во время учения надобно быть в восторженном настроении и читать вслух, громко, из всей силы; надобно слиться воедино с изучаемым предметом, со священными знаками, буквами, словами, и возноситься с ними к источнику ума и познания». С этой точки зрения не столь важно, если не понимаешь содержания читаемого, лишь бы чтение сопровождалось экзальтацией. «Так дитя, горячо любимое отцом, даже своей болтовней и неясным говором доставляет ему удовольствие и побуждает его исполнять все свои желания»¹.

Преданность богу, учил основатель хасидизма, должна быть беспредельной, восторженной, шумной и экзальтированной. Потому он требовал от своих последователей искусственного возбуждения во время молитв, доведения себя до состояния полного забвения и отрешения от суетного и земного. «Тот,— говорил Бешт,— кто смеется над такими странными телодвижениями, поступает точно так же, как тот, который, видя человека тонущего и борющегося с волнами, смеялся бы над дикими телодвижениями, криками, воздеванием рук несчастного. Ведь и молящийся, совершая подобные движения, отмахивается от воли нечистой стихии и земной суеты, окружающих его и мешающих сосредоточиться на молитве»². Приверженцы Бешта, следуя его советам, во время экстатической молитвы уподоблялись турецким дервишам или шаманам.

¹ «Критика иудейской религии», стр. 372—373.

² Там же, стр. 373.

Важнейшим элементом хасидизма является его этика. Обострение классовой борьбы внутри еврейских общин в годы зарождения бештианства выдвинуло на первый план вопросы о том, что есть справедливость, где источник социального зла, почему угнетение, злодеяние, надругательство над личностью не наказываются? Бешт с помощью каббалистической идеи всебожия пытался увести верующих от этих вопросов: «Нет безусловного зла, ибо зло есть также добро, только оно низшая ступень совершенного добра. Добро и зло не в боге, а в человеческих поступках, когда зло причиняет добро, оно служит последнему как бы фундаментом и, таким образом, само становится добром»¹. Каббалистическая интерпретация категорий морали прежде всего защищает бога. Он, мол, не повинен в том, что социальное неравенство и несправедливость имеют место на земле. Но как это возможно, если во всем, по вероучению Бешта, «закключаются божественные искры, даже в деревьях и камнях, во всех делах, совершаемых людьми»². Почему социальное зло составляет исключение? Здесь в бештианстве — непримиримое противоречие, которое не ликвидируешь никакими богословскими разглагольствованиями, никакой казуистикой.

Но главное в другом. Утверждая, что зло является низшей ступенью добра, Бешт, по существу, отвлекает людей от необходимости борьбы за переустройство мира, устраняет их от действий, направленных против социальной несправедливости. Когда у Бешта, рассказывают с умилением современные защитники хасидизма, спросили, почему верующим евреям хуже живется, чем неверующим, он на это ответил: «Мы, бедные лю-

¹ «Критика иудейской религии», стр. 370.

² Там же.

ди, молимся три раза в день и, стало быть, трижды на день вступаем в связь с богом, а эту связь мы ставим выше всякой чести и любого богатства»¹.

Зло, по мнению Бешта, находит свое выражение в грехе. Но грех — вещь поправимая. Покаяние и молитва превращают грех в добродетель. Даже в грехах, поучает чудотворец, «есть искры божьи, только искры тлеющие, тусклые, которые, однако, могут опять воспламениться и вознестись ввысь через покаяние»².

Бешт является противником аскетизма. Даже раскаявшийся нечестивец не должен печалиться о прошлом. Все и всегда должны пребывать в радости и думать, что бог находится всегда с ними и охраняет их. Лучше, говорил Бешт, служить богу без постов³, ибо они причиняют печаль. «Тот, кто предписывает людям пост и истязание плоти,— проповедовал чудодей,— порождает в них печаль и заставляет их мрачно смотреть на мир и на своих ближних, которые не могут все же быть отшельниками и жертвовать земною жизнью ради небесной. Тот же, кто предлагает людям служить богу радостью, без самомучения, вселяет в них отрадный взгляд на жизнь и людей. Склоняет их прощать ближнему даже нехорошие поступки и таким образом возбуждает добрые чувства в людях, убеждая их, что бог — во всем, даже в мелочах»⁴.

Развивая каббалистические взгляды о месте человека во вселенной, Бешт говорит: «Человек — как бы

¹ М. Майер. Рабби Израиль Бешт, стр. 109.

² «Критика иудейской религии», стр. 370.

³ Пост и покаяние считались основой религиозно-иудаистской практики. За малейший проступок налагались самые строгие эпитимии. Например, за питье нееврейского вина налагалось 73 поста, за гнев 150, за нарушение полового целомудрия 84 поста и т. д.

⁴ «Венец доброго имени», ч. II. Жолкиев, 1795, стр. 6.

лестница, вершиной своей упирающаяся в небо». Один из горячих поклонников чудотворца, Соломон из Луцка, в 1781 г. издал книгу под названием «Возвращающий слова свои Якову», в которой от имени «учителя благочестия» писал: человек есть венец творения, главная цель бога. Ради человека бог добровольно ограничил себя, сосредоточился в конечных вещах, при помощи которых он приблизился к человеку. Отсюда вывод: человек должен отказаться от всего телесного, вознестись к богу и достигнуть общения с ним, граничащего с самозабвением.

Не все люди, утверждает Бешт, способны на такое самозабвение. Однако это не беда. Кто не в состоянии сам спастись, ему поможет глава хасидской паствы, ее цадик — праведный заступник перед богом Яхве. Цадик находится в постоянном общении с богом, ему открыта «книга судеб», он чудотворец и ясновидец, и паства обязана перед ним благоговеть. У простых людей, гласит хасидская проповедь, явно недостает благочестия. Этим качеством обладают праведники — любимцы неба, через которых Яхве изливает свои щедрые дары на грешную землю.

Култ цадика получил свое дальнейшее развитие в учении Бера из Межерича (1710—1772), который возглавлял хасидскую паству после смерти Бешта. Замкнутый и суровый, Бер редко показывался на людях. Паломники могли видеть его только по религиозным праздникам, ловить на лету брошенное слово и получить «искупление грехов». Соломон Маймон¹ юношей увлекся хасидизмом и однажды присутствовал на тор-

¹ Маймон Соломон (1754—1800) — философ-идеалист, один из первых критиков учения Канта о «вещи в себе» и зачинатель буржуазного просветительства среди евреев.

жественном пиру у Бера. Маймон нашел там большое собрание лиц, прибывших с разных концов Подолии и Волыни. Долго ждали появления проповедника. Наконец он предстал перед своими поклонниками, одетый в белый атлас. У каббалистов белый цвет означает милость. Даже башмаки Бера, отмечает Маймон, и табакерка были белого цвета. Сели за стол, но во время обеда царствовала торжественная тишина. «После обеда верховный глава запел торжественную мелодию, держа некоторое время руку у лба, и потом стал вызывать всех новоприбывших по их имени и местожительству, чему мы немало удивились... Но,— пишет Маймон,— в скором времени мое высокое мнение о верховном главе и всем обществе вообще стало значительно ослабевать. Я заметил, что их так называемые чудеса объясняются довольно легко. При помощи корреспонденции, шпионов... они сумели узнавать тайны своих посетителей, чем они приобрели у этих неразвитых людей славу пророков»¹.

Маймон был крайне возмущен цинизмом и жестокостью как самого Бера, так и его последователей. «Мы,— рассказывает философ,— собрались в доме верховного главы в час молитвы. Один из нас пришел несколько позднее, другие спросили его о причине замедления. Он ответил, что жена его в эту ночь родила дочку. Когда они услышали это, они с шумом и иступлением стали поздравлять его. Верховный глава вышел из своего кабинета и спросил о причине шума. Ему ответили, что поздравляют человека, жена которого родила дочку. «Дочку,— воскликнул он с негодованием,— он должен быть высечен»².

¹ «Еврейская библиотека», т. II. Спб., 1872, стр. 270—271.

² В иудаизме, как и в других религиях, женщина считается существом «второго сорта».

Несчастный протестовал против этого: он не мог понять, почему он должен страдать за то, что жена его родила дочь. Но ничего не помогло. Его схватили, положили на порог и крепко посекали. Все, кроме высеченного, пришли от этого в веселое расположение духа, причем верховный глава призвал их к молитве: «Ну, братья, служите богу с радостью».

Говоря о приверженцах Бера, Маймон пишет, что, желая показать себя «настоящими умниками», они нарушали всякие законы приличия, голые бегали по улице, а проповеди свои наполняли всевозможным непонятным вздором.

Как и Бешт, межеричский вожак «благочестивых» не оставил после себя никаких произведений. Его вероучение известно по записям его проповедей. Повторяя учение каббалы и Бешта, он особое внимание уделил цадикизму. Бер не жалел красок, чтобы всячески возвеличить цадика. «Разум сосредоточен в праведниках»,— гласит его изречение. «Цадики желают управлять миром,— говорил он,— поэтому господь и создал мир для того, чтобы цадики имели удовольствие от управления им». Творение земли и неба Бер рассматривает как акт, обратный творчеству цадика: бог из ничего создал материальный мир, цадик же извлекает «искры» из грубых материальных тел и возносит к их источнику, т. е. из всего делает ничто. «Всякое изливание жизненности из высших сфер в низшие совершается посредством цадика». «Цадик объединяет небо и землю, он есть основа мира». Таковы любимые изречения Бера. Внушая полную непогрешимость цадика, Бер сблизил иудаизм с католицизмом. Догматы Бешта Бер превратил в более отвлеченные и спекулятивные, потому он и не возражает против изучения Талмуда.

Бер пытался сочетать поучения раввинизма с практикой хасидизма. «А этой практикой был культ непогрешимого цадика, который так же неограниченно властвовал над толпой, как и раввин, с той только разницей, что второй прибегал к «кнуту», а первый — к «прянику». А мелочную обрядность, против которой ополчался Бешт, его преемник заменил особенным церемониалом, связанным с культом праведника»¹.

Цадики рассказывали о себе невероятные небылицы. Они внушали своей пастве, что бог руководит миром не по собственному волеизъявлению, а по совету цадика. Если вы будете меня слушать, повторял в своих проповедях цадик, то вам, смиренные и покорные, будет хорошо на земле и в небесах, отвернетесь от меня, покинет вас счастье и благодать. Праведник Элимелех из Лезны говорил: «Сын цадика свят уже в утробе матери, потому что она зачала от мужа, который в своих божественных мыслях предопределил рождение ребенка. Сына цадика следует поэтому называть божьим сыном». Другой «учитель благочестия» говорил, что праведник отличается от всех других людей не только своей особой духовной организацией, но и утонченностью своей физиологии. Не случайно цадик находится ближе к источнику эманации, чем обыкновенный смертный. Цадик — полубог, получеловек.

Праведники плодили рассказы и о кладах с золотом, открываемых при помощи чудес, о странствующих старцах, занимающихся благотворительностью в пользу бедных и убогих, вдов и сирот. Своими сказками они отвлекали трудящихся от

¹ «Критика иудейской религии», стр. 376—377.

революционных форм борьбы за создание такого общества, которое действительно не будет знать никаких социальных различий между людьми.

Цадик стал идиолом приверженцев хасидизма. Они обращались к нему со своими нуждами и невзгодами, и он всегда «советовал», как им поступить в каждом отдельном случае. Цадик сознавал всю важность своих услуг и ничего не давал даром. Слова Библии «не узрите лица божьего с пустыми руками» строго соблюдались праведником-чудотворцем. Цадик пользовался неограниченной властью над умами, сердцами и карманами паствы.

В течение XIX в. цадики заплотнили всю Польшу и Украину. Хасидизм разветвился в многочисленных династиях цадиков. Изучая формы организации этих династий, И. Г. Оршанский верно подметил, что цадикизм нашел для себя готовые формы организации в лице католического духовенства.

Култ цадика занимает первое место в хасидизме. Жизнь цадика разукрашивается вымыслами и легендами. Его деяния связываются с мистической каббалой. По учению каббалы, человек есть сосуд зла, пороков и нечистоты, а потому он должен постоянно обращаться к «безгрешным праведникам», лишенным «телесного начала» и способным легко общаться с богом и влиять на его решения.

Хасидизм стал крайне реакционным фанатическим течением иудаизма. Цадики, так же как и раввины, с фанатичной ненавистью относились к малейшему проникновению знаний в среду народных масс, к революционной борьбе трудящихся за новый мир и социальную справедливость.

ЕВРЕЙСКОЕ СВОБОДОМЫСЛИЕ

Возникновение иудейской религии восходит к тем временам, когда человек только начал свой дерзновенный и величественный путь познания окружающего его мира. Гнет внешних сил природы вызывал ложные представления об объективном мире и его явлениях, а бессилие человека в отношении природы вызывало страх, тоску и уныние. Однако в человеческом коллективе глубокой древности имели место радость и празднества в честь удачной охоты, богатого улова рыбы, обильно собранных плодов. Одновременно с превратными понятиями уже в родовом строе складываются наивные, но реалистические воззрения на окружающую человека природу.

С развитием производительных сил и возникновением классов возрастала потребность в приобретении знаний, утверждающих власть и силу человека над природой. На основе общественной и производственной практики складывалась наука. Весьма эмпирические знания стали главным источником свобододо-

мыслия и наивного материализма. Борьба науки против веры приобретала все более и более острую форму. Наряду с религией в жизни общества важную роль стало играть вольнодумство.

Выше мы говорили о догматах иудаизма, о том, как в далекой древности густая пелена фантастических представлений окутала разум и волю еврейских народных масс. Было бы, однако, неверным думать, что сквозь религиозный туман никогда не прорывались лучи света материалистического миропонимания. Наоборот, факты показывают, что религиозные представления, основанные на слепой вере, были уже в древности подвергнуты рационалистической критике, зиждущейся на живых материалистических философских принципах.

В своем кратком изложении содержания рационалистической критики иудаизма мы будем придерживаться предмета критики, иногда отступая от строгой хронологии.

КРИТИКИ ДОГМАТОВ И КУЛЬТА

Как ни старались редакторы Ветхого завета придать ему исключительно благочестивый вид, все же в нем сохранились следы вольнодумства. Так, например, в Псалтыре (Псалом, XIV, 1) прямо написано: «Сказал безумец в сердце своем: «Нет бога»».

В рассказе о восстании Кораха против Моисея и Аарона (Числа, XVI) явно выражено недовольство древнееврейских крестьян засильем жречества. В талмудической литературе прямо сказано, что Корах возмутился попыткой Моисея регламентировать жизнь евреев многочисленными религиозными

предписаниями. В Экклезиасте и в книге Иова выражены богоборческие настроения и высказаны серьезные возражения против догмата бессмертия души. Некоторые изречения Ветхого завета высоко ставят знание: «Блажен человек, нашедший мудрость, и человек, приобретший разум» (Притчи, III, 13). Некоторые афоризмы воспевают познание, ибо закон разумного — источник жизни. Характерно, что лозунги, защищающие разум, провозглашали не в храмах, а на улице и площадях. «В главных местах собраний, при входах в городские ворота» мудрость держит свою речь: «Доколе, глупые, будете любить глупость и кошуну будут услаждаться кошунством своим, и безумные будут ненавидеть знание?» (Притчи, I, 22). Не случайно даже сами талмудисты высказывались против богооткровенности некоторых книг Ветхого завета. Так, например, в трактате Мегила рабби Самуил бар Иегуда утверждал, что книга Эсфирь написана без содействия свыше, а талмудист Реш-Лакиш категорически заявил: «Никакого Иова никогда не было». Талмуд также сообщает, что мудрецами было принято решение об изъятии из обращения книги Иезекииля, так как она не может считаться канонической. Хотели исключить из канона и «Притчи Соломоновы», ибо они содержат «много противоречий». В Талмуде сохранилось опровержение авторского права Давида на все псалмы.

Как известно, иудейские и христианские богословы особое значение придают Пятикнижию. Они не перестают распространять легенду о том, будто Пятикнижие продиктовано богом Яхве непосредственно «рабу господнему» Моисею. Эту легенду старательно поддерживают некоторые современные израиль-

ские историки. Профессор Ш. Айзенштадт, например, утверждает, что Моисей является автором ветхозаветного законодательства, десяти заповедей и многих пророчеств. Профессор заявляет: «Бесспорно права многовековая традиция, характеризующая Моисея, руководителя народного освобождения и народного законодателя, как «князя пророков», как основоположника пророческого движения»¹.

Ссылаясь на «многовековую традицию», Айзенштадт имеет в виду церковное учение. Однако в истории общественной мысли существует другая многовековая традиция. Она связана с рационалистической библейской критикой, с еврейским вольномыслием, со стремлением раскрыть земное содержание Танаха. Уже отдельные талмудисты наталкивались на противоречия, сохранившиеся в Пятикнижии. Так, например, они отметили, что по рассказу Исхода (XIX, 20) Яхве во время синайского откровения опустился на вершину горы, а по сведениям Второзакония (IV, 36) он говорил с неба; по книге Чисел Аарон умер на горе Гор, по Второзаконию — в Мосере и т. д. и т. п. Бесспорно, что кое-кто из талмудистов смутно чувствовал, что вера в единство Пятикнижия и Библии вообще несовместима с правильным пониманием ее текста. Однако, скованные авторитетом синагоги, они облекали свои сомнения чаще всего в неясную форму вопроса или высказывали общие положения, расплывчатый характер которых скрывал их расхождение с традицией.

Среди талмудистов были откровенные представители атеистической мысли. К ним принадлежит Эли-

¹ Ш. Айзенштадт. Пророки, их время и общественные идеи. Тель-Авив, 1964, стр. 19 (на яз. идиш).

ша бен Абуя, живший во II в. н. э. и поднявший свой голос протеста против святости Торы. Законоучители прозвали его Ахером (отверженным), вероотступником за то, что он отвергал Мишну и разделял взгляды греческих философов-материалистов. Из рассказов, сохранившихся в Талмуде, известно, что Ахер имел последователей, которые, как и он, отвернулись от иудейской религии. В течение первых веков новой эры, по свидетельству еврейских историков, было немало людей, отвергавших богооткровенность Ветхого завета и Талмуда.

Выдающимся критиком догмата богооткровенности Торы был вольнодумец Хиви Габалки, деятельность которого падает на конец VIII — начало IX в. Разделяя взгляды Элиши бен Абуя, Хиви выдвинул свои собственные возражения против учения синагоги о небесном происхождении Торы. В своем призыве, содержащем 200 тезисов, Хиви говорил: «Люди перестают придерживаться этой книги (Торы), ибо мотивировка заповедей не указана в ней». Люди доходят до мысли, что есть в ней фантазия, т. е. ложь. Судя по рассказам, сын может быть старше своего отца на два года: Иорам сын Иосафата жил сорок лет (II Хроник, XXI, 20), а Охозия сын Иорама воцарился вместо умершего отца, когда ему было сорок два года (II Хроник, XXII, 2). В критических своих тезисах Хиви объясняет естественным ходом вещей чудеса, совершенные Моисеем. «Чудеса на Черном море, — писал он, — объясняются приливом и отливом». Ветхозаветный рассказ о том, что лицо Моисея сияло лучами от того, «что бог говорил с ним» (Исход, XXXIV, 29), Хиви высмеивает. Лицо Моисея, писал вольнодумец, сияло по причине продолжительного поста.

Выдающимся продолжателем рационалистической критики Библии был средневековый еврейский поэт и философ Авраам бен Меир Ибн Эзра (1092—1167). Он оставил после себя свыше ста произведений. Во многих из них преобладает свободомыслие. В своих комментариях к Пятикнижию Ибн Эзра доказывал, что Моисей не мог быть его автором. Тонкий знаток Библии, Ибн Эзра обратил внимание на то, что Второзаконие, по учению раввинов, содержит слова, которые «говорил Моисей за Иорданом в пустыне». Однако Ветхий завет утверждает, что Моисей умер до того, как евреи прошли через Иордан и завоевали ханаанскую землю. Как же согласовать это противоречие?

«За Иорданом,— писал Ибн Эзра,— лишь только уразумеешь тайну двенадцати, а также и написал Моисей этот закон, и хаанеи жили тогда в этой земле, на горе божьей будет открыто, потом также вот постель его — постель железная, тогда уразумеешь истину». В этой темной формуле ясно одно: намёками на библейские тексты Ибн Эзра выводит важную истину. А именно: Пятикнижие написано не Моисеем. Формула расшифровывается следующим образом:

Первое. «За Иорданом». Второзаконие прямо говорит, что Моисей проповедовал за Иорданом. Мог эти слова написать Моисей? Конечно, нет. Ведь, по утверждению самого Ветхого завета, Моисей остался по ту сторону Иордана, следовательно, не он автор пяти книг Торы.

Второе. «Лишь тогда уразумеешь тайну двенадцати». Эти слова Ибн Эзры намекают на сообщение Танаха (Второзаконие, XXVII, 8; Иисус Навин, VIII, 32) о том, что Моисей написал «слова закона» на камнях. По утверждению раввинов, на двенадцати

камнях Моисей записал Тору. Могли 6000 стихов Пятикнижия разместиться на 12 камнях? Выходит, Тора значительно меньше по объему, чем Пятикнижие.

Третье. «И написал Моисей этот закон» (Второзаконие, XXXI, 9). Кто-то мог об этом сказать, но не сам Моисей. Эти слова не ему принадлежат.

Четвертое. «Хаанеи жили тогда в этой земле» (Бытие, XII, 6). Слова эти могли быть написаны в то время, когда Палестина уже была завоевана евреями, т. е. тогда, когда Моисея, по свидетельству Ветхого завета, уже не было в живых.

Пятое. «На горе божьей будет открыто». Речь идет о горе Мория (Бытие, XXII). Она могла называться божьей горой после того, как на ней был построен храм, стало быть, много веков спустя после смерти Моисея.

Шестое. «Вот постель его — постель железная». Во Второзаконии сказано, что железная постель принадлежит Огу, царю Васанскому, жившему в Рабате. Но Рабат был завоеван во времена царя Давида (II книга Самуила, XII); и только тогда была найдена постель Оги. Опять-таки выходит, что рассказ Второзакония о постели не мог быть написан Моисеем.

Общий вывод Ибн Эзры совершенно ясен: Моисей не является автором Пятикнижия. Философ XII в. подкрепляет свое открытие еще одним важным соображением. Читателей Торы он просит обратить внимание на главу тридцать четвертую Второзакония, в которой описана смерть Моисея. Мог ли автор книги описать в ней свою собственную смерть и связанную с ней скорбь народа? И торжествующий Ибн Эзра с усмешкой отвечает: «Понимающий да молчит!» Проницательный и рассудительный Ибн Эзра смело

исследовал Танах, отвергая мистику и сверхразумность его происхождения.

Опираясь на труды Ибн Эзры, великий философ XVII в. Бенедикт Спиноза (1632—1677) решительно опроверг религиозную «многовековую традицию» о боговдохновенности Библии. Он доказал, что Моисей не мог быть автором Пятикнижия, или Торы. Свои неопровержимые доводы он свел к трем:

1. Пятикнижие почти всегда говорит о Моисее в третьем лице (Моисей — муж божественный, бог разговаривал с Моисеем лицом к лицу, Моисей из всех людей был самый кроткий и т. п.).

2. Пятикнижие повествует о смерти Моисея. «И умер,— написано во Второзаконии,— там Моисей, раб господень, в земле Моавитской, по слову господню... Моисею было сто двадцать лет, когда он умер... И оплакивали Моисея сыны Израилевы на равнинах Моавитских тридцать дней».

3. Пятикнижие содержит рассказы о событиях, происшедших после смерти Моисея.

Какой человек пишет о себе в третьем лице, в состоянии описать свою собственную смерть, отношение к ней окружающих, события, происшедшие после своей кончины? Разве не понятно, что об этом пишет кто-то другой, очевидец смерти и последующих за ней событий... Следовательно, говорит Спиноза, необоснованно и совершенно противно разуму утверждение, будто Моисей автор Торы. Наоборот, из всего этого яснее дневного света видно, что Пятикнижие было написано не Моисеем, но другим, кто жил много веков спустя после Моисея.

Источником откровения Моисея и других пророков является, по Ветхому завету, бог. Приведя слова ветхозаветной книги «Числа» (XII, 6): «Если бывает у

вас пророк господень, то я открываюсь ему в видении, во сне говорю с ним», Спиноза заключает: «Стало быть, коль скоро пророки воспринимали божественные откровения при помощи воображения, то они, несомненно, могли воспринимать многое, что находится вне границ разума»¹. Иначе говоря, пророчество, по свидетельству самого Ветхого завета, есть плод воображения. А вообразить можно все, что угодно. Пророчество не имеет никаких твердых оснований и принципов. Пророчество поэтому не может само по себе содержать в себе достоверности. А потому даже сами пророки, замечает Спиноза, уверялись «в откровение бога не посредством самого откровения, а посредством некоторого знамения»². Например, Гедеон так говорит богу: «...покажи мне знамение, что ты говоришь со мною» (Судьи, VI, 17).

Спиноза считал, что библейские пророки сами не знали причин своего пророчества. Они обладали даром воображения, а не способностью познания действительных причин и законов развития общества. Пророчество и откровение, приходит к выводу Спиноза, — дело «весьма сомнительное», оно противоречит разуму и ничего общего с научным познанием природы не имеет. А упомянутый профессор Айзенштадт, модернизируя содержание ветхозаветного пророчества, уверяет своих читателей, будто пророк «с социальной точки зрения» был «по сути активным, духовным вожакom народной массы своей страны и своего времени»³, будто он был выразителем «многолетней революционной

¹ Б. Спиноза. Избранные произведения, т. II. М., 1957, стр. 31.

² Там же, стр. 33.

³ Ш. Айзенштадт. Пророки, их время и общественные идеи, стр. 31.

традиции»¹. Стремясь возвысить пророков, Айзенштадт предпринял попытку сблизить их проповеди с марксизмом. «Пророческое движение,— пишет он,— разумеется, еще не осознало диалектически и ясно законы общественного развития, которые должны привести к коренным изменениям в человеческих отношениях. Как все последующие утописты, пророк осознает события своего времени этически и эмпирически, подход его к этим событиям характеризуется ясным и возвышенным чувством, и в итоге он приходит к тем же выводам, к которым гораздо позже пришли сторонники диалектического и исторического материализма»².

Насколько философ XVII в. был выше новейших «социалистических» толкователей Ветхого завета, видно хотя бы из того, что Спиноза выдвинул исторический метод познания Библии и сформулировал несколько важнейших положений, послуживших началом научной критики Библии.

Во-первых, необходимо выяснить природу и свойство языка, на котором та или иная книга Библии была написана. А так как, пишет Спиноза, все писатели как Ветхого, так и Нового завета были евреями, то несомненно, что история еврейского языка прежде всего необходима для понимания книг Библии.

Во-вторых, необходимо отыскать существенные литературные особенности, которые объединяют и связывают все книги Библии в одно целое.

В-третьих, надо выяснить жизнь, характер и занятие автора каждой книги, входящей в состав Библии. Кто он был, по какому случаю, в какое время он

¹ III. Айзенштадт. Пророки, их время и общественные идеи, стр. 32.

² Там же, стр. 35.

писал. Надо показать, в чьи руки попала каждая книга, кто, почему и как ее правил, сколько разночтений было, по чьему решению она была принята в число «священных».

Спиноза, таким образом, стремился раскрыть земное происхождение и содержание Библии. Как могла Библия — книга, т. е. обычное творение рук человеческих, спрашивает Спиноза, стать фетишем, господствовать над умами и заставлять людей раболепствовать перед каждым ее словом? Только богословский предрассудок, отвечает он, мог превратить Библию — памятник древней письменности, составленный из мифов, сказок, легенд, вымышленных пророчеств и чудес, — в священное писание, в боговдохновенное слово. «Чтобы выпутаться из этих неурядиц и освободить ум от теологических предрассудков и легкомысленно не принимать выдумок людей за божественные правила, мы должны, — говорит Спиноза, — повести речь об истинном методе толкования Писания и обсудить его»¹.

В чем заключается сущность этого метода? Философ считает, что метод изучения Библии ничем не должен отличаться от метода изучения природы. Метод истолкования природы состоит главным образом в том, что мы, по мнению Спинозы, «излагаем собственно историю природы, из которой, как из известных данных, мы выводим определения естественных вещей». Точно так же для истолкования Библии необходимо, по мнению Спинозы, «начертать ее правдивую историю и из нее, как из известных данных и принципов, заключать при помощи законных выводов о мысли авторов Писания»².

¹ Б. Спиноза. Избранные произведения, т. II, стр. 105.

² Там же.

Спиноза с огорчением констатирует, что, хотя эта история в высшей степени необходима, древние люди не радели о ней. И то немногое, касающееся истории Библии, что потомки получили или нашли, они передали своим преемникам, недобросовестно извращая ее сущность всякими надуманными исправлениями и добавлениями. «К этим бедам,— пишет Спиноза,— присоединяется суеверие, учашее людей презирать разум и природу и чтить и удивляться только тому, что противоречит тому и другому. Поэтому неудивительно, что люди, дабы больше удивляться Писанию и почитать его, стараются так его объяснить, чтоб оно казалось как можно больше противоречащим им, т. е. разуму и природе, поэтому им снится, что в священных письменах скрываются глубочайшие тайны; и они упражняются в отыскивании их, т. е. нелепостей, пренебрегая прочим полезным. И все, что только они придумают, безумствуя таким образом,— все это они приписывают святому духу и со всей силой и напором страсти стараются защитить»¹. Что же тогда может служить основанием для познания Библии? И Спиноза отвечает: все познание писания надо заимствовать из него самого.

Теологи, которые в законах развития природы усматривают перст божий, а в Библии — слово божье, «озабочены тем, как бы им свои выдумки и мнения вымучить из священных писмен и подкрепить божественным авторитетом»². Этой богословской проповеди Спиноза противопоставляет свой исторический, вернее, рационалистический метод. Исторический подход помог Спинозе взяться за критическое чтение Библии

¹ Б. Спиноза. Избранные произведения, т. II, стр. 106.

² Там же, стр. 104.

по существу с позиций атеизма. С гениальной прозорливостью он проник в содержание книг «священного писания» и открыто направил свою критику Библии против тех талмудистов, которые утверждали, что поскольку Библия — книга богооткровения и труднопонижаемая, то для ее толкования «естественный свет» (разум) не годится, ее содержание можно раскрыть только при помощи «сверхъестественного света». Ложность такой проповеди ясна, пишет Спиноза, «уже из нашего доказательства», а именно: «трудность толкования Писания произошла отнюдь не вследствие недостатка сил естественного света, но только вследствие беспечности (чтобы не сказать злобности) людей, которые пренебрегли историей Писания, между тем как они могли ее начертать»¹.

Воссоздавая историю библейских книг, философ пришел к важному и верному выводу о том, что священные книги были написаны не одним-единственным человеком и не для народа одной эпохи, но многими мужами различного таланта и жившими в разные века. Если бы мы пожелали сосчитать время, захватываемое всеми ими, то получилось бы почти две тысячи лет, а может быть, и гораздо больше².

Важнейшее значение критики Библии Спинозой заключалось в том, что он освободил Ветхий завет от того «табу», которым иудейские и христианские богословы веками охраняли догмат о его богооткровенности. Свободное рассмотрение вопроса о происхождении и содержании библейских книг послужило основой научной критики Библии.

В истории еврейского вольномыслия большое место

¹ Б. Спиноза. Избранные произведения, т. 11, стр. 121.

² Там же, стр. 186.

занимает критика идеи бога. Хиви Габалки один из первых, который дошел до отрицания бога Яхве. Пользуясь цитатами из Ветхого завета, вольнодумец IX в. свои возражения против монотеистической доктрины иудаизма сгруппировал по следующим атрибутам:

I. Бог несправедлив

1. Он принял дар Авеля и без всякого основания отверг дар Каина (Бытие, IV, 3—5).

2. В дни потопа бог без всякой причины наказал животных (Бытие, VII, 4 и 21—23).

3. Он запретил израильтянам вступать в брачные отношения с моавитянами и аммонитянами, хотя сам бог вынудил дочерей Лота вступать в половую связь с отцом своим (Бытие, XIX, 31—38).

4. Он спас Ноя от потопа, а ведь Ной был не лучше своих современников. В Бытии (IX, 21) сказано, что Ной был пьяницей.

5. Бог уничтожил Содом и Гоморру, а они не были хуже других городов.

II. Бог жесток

6. Он послал внуков патриарха Авраама в Египет для того, чтобы они терпели горе без всякой причины.

7. Бог мог сделать жизнь человеческую счастливой, но не сделал этого. Жизнь человека полна мук.

8. Почему он не сотворил человека праведным и добрым, лишенным возможности грешить?

III. Бог не всезнающий и не в состоянии предугадать будущее

9. Он не знал, что Авель убит (Бытие, IV, 9).

10. Бог не предвидел, что люди отвернутся от него и начнут грешить. Тора рассказывает: «И раскаялся господь, что создал человека на земле, и восскорбел в сердце своем» (Бытие, VI, 6).

11. Он испытал Авраама. В книге Бытие (XXII, 1—2) сказано: «Бог испытал Авраама и сказал ему: «...возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь, Исаака; и поди в землю Мориа и принеси его там во всесожжение на одной из гор, о которой скажу тебе». Следовательно, бог заранее не знал, каково будет поведение Авраама, поддастся ли он искушению или нет.

IV. Бог не всемогущий

12. Он боялся Адама. Когда Адам в нарушение заповеди поел плоды с дерева познания добра и зла, то бог страшно обеспокоился и сказал: «А теперь, может быть, он (Адам.— М. Б.) прострет руку свою, и возьмет также от дерева жизни, и вкусит, и станет жить вечно» (Бытие, III, 22).

13. И прогнал бог Адама и Еву из сада Едемского, а у ворот его поставил херувима «и пламенный меч, обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни» (Бытие, III, 24). Если бы бог был всемогущ, разве он принял бы такие меры? Он смог бы отшибить память у Адама и Евы, и они забыли бы, что жили в саду Едемском, и не искали бы туда пути.

14. Бог боялся людей, строивших вавилонскую башню, которая должна была достигнуть неба (Бытие, XI, 6).

15. Чтобы изменить судьбу Авраама, бог вынужден был называть его не Авраомом, а Авраамом (Бытие, XVII, 5). Выходит, что судьба сильнее бога.

V. Бог часто меняет свои постановления

16. Одно время бог разрешил человеку взять себе в жены сестру свою, а впоследствии он это запретил.

17. Сам бог не приговорил Каина за убийство Авеля к смертной казни, а потом повелел любого убийцу умерщвлять его.

18. Одно время любой человек мог заняться всежжением, а потом бог велел этим заниматься только жрецам.

19. Бог повелел Аврааму принести в жертву Исаака, когда же Авраам собрался выполнить веление господне, то ангел божий не дал ему возможности этого сделать (Бытие, XXII, 2 и 12).

20. «И сказал бог Валааму: не ходи с ними» (с послами Валака.—М. Б.), а ангел господень сказал Валааму: «Пойди с людьми сими» (с послами Валака.—М. Б.) (Числа, XXII, 12 и 35).

21. Езекия, царь иудейский, заболел. И пришел к нему пророк Исайя и сказал ему: «Так говорит господь: сделай завещание о доме твоём, потому что ты умрешь, не оживешь» (Исайя, XXXVIII, 1). А позже бог изменил своему слову и велел Исайе сказать царю: «Я услышал молитву твою, увидел слезы твои, и вот, прибавлю к дням твоим пятнадцать лет» (Исайя, XXXVIII, 5).

22. Поначалу бог избрал первенцев для службы в скинии собрания, а потом для этой же цели «взял левитов вместо всех первенцев» (Числа, VIII, 18).

23. Поначалу бог избрал себе местопребывание ковчег завета (Исход, XXV, 22), а позже — храм.

24. Бог запретил любую работу в день субботний, но разрешил в этот день воевать против Иерихона (Иисус Навин, глава VI).

25. Бог благословил Иакова, в действительности дети Исаевы счастливее потомков Иакова. Благословение, данное Исааком Иакову (Бытие, XXVII, 28—29), не осуществилось: Иаков всю свою жизнь страдал.

VI. Бог любит жертвоприношение и роскошь

26. Он приказал приносить ему в жертвы скот; сало и кровь — пища его.

27. Бог любит пребывать в богатом храме. Ему нравятся золотые светильники. Он любит вино, курение, масло и т. п.

VII. Бог антропоморфен

28. Бог, согласно Библии, отдыхает: «И совершил бог в день седьмой дела свои, которые сделал, и почил в день седьмой от всех дел своих, которые сделал» (Бытие, II, 2).

29. Бог, согласно Ветхому завету, совершает путешествия, он сходит с неба и снова возвращается на небо (Бытие, XI, 5; XVII, 22).

30. Бог, согласно Ветхому завету, то превращает женщин в бесплодных: «И сказала Сара Аврааму: вот господь удержал меня от рождения» (Бытие, XVI, 2), то, наоборот, они по воле бога рожают: «И помолился Авраам богу, и исцелил бог Авимелеха, и жену его и рабынь его, и они стали рождать» (Бытие, XX, 17).

31. Богу присущи страсти: он гневается, радуется, раскаивается и т. п.

32. Бог ест и берет взятки (Бытие, XVIII, 8).

33. Бог подобен человеку: он явился к Аврааму у дубравы Мамре (Бытие, XVIII, 1). Когда Авраам «возвел очи свои и взглянул», то увидел, что «три мужа стоят близ него» (Бытие, XVIII, 2).

В соответствии с воззрениями Хиви Спиноза доказал, что представления Ветхого завета о боге являются примитивными и наивными. Адам, сказано в Бытии, первый, кому бог открылся. Но его мнение о боге, подчеркивает Спиноза, весьма заурядное. Бог, по Адаму, не вездесущ и не всеведущ. Адам ведь спрятался от бога и старался извинить свой грех перед ним, как будто перед ним был человек. Да, в представлении Адама бог — это человек. Только ли в представлении Адама? Человек создает бога, заключает Спиноза, по своему образу. Адам, например, слышал, как бог гуляет по саду, зовет его и спрашивает, где он находится. Авраам тоже не знал, подчеркивает вольнодумец, что бог вездесущ и предвидит все явления: ведь как только Авраам, согласно ветхозаветному рассказу, услышал приговор над содомлянами, он попросил бога не приводить его в исполнение, прежде чем он не узнает, все ли были достойны наказания. В воображении Авраама бог говорит и так: «Сойду и посмотрю, вполне ли они по-

ступают так, каков вопль на них, восходящий ко мне...» (Бытие, XVIII, 21). Бог антропоморфен, т. е. человекоподобен: он милосерден, благосклонен, в высшей степени ревнив и т. п. Моисей верил, что бог имеет местожительство на небесах, каковое мнение, говорит Спиноза, было распространенным среди язычников.

Суждения Моисея о боге, как о них говорится в Библии, ничем не отличаются от суждений о нем других ветхозаветных пророков. Так, Михей видел бога сидящим, а Даниил — в виде старца, накрытого белой одеждой. Иезекииль же — в виде огня, а те, которые находились при Христе, видели духа святого в виде нисходящего голубя, апостолы — в виде огненных языков и, наконец, Павел до своего обращения увидел его как великий свет.

Какое жалкое и ходячее представление о боге, подчеркивает Спиноза, имели пророки.

Но почему, спрашивает мыслитель, то, что было измышлением древних, является и поныне предметом поклонения и почитания многих людей?

Если бы люди, отвечает Спиноза, во всех делах могли поступить по определенному плану или если бы им всегда благоприятствовало счастье, то никакое суеверие не могло овладеть ими. Но так как люди часто попадают в затруднительное положение и находятся в жалком колебании между надеждой и страхом, то поэтому в большинстве случаев они чрезвычайно склонны верить чему угодно. Дух их, обыкновенно самоуверенный, кичливый и надменный, легко приходит в смятение в минуту сомнения, а еще легче, когда он колеблется, волнуемый надеждой и страхом. Люди, говорит Спиноза, находясь в страхе, создают бесконечное множество выдумок и толкуют

природу столь удивительно, как будто и она заодно с ними безумствует.

Спиноза открыто выступил против охраняемого синагогой догмата об извечности монотеизма. Наделенный сильным характером и проницательным умом, он, опровергнув библейского бога, шел по пути, ведущему к познанию истинного смысла бытия вселенной и человека. Поэтому к спинозизму обращались последующие поколения сторонников свободомыслия, как к авторитетному защитнику материализма и атеизма.

Наряду с отрицанием боговдохновенности Ветхого завета и догмата единобожия еврейские вольнодумцы подвергли критике догмат иудаизма о бессмертии души. Упомянутый Элиша бен Абуя высказывался против догмата воскресения мертвых и небесного воздаяния. Он призывал молодежь к познанию светских наук. Талмудисты его преследовали, в трактате Сангедрин он причислен к тем, кто навсегда лишен «будущей жизни».

Значительную роль в подрыве догматов иудаизма сыграло, пользуясь выражением Энгельса, жизнерадостное свободомыслие, к которому примкнули и евреи, проживавшие в XIII—XVI вв. в итальянских городах и находившиеся под влиянием культуры Ренессанса. Обществу евреев этих городов с культурой Возрождения способствовало то обстоятельство, что большинство из них было занято ремесленным трудом.

Наряду с шелкопрядением и красильным делом евреи занимались в Италии и другими ремеслами. В Сардинии, например, было много евреев кузнецов, слесарей, ткачей, ювелиров. Евреи были также заняты в строительном деле и горной промышленности.

Повсеместно в Италии встречались евреи — кописты рукописей, а затем, с изобретением печатного дела, рабочие-типографы. Еврейские типографии уже к концу средних веков имелись в Реджио, Мантуе, Ферраре, Болонье, Неаполе и многих других, менее значительных городах и местечках.

Еврей-ремесленники находились в тесном общении с их собратьями по профессии других национальностей и постепенно уходили из-под влияния иудейской религии, внушавшей ложные взгляды об обособленности еврейского народа, о греховности тех, кто строит свою жизнь на жизненных принципах «нечестивцев». Сохранился раввинский документ тех времен с жалобой на отсутствие верующих в синагогах; даже в субботу и праздники люди синагогам предпочитают парки, молитвам — танцы. Раввины налагали штрафы за такое поведение, грозили муками ада в загробном мире, но эти угрозы успеха не имели.

Ярким выразителем вольнодумных настроений этого времени был поэт Эммануил Римский (1265—1330). Видное место в его творчестве занимает поэма «Ад и рай», напоминающая «Божественную комедию» Данте. В своей поэме Эммануил бичует нравы церковников, высокомерие талмудистов — гонителей науки, благочестивых тупиц, интриганов и корыстолюбцев. Поэт заставляет переносить адские муки талмудистов, тайно предававшихся распутству, людей, желавших присвоить себе в синагоге все почести: одного потому, что он хотел иметь место около кивота, другого за то, что он хотел читать у амвона молитву в судный день. С неподдельным юмором изображены в поэме встречи в раю поэта с праведниками, с персонажами Библии и Талмуда.

Опровергая талмудический догмат о небесном воздаянии, поэт писал:

Раю ад я предпочел бы:
Скучно до смерти в раю,
Где безгрешные старухи
(От греха их охранило
Безобразие лица)
Пожинают плод добра,
Где царит лишь добродетель
Вместе с скукою-сестрой.
Нет, уж лучше в ад попасть:
Там толпа премилых грешниц,
Рой красавиц молодых,
Взор их страстию горит,
Голос негою звучит,—
Там царит лишь бог любви.
С ними ад мне будет раем,
Рай без них есть суший ад.

Эммануил сознавал, что его борьба против засилья церковной идеологии, за свободу мысли будет иметь большое значение, что он не останется «певцом перед мертвецами и глашатаем перед тенями». И действительно, под непосредственным влиянием творчества поэта находились его современники-вольномудцы: Яков Анатоли, категорически осудивший иудейский тезис об избранности еврейского народа и учивший, что все народы равны и все люди — братья; Зерахия Хен, отвергавший иудейскую догматику и призывавший к знанию и свету, и многие другие мыслители и поэты. Недаром клерикалы предали анафеме произведения Эммануила и запретили их читать.

Под влиянием Эммануила находились и более поздние представители Ренессанса. К ним принадлежат Азария Росси (1513—1578), Леон Эбрео (ум. в 1591) и др. В своих произведениях они подвергли критике догматы, культ и обряды иудаизма. Отрицая

чудеса, веру в приход мессии, богооткровенность Библии и святость Талмуда, они пытались воссоздать историю евреев и их верований с позиций разума.

В XIII—XVI вв. число евреев, отвергавших иудейскую религию и изучавших естественные науки, было настолько велико, что ревнители синагоги стали применять жестокие меры для их преследования. Руководители венецианской общины — самой авторитетной в то время — составили текст анафемы и разослали его всем раввинам Европы с требованием отлучать от синагоги каждого еврея за малейшее отступление от «веры отцов». Текст отлучения гласил: «Венеция, 1547 год. По произволению городской общины и приговору святых, именем бога и святой общины, перед священными книгами Торы с шестьюстами тринадцатью предписаниями, в них написанными, мы отлучаем, отделяем, изгоняем, осуждаем и проклинаем (имярек) тем проклятием, которым Иисус Наввин проклял Иерихон, которое Елисей изрек над отроками, которым Гиезий проклял своего слугу, которое Барак изрек над жителями Мероза, которым проклинали мужи великого собрания, которым проклинал Иуда бен Иезекииль, и всеми теми проклятиями, которые были произнесены со времен Моисея до наших дней.

Именем бога Акатриэля, бога воинств¹; именем великого повелителя Михаэля; именем Метатрона, князя божественного лика; именем Сандафона, слившегося с творцом вселенной... именем вездесущего таинственного Шемгамфореша, начертанного на скри-

¹ Богом воинств в Библии назван Саваоф. Имя же Акатриэль авторы анафемы, видимо, позаимствовали из «Книги мудрости» средневекового мистика Элизара из Вормса (ок. 1176—1238), содержащей большой перечень имен бога и ангелов.

жалях; именем божьей колесницы, святых зверей и ангелов-служителей; именем всех святых ангелов всевышнего.

За нарушение любой заповеди, за лукавство и хитрость (сын) или (дочь) Израиля (имярек).

Да будет он проклят (идет перечисление ангелов, колесниц и зверей.— *М. Б.*)... устами великого, всемогущего и грозного бога. Да наступит скоро его падение! Пусть предвечный изничтожит его перед лицом всех живущих (идет перечень невероятного количества болезней.— *М. Б.*). Да обрушит предвечный гнев свой на всякого, кто примет его в свой шатер...»¹.

И все же подобными угрозами и проклятиями мракобесы не были в состоянии остановить поступательное движение научной и атеистической мысли. В XVII столетии передовые люди, вооруженные материалистической философией своего времени, отменяли вероучение синагоги. Среди этих людей особое место занял Уриэль Д'Акоста (ок. 1583—1640).

Что есть душа? Вот вопрос вопросов, который занимал беспокойный и ищущий ум Д'Акосты. Религия враждебна человеку. Провозглашая бессмертие души, она лишила человека жизни разумной и справедливой, единственно возможной, земной. Возникла самая неотложная потребность: вернуть человеку право на свободу мысли и действия. Подавленной личности надо было сказать правду о жизни души.

Опираясь на некоторые тексты Ветхого завета и воззрения великих предшественников, доказавших ничтожество всех загробных обещаний, Уриэль Д'Акоста выдвинул серьезные аргументы против дог-

¹ Цит. по кн. *Я. Клецкин*. Барух Спиноза, его жизнь, произведения и учение. Лейпциг, 1923, стр. 159—161 (на древнееврейском яз.).

мата иудаизма о бессмертии души и воскрешении мертвых. В своем трактате «О смертности души» он в соответствии с традициями еврейского вольнодумства дает определение души. «Так как,— пишет Акости,— нам предстоит рассуждать о смертности или бессмертии души человеческой, то уместно сначала поставить вопрос, что же такое эта душа, тем более что некоторые невежды, упоминая о ней, видимо, представляют ее себе некоей девой во плоти: именно в таком виде иногда изображают выходящую из чистилища душу»¹. Одни талмудисты говорят, что души суть существа, отдельные от тела, которых бог создал сразу и в одно время и поместил их как бы в амбар, откуда он посылает их, чтобы они входили во чрево беременных. Другие теологи утверждают, что бог создает души во чреве беременных новым действием сотворения. Принимающие эти мнения не допускают, чтобы душа человека могла быть смертной. Рассуждения талмудистов и их приверженцев, говорит Д'Акости, противны разуму и естественному закону, ибо природа учит нас, что душа «есть жизненный дух, которым живет человек и который находится в крови». И благодаря этому духу человек живет, совершает свои дела и передвигается по земле, пока дух в нем пребывает, и до тех пор, пока этот дух не угасает естественным образом или по какой-либо насильственной причине. И только тем душа человека от души животного отличается, что душа человека разумна, а душа животного лишена разума; во всем остальном — в рождении, жизни и смерти — они совершенно одинаковы»².

¹ Уриэль Д'Акости. О смертности души и другие произведения. М., 1958, стр. 49.

² Там же.

Ненаучность понятия «жизненный дух» в настоящее время очевидна. Наукой доказано, что в крови животного и человека нет никаких «жизненных духов». Тем не менее в эпоху Д'Акосты это понятие играло прогрессивную роль в борьбе против религии и идеализма. Понятие «жизненных духов», находящихся в крови человека и состоящих из «тонкой материи», выражало пусть первичную, наивную, но все же материалистическую мысль. Вместо нематериальной души как субстанции сторонники этого взгляда утверждали ее материальность, а стало быть, и смертность. Вместе с тем при таком взгляде человек включался, вопреки религии, в число других животных.

Выдвинув тезис о смертности души, Д'Акоста защищал его многими выдержками из Ветхого завета, особенно из книг Иова и Экклезиаста. Тем самым он уличил талмудистов в лживой интерпретации Торы во имя одурманивания легковверных людей. Называя составителей Талмуда фантазирующими толкователями, вольнодумец показал, что за выдумкой бессмертия следуют другие религиозные заблуждения: совершение молитв и молебствий за умерших, принесение за них жертв, чтобы помочь им скорее избавиться от мук выдуманного чистилища, тысячи злоупотреблений и суеверий, которые совершаются при их погребении. «Заблуждения,— пишет Д'Акоста,— всегда и с необходимостью сопровождаются многими пороками, ибо нет такого заблуждения, которое могло бы породить что-нибудь доброе, и таким образом это безумие создало в мире много других безрассудств во вред и погибель тем, кто этого был достоин. По этой самой причине многие, пренебрегая добром или злом в настоящем, в ожидании гораздо больших зол установили новые порядки и правила жизни... подвергают свои души муче-

ниям, а плод умертвляют секирой, подобно расточителям и глупцам, они попусту и без основания лишают себя драгоценного дара — жизни, столь ценимой предками нашими»¹.

Гневно разоблачал Д'Акоста отвлеченную фантазию, застылость и банальность мысли. Пламенная мысль разрушителя старины и окостеневших догм высмеивала защитников учения иудаизма о воскресении мертвых и загробном царстве. Те, которые провозглашают такие фантазмагии, подобны людям, которые хотят влезть на гладкую стену без лестниц и которые всякий раз, протягивая руку и собираясь поставить ногу, не имея опоры, скользят и падают. Еще никто не возвращался из царства мертвых, говорит Д'Акоста, а если бы душа была бы вечной, то бог не преминул бы вернуть хотя бы одну из них для того, чтоб осрамить и осудить людей, отрицающих воскресение мертвых. Д'Акоста ссылается на псалом восемьдесят седьмой, в котором прямо сказано, что мертвые не встанут, ибо в сырой земле нет жизни, в могиле нет духа. И Иова говорит, что дни жизни его сочтены, а потому пусть бог отстанет от него со своими злыми испытаниями.

Враги Д'Акосты обвиняли его в холодном безразличии к человеку. Раз Уриэль, говорили они, упорно повторял формулу Экклезиаста о том, что «участь сынов человеческих и участь животных — участь одна», то, стало быть, зачем человеку жить?

Обвинение злостное, искажающее подлинное содержание учения Уриэля о смертности души. Да, душа смертна. Неоспоримый вывод науки, опыта и жизненной практики. Но душа человека — разумна, подчер-

¹ Уриэль Д'Акоста. О смертности души и другие произведения, стр. 76—77.

кивал Уриэль. Она отличается от души животных тем, что она способна осознать конечность своего бытия и бесконечное бытие вселенной. Человек одной жизнью живет. Никаких иллюзий о потустороннем царстве, которые парализуют волю и поработщают дух. Надо высвободиться из-под власти фантазмагорий! В земной жизни реализовать свою разумную мощь! В загробном мире нет ни жизни, ни блага. Страшная и темная ложь религии обкрадывает человека, принижает его достоинство. Счастье жизни в самой жизни, в творчестве, в поисках, в усилении мысли и воли, в справедливости людских взаимоотношений и моральной чистоте. Счастье жизни в напряжении жизнеутверждающих сил, в пламенной вере в победу света и добра на земле.

Экклезиастическое положение о равноценности человека и животного, горя и радости Уриэль не разделял. Мудрость Экклезиаста — мудрость бессилия. А он, Д'Акоста, человек и мыслитель неукротимой воли и напряженного мышления.

Дерзновенное вольномыслие привлекательно. Своим искренним обаянием и мужественной силой оно могло воздействовать на умы. Чтобы отразить его влияние, блюстители веры трактат «О смертности души» сожгли, а автора его предали анафеме. Однако идеи Д'Акосты оказывали воздействие на критические умы ближайших продолжателей его рационализма. Новейшие исследователи жизни Д'Акосты указывают, что в год гибели вольнодумца появились листовки и плакаты, гневно разоблачающие божьи порядки раввинов и антигуманизм их догматов. В связи с этим руководители иудейской общины Амстердама отлучили от синагоги значительную группу лиц, разделявших взгляды Уриэля Д'Акосты.

Великим продолжателем вольномыслия Д'Акосты был Спиноза. Уже на школьной скамье он на вопросы, бессмертна ли душа, существуют ли ангелы, есть ли у бога тело, ответил: нет ничего бессмертного или бестелесного в Библии. Что касается духов, то достоверно, что Писание ничего не говорит о том, что существуют реальные и устойчивые субстанции, но лишь о том, что существуют простые фантомы, называемые ангелами, потому что бог использует их для объяснения своей воли. Что касается души, то это слово в Писании употребляется просто для выражения жизни или всего живого. Было бы бесполезно, исходя из этого, делать вывод о своем бессмертии.

Для Спинозы, как и для многих других вольнодумцев, вопрос о смертности души стал отправным пунктом материализма и атеизма.

Отрицая догмат иудаизма о загробной жизни и воздаянии за земные поступки после смерти, еврейское вольномыслие утверждало право людей на жизнь, овеянную радостью познания, нравственно чистую, наполненную светом ума и истины.

ПРОСВЕТИТЕЛИ

Передовая еврейская интеллигенция всегда вела борьбу против грубого мистицизма и мрачного невежества приверженцев иудаизма. Продолжая традиции еврейского вольномыслия, воспитанная на великих идеях французских материалистов XVIII в., она доказывала несостоятельность иудаизма, разоблачала жульничество и цинизм цади́ков. Просветители призывали взамен хедера и ешиботы создавать светские школы, где юноши изучали бы основы математики,

физики, астрономии и прочих наук, готовились бы не к молитвам, а к общественно полезному труду.

Наиболее выдающимся представителем этих воззрений был философ Соломон Маймон. Как сказано, в юности он увлекся хасидизмом. Посетив одного из его основоположников, Бера из Межерича, он скоро распознал жульнические приемы этого «праведника» и навсегда порвал со средой фанатиков.

Соломон Маймон рассказывает в своей «Автобиографии», что он находился под влиянием Спинозы. Общеизвестный в берлинских кругах того времени вожак еврейского просветительства М. Мендельсон (1729—1786) был идейным врагом спинозизма. Между Маймоном и Мендельсоном происходили серьезные споры.

Расхождение во взглядах между Мендельсоном и Маймоном выявилось в вопросе о просветительской деятельности тогдашней еврейской интеллигенции. Мендельсон требовал от нее «разумной морали» и «естественной религии», Маймон же полагал, что массам необходимо прежде всего дать книги, в которых главное место занимали бы вопросы естествознания, математики и философии. С присущей ему энергией и страстностью Маймон взялся за издание научной литературы для польских евреев. Отсутствие средств и отказ друзей Мендельсона финансировать такие издания сорвали это начинание. Маймон пишет труды, в которых решительно опровергает каббалистические бредни, остроумно высмеивает поклонников хасидизма и средневекового фанатизма и защищает позиции современной ему науки и философии.

Под влиянием идей Маймона Абба Глоск¹ порвал

¹ Точные годы его жизни неизвестны. Жил во второй половине XVIII в.

с иудейской религией, покинул свой родной город Люблин и уехал в Берлин. Абба Глоск написал, по свидетельству немецкого поэта А. Шамиссо, тринадцать произведений, в которых подверг критике основные догматы иудаизма и хасидизма. Раввин Я. Эмден преследовал Глоска и называл его «злой собакой». Книги Глоска мракобесы уничтожили. Однако его призывы к свободомыслию не прошли бесследно. Как Спиноза и Маймон, Абба Глоск воодушевил многих интеллигентов на благородную работу по просвещению народа.

Неутомимым борцом против хасидизма был И. Перл (1773—1839). В 1813 г. он в родном городе, Тарнополе, открыл еврейскую школу, главными предметами которой были математика, русский и немецкий языки, естествознание и история. Перл много таланта, сил и энергии потратил на разоблачение каббалистской фразеологии и мистических таинств хасидских вожakov, чудодеев и проповедников. В 1819 г. он в стиле «Писем темных людей» опубликовал («Megalleh temigip», «Открыватель тайн») — острую сатиру на цадикизм. Пародируя благочестивые произведения учеников Бешта, Перл умно подобранными из них цитатами едко высмеивал вероучение и практику цадиков и гневно осуждал их темные дела и вредную практику.

Демократические представители еврейского просветительства (гаскала) конца XVIII и начала XIX в. в России, как М. Лефин, И. Оршанский, А. Готлобер и др., примкнули к идеям Маймона и Перла. Весьма далекие от строго научного понимания социальных и духовных явлений, они довольно близко подошли к пониманию антинародной сущности хасидизма. Просветители резко критиковали хасидизм, фанатизм рав-

винов и талмудистов, некоторые обряды и культ иудейской религии.

Выдающимся борцом против синагогальной догматики был страстный публицист и защитник науки И. Левинсон (1788—1860). Хасидизм с его культом цадика, миснагдим с их культом Талмуда, говорил он, одинаково ведут евреев в темный подвал невежества и бескультурия, воспитывают чувства покорности и бессилия, отрешенности от земной жизни, безразличия к социальным вопросам и борьбе за переустройство мира. Последовательно критикуя Бешта, Левинсон призывал молодежь серьезно и глубоко изучать русский язык, что откроет ей широкую дорогу в науку и философию. К молодому поколению, находящемуся под влиянием клерикалов и синагоги, он обратился с горячим словом: «Смотри! Вот перед тобою целый ряд предков, правоверие которых не нуждается в доказательствах. Ты считаешь науку ересью, а они в свое время с любовью изучали и грамматику, и математику, и астрономию, и медицину, и языки, и прочие отрасли знания».

Значительную роль в борьбе против средневековых устоев талмудизма и хасидизма сыграл просветитель И. Эртер (1792—1851). Рожденный и воспитанный в удушливой атмосфере религиозного фанатизма, Эртер хорошо знал, какой вред приносит юношеству иудейское воспитание, рассчитанное не на развитие, а на подавление всяких способностей подрастающего поколения. С присущей ему страстностью он в 1816 г. организовал во Львове кружок по изучению естественных наук и художественной литературы, который пользовался большой популярностью среди еврейской молодежи. Львовские святоши и клерикалы во главе с раввином Оренштейном видели в лице Эртера и его

приверженцев сильных противников, подрывавших их авторитет и влияние на часть еврейского населения. Они предали кружок анафеме и во всех синагогах города расклеили пасквиль, полный инсинуаций против его идейного вдохновителя и руководителя. Эртер вынужден был покинуть Львов. В 1823 г. он переехал в г. Броды, где стал заведовать и преподавать во вновь организованной образцовой школе. Вскоре Эртер поступил в Будапештский университет, по окончании которого получил диплом врача. Одновременно с медициной Эртер самозабвенно занимался литературой. Уже во Львове им была написана сатира «Весы», в которой он разоблачает своих гонителей и доказывает, что, защищая талмудические законоположения, раввины, по существу, охраняют старый хлам, лишенный всякого научного интереса и порождающий аскетизм и умственное оскудение.

«Весы» пользовались успехом. Юмор Эртера, направленный против суеверия и предрассудков, засилья раввинов и цадиков, импонировал прогрессивной молодежи.

Наиболее значительными произведениями Эртера являются «Ташлих»¹ и «Переселение душ». В «Ташлихе» просветитель едко высмеивает поклонников зловредного учения хасидизма и беспощадно разоблачает доверчивость верующих ко всем нелепым сказкам о цадиках, собираемым и издаваемым большей частью шарлатанами. Резко выступает автор сатиры против адептов Талмуда, против тех, кто проводит жизнь над

¹ Ташлих — обряд грехоизвержения. В день иудейского Нового года верующие собираются на берегу реки, вытряхивают карманы и бросают кусочки хлеба в воду, что ассоциируется у них с вытряхиванием грехов в реку, уносящую их своим течением.

толстыми фолиантами Гемары и средневековой еврейской схоластики, прилагая свои старания к выдумыванию новых религиозных предписаний, от которых и без того нелегко жилось изнуренной еврейской массе.

Считая, что источником тяжелой жизни еврейских масс является бескультурие, поддерживаемое хасидизмом и талмудизмом, Эртер направил свою сатиру главным образом на цадииков-чудодеев и раввинов-казуистов за их ненависть к светским наукам.

В «Переселении душ» Эртер обстоятельно вскрыл всю нелепость амулетов и талисманов, предусмотренных Талмудом на любой случай жизни и за мзду раздаваемых раввинами и цадииками для «исцеления» разных недугов и болезней.

Эртер имел талантливых сподвижников. Одним из них был И. Шор (1814—1895). Человек широкой эрудиции и боевого темперамента, Шор примкнул к Эртеру и вместе с ним основал в 1848 г. журнал «Гехалуц» («Авангард»), программа которого заключалась в борьбе против хасидизма, учения Талмуда и Библии. «Авангард» изобличал иудейских клерикалов и считал их такой же реакционной силой, как католическое духовенство.

Блестящим защитником идей материализма был А. Ковнер (1842—1909), находившийся под большим влиянием русских революционных демократов. Неограниченное впечатление произвели на Ковнера труды Д. И. Писарева, и он стал его верным учеником. В своих первых произведениях Ковнер, следуя за русским критиком, настойчиво доказывал, что естествознание — «самая животрепещущая потребность нашего общества, а популяризация естественных наук — высшее назначение мыслящих людей». Ковнер поэтому резко высказывался против врагов науки и положи-

тельных знаний, а также против тех «просвещенцев», которые вели горячие диспуты по поводу толкования какого-либо слова из Библии. В своей работе «Хекер давар» («Критический опыт») Ковнер осуждает талмудизм и хасидизм за их оторванность от жизни и ее реальных потребностей, за их страсть к бесплодной схоластике и мистике. Автор писал в предисловии: «Заранее предвижу, какая страшная буря разразится над моей головой по появлении этой книги как со стороны ортодоксов, так и со стороны просвещенцев». И действительно, «Критический опыт» был встречен в штыки, приверженцы Талмуда и Бешта рисовали Ковнера исчадием ада. В своих последующих сочинениях вольнодумец еще резче критиковал иудейское верование и его «священные книги». Ковнер был против бесполезной траты времени на изучение Талмуда, его комментариев и суперкомментариев, в которых «нагромождена куча глупостей». Зачем, спрашивал он, мертвые буквы Библии и Талмуда превратили в святыню и ей «неустанно кадят и поют хвалебные гимны»? Зачем в затхлой атмосфере религиозных школ — в хедерах и иешивотах — измученные и пришибленные ученики в возрасте от семи до двенадцати лет ежедневно проводят 10—12 часов в беспрестанной зубрежке Талмуда? «Дайте молодежи,— призывал Ковнер,— идти своей дорогой, и вы увидите, что она со временем принесет гораздо больше пользы обществу».

Вместо религиозных проповедников и напыщенных просвещенцев народу нужны, подчеркивал Ковнер, «самоотверженные писатели, у которых не расходится слово с делом, писатели, одухотворенные любовью к своему народу, способные воспитать и развить молодое поколение и сделать его полезным для себя и для других».

Как и Ковнер, поэт-просветитель Л. О. Гордон (1830—1892) гневно протестовал против фанатизма талмудистов и приверженцев средневековых устоев. Свое негодование против суеверия, талмудических предписаний и религиозных заповедей поэт выразил в замечательных стихах:

Жить бездушным обрядом учили тебя,
Мертвой буквой одной, против жизни ходить,
Мертвым быть на земле, быть живым в небесах,
Видеть сны наяву и во сне говорить.

Демократическая традиция просветителей XIX в. нашла свое блестящее выражение в творениях классиков еврейской литературы, в произведениях Менделе Мойхер-Сфорима, Шолом-Алейхема и Ицхок-Лейбуша Переца.

В статье «Чего мы хотим» Перец писал: «Мы не хотим выпускать из рук общечеловеческое знамя и не хотим сеять ни шовинистическую дикую полынь, ни фанатический терновник тунейдской философии. Мы хотим, чтобы еврей чувствовал себя человеком, чтобы он участвовал во всем человеческом, чтобы он жил по-человечески, имел человеческие стремления»¹.

Во имя человеческой жизни классики еврейской литературы всю силу своего таланта посвятили делу освобождения народных масс от религиозных пут и обветшалых устоев средневековья.

В своих произведениях Шолом-Алейхем и Перец, воодушевленные революционным подвигом Горького в литературе, выразили горячий протест против порядков, выгодных эксплуататорам и взятых под защиту иудейской религией.

Надо, однако, отметить, что проповедь просветите-

¹ И. Л. Перец. Избр. соч., т. XVII. Вильно, 1926, стр. 112 (на яз. идиш).

лями антиклерикализма и рационализма соответствовала классовым интересам нарождающейся еврейской буржуазии, которая стремилась сбросить с себя «оковы иудейства» и заключить классовый союз с немецкой, русской, украинской и прочей буржуазией. Но с появлением рабочего класса на арене истории буржуазия, в том числе еврейская, стала отмежевываться от материализма и отбросила свое свободомыслие, «подобно тому,— говорит Энгельс,— как юноша, чувствуя, что его все более и более одолевает морская болезнь, незаметно бросает зажженную сигару, которой он щеголял на борту корабля»¹.

Идеологи еврейской буржуазии понимают, что в наш век сохранить иудаизм в его «первородной» форме невозможно. Однако им важно в любом виде сохранить религию. С этой целью они пытаются реконструировать иудаизм, придать ему «духовный», «моральный», «либеральный» характер. «Иудаизм талмудический,— говорится в «Еврейской библиотеке»,— будет побежден новейшей цивилизацией. Но иудаизм монотеистический, духовный и моральный останется. Если он пойдет решительно по тому пути, на который лучшие его сыны советуют ему вступить, тогда он значительно приблизится к либеральным принципам новейшего времени»². Но этим прогнозам не суждено оправдаться. В них отражается лишь стремление приспособить древнюю религию с ее догмами к новым условиям. За формулой «либеральных» принципов скрывается призыв приспособить иудаизм «к новейшему времени». Об антинаучной и реакционной роли иудейской религии в эпоху империализма и пролетарских революций мы и расскажем в следующей главе.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 318.

² «Еврейская библиотека», т. II, стр. 204.

ИУДАИЗМ В НАШИ ДНИ

Идеологи иудаизма в Европе и Азии вплоть до XX в. занимались толкованием религиозных догматов и обрядов, предписаний и запрещений, пустым умствованием вокруг любого казуса, встречавшегося в религиозной практике. Они обставили иудейское верование системой ограждений, призванных держать народ в невежестве и забитости, в смирении и покорности.

В США иудаизм начал играть заметную роль в конце XIX—начале XX в., когда иммиграция евреев в эту страну резко повысилась. Прибывшие в США из разных стран люди не могли сразу найти себе работу. В связи с этим к началу XX столетия отмечается резкий рост нищеты среди еврейских народных масс. Синагога, учитывая создавшееся положение, использовала его для укрепления своего влияния. Проповедуя «единство» всех евреев, как эксплуататоров, так и эксплуатируемых, она стала призывать к «сильным мира сего» об организации благотворительных обществ для

помощи бедным. Еврейская буржуазия в США, прислушиваясь к голосу синагоги, создала кассы вспомоществования, приюты, похоронные общества и т. п.

Благотворительная деятельность еврейской буржуазии давала повод идеологам иудаизма проповедовать среди еврейской бедноты идеи классовой солидарности. Американские филантропические организации, в которых крупные капиталисты играют руководящую роль, и поныне оказывают огромное влияние на религиозные организации. В частности, еврейские капиталисты через филантропические организации оказывают большое влияние на иудейские религиозные организации, на синагогу как в США, так и в других странах.

Возрастание политической роли синагоги потребовало модернизации иудейского культа и пересмотра отдельных его основных вероопределений.

В современных условиях модернизация иудаизма сводится к так называемому конструктивизму, к обоснованию «этических ценностей» иудейской религии, к поиску сближения между иудаизмом и христианством, «к возрождению хасидизма».

РЕКОНСТРУКТИВИЗМ

Процесс приспособления церквей разных исповеданий к условиям господства крупной буржуазии, к условиям империализма в США начался раньше, чем в странах Западной Европы: со второй половины XIX в. ревнители синагоги, идя навстречу классовым интересам своих богатых хозяев, учли социальные и политические условия жизни в капиталистической Америке и внесли коррективы в средневековые установления

раввинизма, приспособлявая его к буржуазному строю. Руководители синагоги, не вычеркивая ни одного догмата иудаизма и не добавляя ни одного нового, стали в мелочах «обновлять», подчищать иудейское вероучение. Одни из них несколько видоизменили раввинистские традиции и стали проповедовать «консервативный иудаизм», другие пропагандировали привезенный в США в конце прошлого века зажиточной частью иммигрантов из Германии так называемый «реформированный иудаизм», придавая ему черты американизма. Сторонники реформистского иудаизма ввели порядок богослужения не на древнееврейском языке, как это обычно было принято, а на английском. Свод молитв, ими составленный, обозначался не обычным религиозным термином «Сидур», а Union Prayer Book. Подражая христианской церкви, они разрешили ликвидировать в синагоге перегородку, отделяющую мужское отделение от женского, предоставив женщине, вопреки вековым традициям раввинизма, равные «права» с мужчиной. Отказались они и от некоторых других мелочей, касающихся церковной службы и ритуала. Возглавлял общину реформистских иудеев не раввин с патриархальной бородой, одетый в средневековый лапсердак и штраймл (своеобразный головной убор), а раввин в современном американском костюме, с чисто выбритым лицом и светскими манерами. Он вхож в дома «сильных мира сего» и олицетворяет единство синагоги и капитала.

Особенность же так называемого «консервативного иудаизма» заключается в том, что он высказывается за соблюдение всех традиций, но стоит в то же время за их приспособление к современным американским условиям. Один из сторонников этого течения, А. Левитан, пишет, что соблюдение верующим евреем тра-

диции означает и почитание «Шулхан-аруха», и Талмуда, и соблюдение субботы, и кошерную пищу¹. Хорошо зная, что все эти традиции раввинизма непопулярны среди масс еврейского населения, сторонники консервативного иудаизма требуют, чтобы был разработан новый «Шулхан-арух», приспособленный к условиям сегодняшнего дня.

Реформистский и консервативный иудаизм, получившие довольно широкое распространение среди американских евреев в 20-х годах, переживают ныне серьезный кризис в связи с тем, что в последние десятилетия влияние синагоги начало катастрофически падать. Об этом убедительно говорит религиозная статистика, хотя она и уменьшает цифры об отходе от религии и не отличается точностью.

В настоящее время иудейские «религиозные социологи» в США, по примеру своих христианских коллег занявшись обследованием состояния религиозности населения, пришли к неутешительным выводам². По данным, появившимся в печати, в будние дни синагога почти не посещается, по субботам ее посещают только 9% из общего числа обследованных, по праздникам — 15% и лишь в праздник йом-кипур — 73%.

Некий А. Флейшман, специально выяснявший вопрос о религиозности еврейских иммигрантов, прожи-

¹ См. журнал «Иво-Блетер» (Нью-Йорк), 1946, т. XXVIII, стр. 382.

² См. по этому вопросу: S. Koenig. Socio-Economic Structure of an American Jewish in Gentile World. New York, 1942. Kurt H. Wolf. Pradictionalists and Assimilionits. «Studies in Sociology» (Texas), vol. IV, № 1—2, 1939—1940; J. Golub and N. Nardi. A study in Jewish obserwanec. The Reconstructiwst, vol. XI. New York, 1945.

вающих ныне в Стетн-Эйлоне (город вблизи Нью-Йорка), приводит такие показатели о посещаемости синагоги ¹:

	Мужчины		Женщины		Мальчики		Девушки	
	число	‰	число	‰	число	‰	число	‰
Ежедневно	20	5,7	—		4	0,8	—	—
По субботам	31	8,8	16	4,5	63	13,9	21	4,7
В йом-кипур	236	66,9	271	76,3	316	69,8	355	79,4
Никогда	66	18,6	68	19,2	70	15,5	71	15,9

По данным того же исследователя, соблюдение стетн-эйлонскими евреями предписаний религии характеризуется следующими данными: исполняют все бытовые предписания религии 21,6% обследованных семей, не исполняют никаких религиозных ритуалов 15,7%, соблюдают празднование субботы 30,4%, справляют пасху 62,9%, соблюдают религиозные предписания, касающиеся пищи, от 66 до 73% обследованных семей ².

Статистический материал показывает, что люди, проживающие в небольших американских городах, иммигрировавшие в свое время из стран Европы, где иудаизм в прошлом был весьма живуч, даже они далеко не все выполняют предписания веры. Что же касается евреев, родившихся в Америке, то в жизни многих из них иудаизм играет незначительную роль.

¹ «Иво-Блетер», 1948, т. XXXI—XXXII, стр. 211.

² См. там же, стр. 212.

Тенденции к полному разрыву с синагогой больше всего наблюдаются среди трудящихся евреев, проживающих в крупных городах США (84% всего еврейского населения США сконцентрировано в крупных городах). В Нью-Йорке, к примеру, евреи, которые были обследованы И. Штейнбоймом¹, субботу и религиозные праздники не соблюдают, не соблюдают пищевых запретов, молитв не произносят, за исключением поминальной, «мезузе»² к косякам дверей не прикрепляют.

Чтобы помешать трудящимся евреям вступать в интернациональные пролетарские организации, раввины и еврейские буржуазные националисты отстаивают легенду о том, что религия иудаизма является главным, основным в жизни и необходима для каждого еврея.

В действительности иудаизм, как христианство и всякая другая религия, был и остается врагом прогресса и классовой борьбы трудящихся. Синагога всегда была серьезнейшим препятствием на пути развития подлинно демократической культуры еврейских народных масс. Она душила пылкость ума, любое проявление вольнодумства и предавала анафеме смелых мыслителей и революционеров, поднимавших борьбу против обособленности евреев, против отсталости и невежества.

Главная тенденция современных иудейских теологов выражена в стремлении восстановить и сохранить

¹ См. «Иво-Блетер», 1948, т. XXXI—XXXII, стр. 224.

² Мезузе — кусок пергамента, на котором написаны стихи из Второзакония. Свернутый свиток помещается в деревянный или металлический футляр и прикрепляется к косяку дверей. Мезузе, как полагают верующие, является магическим средством, способным уберечь дом от злого духа.

иудейскую религию в ее «ортодоксальном» виде со всеми ее средневековыми предписаниями. В частности, это течение сильно среди церковников и правящей буржуазии в государстве Израиль. В США сторонники этого направления называют себя «реконструктивистами».

«Реконструктивисты» взялись оживить иудаизм, вернуть ему черты средневекового раввинизма, подправив его национализмом, позаимствованным у современных лидеров сионизма. Синагога рекламирует «реконструктивизм» как истинное слово божье.

Еще во второй половине XIX в. американский «реформистский иудаизм» отвергал сионистскую идею о «родине праотцов», о «земле обетованной». В программе, принятой на учредительном съезде реформистских иудеев, состоявшемся в Питтсбурге в 1885 г., было сказано: «Мы не рассматриваем себя больше как нацию, но как религиозную общину. Мы не рассчитываем поэтому на наше возвращение в Палестину, на то, что будем служить богу, как в древние времена, или же на какие-либо законы еврейского государства, которое могло бы быть возрождено»¹.

«Реконструктивисты» пересмотрели иудейский молитвенник (Union Prayer Book) и приблизили его к патриархальному молитвеннику («Сидуру»). Они восстановили богослужение на древнееврейском языке, в «дни покаяния» трубят в рог и т. п. Но все это, однако, не оказало ожидаемого воздействия на трудящихся. Сами раввины признают, что «серьезных признаков, свидетельствующих о возврате американских евреев в лоно религии, не наблюдается»².

¹ Альманах «На службе народа». Нью-Йорк, 1947, стр. 273 (на яз. идиш).

² «Иво-Блетер», 1949, т. XXXIII, стр. 128—129.

«Реконструктивизм» в иудейской религии представляет собой религиозный филиал буржуазной партии сионистов. Трудящиеся евреи Америки на своем собственном опыте убеждаются, что синагога — враг подлинной свободы. Поэтому они отходят от религии и включаются в общую борьбу пролетариата за завоевание лучшей жизни на земле.

Сильное влияние американский «конструктивизм» оказывает на государство Израиль, где иудаизм является государственной религией. Директор варшавского «Института еврейской истории» проф. Марк, несколько лет тому назад посетивший Израиль, писал: «Религиозно-фанатические элементы в Израиле выступают, чувствуя за собой поддержку определенных религиозных еврейских кругов в Америке. Они непримиримы, но составляют всего 10—12% населения. Поэтому глубоким противоречием кажется нам истинное положение вещей и их юридическая надстройка, когда люди нерелигиозные должны кланяться раввинистской «штраймл», разговаривающей от имени Моисеева закона»¹.

В Израиле синагога, пользуясь государственной поддержкой, ведет широкую пропаганду религиозного фанатизма на страницах печати, по радио, с университетской кафедры и парламентской трибуны. Особое внимание при этом уделяется привлечению молодежи, пропаганде в ее среде национализма и религии. В тель-авивской энциклопедии для юношества много места уделено мифическим библейским героям, деяния которых превозносятся с назидательной целью. Все те наивные сказки, какие содержатся в Библии, выдаются за исторические факты. О сказочном пат-

¹ Журнал «Идише шрифти» (Варшава), 1958, № 5, стр. 5.

риархе Аврааме, к примеру, говорится, что он «праотец народа нашего и является символом веры, так как по требованию бога Авраам был готов принести в жертву единственного сына Исаака»¹. В ряде книг, издаваемых в Израиле, воспеваются религиозные иудейские праздники, говорится о величии бога Яхве и т. п.

Синагога в Израиле призвана насаждать фанатизм и средневековые предрассудки, не останавливаясь ни перед каким варварством. Так, раввин Дискин из Пардэс-Хана в ноябре 1957 г. отказался хоронить на еврейском кладбище мальчика по причине того, что он родился от смешанного брака. Этот случай вызвал бурю негодований внутри страны и за ее пределами. Скандал в Пардэс-Хана стал предметом обсуждения в кнесете (парламенте). Депутат от клерикальной партии «Паолай Агудат Исроэл» Кац с трибуны парламента оправдывал действия раввина тем, что синагога призвана блюсти «чистоту расы»². Израильский церковник, таким образом, солидаризируется с расистами, которые под тем же предлогом сохранения «чистоты расы» творили в годы второй мировой войны кровавые дела, истребив десятки миллионов людей, в том числе 6 млн. евреев.

МОРАЛЬНЫЙ ДОГМАТИЗМ

Наряду с «конструктивизмом» апологеты синагоги поднимают на щит «этическую ценность» иудаизма.

«Этика,— писал еще в прошлом веке теолог

¹ «Энциклопедия леноар». Под ред. И. Авциона, т. I. Тель-Авив, 1957, стр. 20 (на яз. иврит).

² «Folks-Sztyme» (Warszawa), 12. XII. 1957.

Ф. Гетц,— это душа иудаизма, это *raison d'être*¹ иудейства. Будучи естественным продуктом его характера, полным и настоящим отпечатком его нравственной природы, она сумела проникнуть и обнять всю его жизнь и деятельность, его мышление, чувствование и стремление, так что иудейство своим бытием олицетворяло свое нравоучение².

Богослов пытается убедить, будто иудейская религия сводится к морали, скрывая подлинную сущность иудейской религии. Современные его собратья по вере выставили требование очистить иудаизм от спрута религиозных предписаний и запретов, выкристаллизовать в ней «моральное ядро». Так, по мнению одного из современных столпов иудаизма в США — М. Винера, настало время, чтобы узконациональную, полную запретов религию превратить в «рационалистическую, универсальную, чисто этическую религию... которую рекомендовали бы сейчас всем сынам человеческим в качестве нормы и критерия религиозной истины»³. Однако, подчеркивает Винер, необходимо иметь в виду, что требование о превращении иудаизма в общечеловеческую религиозную норму не освобождает иудея от выполнения заповедей Яхве. Когда, пишет он, говорят о религии гуманизма и ее миссии, нельзя забывать два аспекта этого вопроса: внешний и внутренний. Для завоевания симпатий и друзей вне еврейского народа проповедь ценности иудаизма обходит молчанием все вопросы, связанные с ритуалом и культом. Другое дело «внутренняя миссия» проповеди

¹ *raison d'être* — смысл бытия (франц.).

² Ф. Гетц. О характере и значении еврейской этики. «Восход» (Спб.), 1881, № 3 и 4.

³ М. Винер. Месснянская идея в традиционном и современном иудаизме. «Иво-Блетер», 1944, т. XXIV, стр. 10.

«религии гуманизма». Для самих евреев ее воспитательное значение обуславливается соблюдением религиозных обрядов, верой в богооткровенность ее догматов и т. п. «Потому,— говорит Винер,— даже реформированные раввины тщательно следят за тем, чтобы в общинах строго соблюдался ритуал. Правда, они не становятся сторожами кошерности пищи (*kauschewacher*), больше всего они — теологи, распространяющие религиозное мировоззрение, религию нравственных идей»¹.

Заявляя, что источником этих нравственных идей является Ветхий завет и Талмуд, Винер, как и другие иудейские богословы, рекомендует извлечь из библейского декалога² и многочисленных поучений Талмуда нормы и принципы для некой универсальной «этической религии». В предисловии к своей книге «Из родника Торы» канадский теолог Гледи Гелбфарб прямо пишет, что он ставит задачу «отыскать в Торе, Талмуде, хасидских повествованиях и т. п. вечную истину и придать ей модернистский вид»³.

Раввины в нашей стране в своих устных выступлениях также пытаются осовременивать обветшалые ветхозаветные предписания. Несколько лет назад проповедник в кишиневской синагоге, поясняя смысл талмудического поучения «Яхве создал мир ради Торы», говорил: «Без Торы нет справедливости, нет морали, если люди отворачиваются от нее, не выполняют ее заветы, то они обесценивают акт творения и ставят

¹ М. Винер. Мессиянская идея в традиционном и современном иудаизме. «Иво-Блетер», 1944, т. XXIV, стр. 18.

² Декалог — десять заповедей, изложенных в двух вариантах: в гл. XX кн. Исход и в гл. V кн. Второзаконие.

³ Гледи Гелбфарб. Из родника Торы. Монреаль, 1944, стр. 11 (на яз. идиш).

под угрозу существование самого мира». Проповедуя «этический» иудаизм, синагога в СССР сковывает духовные силы верующих евреев, сдерживает их устремления к познанию реальных законов объективной действительности, способствует обособлению их от других народов страны.

Идеологи иудаизма, повторяя библейскую версию о том, что правила морали были открыты пророку Моисею на горе Синае богом Яхве, пытаются убедить верующих, что эти правила вечны, даны для всех людей и времен. Однако анализ моральных предписаний Пятикнижия показывает, что эти утверждения построены на ложной основе. В так называемом декалоге первые три заповеди запрещают людям иметь других богов, кроме Яхве, не служить и не поклоняться и не «делать никакого изображения» Яхве (Исход, XX, 4). Приведенные уложения ничего общего с нормами нравственности не имеют. Они являются требованиями религиозного характера и вызваны были борьбой сторонников монотеизма против последователей многобожия, отражавшей классовую борьбу монархических властей рабовладельческого государства против первобытнообщинных и родовых традиций, господствовавших среди крестьянских масс Древней Иудеи. Социальный смысл первых трех предписаний декалога сводится к защите рабовладения и угнетения.

Далее в декалоге говорится: «Помни день субботний, чтобы святить его» (Исход, XX, 8). Книга Исход мотивирует святость субботы тем, что сам бог почил в этот день, закончив после шестидневных трудов сотворение мира. Второзаконие (V, 15) предписывает «соблюдать день субботний», потому что Яхве вызволил «свой» народ из египетского рабства. Если запо-

веди даны богом, то чем объяснить противоречивость в мотивах их появления? Бог сам толком не знает, зачем людям суббота? Справедливо сказано, что богу можно простить многое, потому что его нет. Но дело, конечно, не в боге. Разноречием библейских мотивов воспользовались раввины. Они опутали субботу своими предписаниями и запретили зажигать огонь, готовить пищу, поднимать какие-либо предметы, выполнять какую-либо работу, выезжать куда-либо, торговать, лечить больных и т. п. И легковверная масса, одурманенная раввинами, покорно исполняла все эти обременительные обряды, еще более проникаясь слепой верой в святость и ненарушимость субботы.

Разнобой в мотивах божьего повеления свято соблюдать субботу, а также раввинское толкование этой святости рельефно показывает надуманность и фантастичность ветхозаветного объяснения причин возникновения дня покоя.

Исследователи истории религии древних евреев связывают его с культом луны, в честь которой устраивались празднества. О связи лунных праздников с субботой сохранились некоторые следы в Ветхом завете. Во II книге Царей (IV, 22—23) жена просит у своего мужа осла и раба, чтобы посетить пророка Елисея. Муж спрашивает ее, как ей пришло в голову предпринять такое путешествие, ведь «сегодня не новомесячие и не суббота». В книге Амоса (VIII, 5) торговцы хлебом, нетерпеливо ожидающие своих барышей, говорят о каждом перерыве торговли: «Когда же пройдет новолуние, чтобы нам продавать хлеб, и суббота—чтобы открыть житницы, уменьшить меру, увеличить цену...» В книге Исайи (I, 13, а также LXVI, 23), во II книге Хроник (II, 3) и в Иезекииле

(XLVI, 1, 3) новолуние и суббота упоминаются рядом.

Согласно распространенным в прошлом верованиям, ночью во тьме злые духи особенно активны. А когда луна на небосклоне, демонам не разгуляться. Считали, что для того, чтобы луна постоянно светила ночью, необходимо умиловить ее жертвоприношениями, плясками и другими магическими действиями. Необходимо было, полагал верующий, и свое поведение обставить всякими запретами (табу). Суббота была посвящена духу луны, объявлена днем табу. В этот день нельзя было зажигать огонь, готовить пищу, работать, выходить из шалаша. Субботой отмечались фазы луны, а потому «день покоя» повторялся каждые семь дней. Таковы подлинные причины «святости» субботы. Выходит, институт субботы никакого отношения к морали не имеет. Наоборот, культ субботы был обставлен аморальными требованиями. За малейшее нарушение «дня покоя» люди подвергались жестоким карам. Так, например, человека, как рассказывает Ветхий завет, который собирал дрова в субботу, сам бог Яхве велел побить до смерти камнями (Числа, XV, 32—36). Ревнители иудаизма в государстве Израиль, выполняя эти предписания, творят в наши дни неслыханные безобразия. По сообщению прессы, в августовскую субботу 1963 г. ученики иерусалимского ешибота закидали камнями автобус, в котором находились иностранные туристы. Полиция арестовала наиболее активных хулиганов, среди которых оказался сын министра по делам культов Вархафтига¹. Так выглядит в действительности моральная ценность четвертой заповеди, трактующей о святости субботы.

¹ «Folks-Sztyme» (Warszawa), 6. VIII. 1963.

Пятая заповедь гласит: «Почитай отца своего и мать твою» (Исход, XX, 12). Требование уважать родителей — одно из элементарных правил морали, сложившихся в человеческом коллективе до появления каких бы то ни было религиозных представлений. Тем, что оно фигурирует в ветхозаветном декалоге, воспользовались иудейские клерикалы. Они толковали это требование в том смысле, что оно дает им право подавлять вольнодумные устремления молодежи, воспитывать ее в духе смиренности и послушания, расправляться с теми, кто поднимал бунт «против тяжелой руки наших отцов». О переживаниях мальчика, взбунтовавшегося против «повелений отцов», рассказывает в своей биографии польский ученый Леопольд Инфельд. «Формальности, — пишет он, — связанные с утренней молитвой, приняли мучительные для меня размеры, как это бывает с каждым еврейским мальчиком, когда ему минет тринадцать лет¹. Они заключались в том, что два кожаных кубика следовало класть — один на голову, а другой на левую руку. Эти кубики содержали в себе священные древнееврейские тексты, которые надлежало держать в течение получаса возле мозга и сердца так, чтобы их смысл постепенно перешел в мозг и сердце через кожаную оболочку и мою собственную кожу. Эти кубики прикреплялись к моей голове и руке кожаными ремешками. Однажды я заболел, и у меня было достаточное основание, чтобы не возлагать кубики на голову и на руку. Но перед богом и отцом я был не настолько болен, чтобы не прочесть молитвы по молитвеннику.

¹ Согласно иудейскому вероучению, в тринадцать лет мальчик становится «бар-мицва», т. е. достигает религиозного совершеннолетия. Отныне и вовек он сам несет полную ответственность перед богом за свои деяния и поступки.

Я встал с постели с головной болью, взял молитвенник и начал механически читать молитву. Но вдруг эта процедура, к которой я так привык, показалась мне идиотски бессмысленной. Возможно ли, задал я вопрос, чтобы бог слушал мою молитву? Ребенком я представлял себе господа бога огромным евреем с большой серебряной бородой, смотрящим на все из облаков. Но когда это наивное детское представление развеялось, уже ничто не заняло его место. Молитвы становились повинностью. А в ту минуту, когда я был болен, это была особенно тяжелая повинность. Я, более чем когда бы то ни было, осознал, насколько глуп и бессмыслен этот ритуал. Я закрыл молитвенник. В первый раз в жизни я не молился. Это было началом. В течение следующих нескольких месяцев я шаг за шагом совершал всевозможные грехи против ритуала. Я перестал молиться, писал в субботу».

Когда отец узнал обо всем этом, он, по рассказу Инфельда, избил сына до полусмерти. Может быть, он садист, который бьет сына без причины? Почему позже он помог мальчику «выбрать дорогу, столь отличную от той, которую он предназначил вначале своему единственному сыну?» «Мне кажется,— говорит Инфельд,— что сегодня могу ответить на эти вопросы. Я уверен, что мой отец был бы лучшим ученым, чем я, если бы имел возможности им стать... Жизнь его была трудной и бунт безнадежным. Примирившись с условиями своей жизни, он старался внушить себе, что они сносные и даже хорошие... Мой бунт пробудил в нем сомнения, мысли о его собственных утраченных возможностях. Злость и жестокость по отношению ко мне были его первой реакцией. Затем наступила перемена. Он видел в моей борьбе отражение своих несвершившихся мечтаний. Ему

казалось, что я, быть может, достигну того, что должно было выпасть на его долю»¹.

И ученый заключает: «Нас учат: «Слушайся отца и матери, ибо они хотят твоего счастья». С бóльшим основанием я мог бы сказать: «Восставай против отца и матери — и ты принесешь им счастье»».

Что касается остальных пяти заповедей (Исход, XX, 13—17), то их моральное содержание земного происхождения. Ничего абсолютного и сверхъестественного в них нет. С возникновением частной собственности и института рабства сложились нормы «не кради», «не желай дома ближнего твоего, не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его». Так как значительная часть Ветхого завета была написана в период господства рабовладельческих общественных отношений, то авторы Библии, защищая эти отношения, включили в моральный кодекс требования, охраняющие устои рабовладения.

Заповедь «не убивай» также была вызвана условиями времени и означала запрет на убийство только своего сородича.

Уровень и содержание моральных понятий определяются не религиозным сознанием, а экономическим строем и условиями материальной жизни общества. «С того момента, — писал Энгельс, — как развилась частная собственность на движимое имущество, для всех обществ, в которых существовала эта частная собственность, должна была стать общей моральной заповедь: Не кради. Становится ли от этого приведенная заповедь вечной моральной заповедью? Отнюдь нет. В обществе, в котором устранены мотивы к краже, где, следовательно, со временем кражу будут

¹ См. «Критика иудейской религии», стр. 408—416.

совершать разве только душевнобольные,— какому осмеянию подвергся бы там тот проповедник морали, который вздумал бы торжественно провозгласить вечную истину: Не кради!

Мы поэтому отвергаем всякую попытку навязать нам какую бы то ни было моральную догматику в качестве вечного, окончательного, отныне неизменного нравственного закона... Напротив, мы утверждаем, что всякая теория морали являлась до сих пор в конечном счете продуктом данного экономического положения общества»¹.

Нормы морали, которые идеологи иудаизма преподносят как якобы данные свыше, в действительности сложились в эпоху расцвета рабовладельческого общества. Правовой и моральный кодексы Ветхого завета и Талмуда строго охраняют частную собственность и принцип неограниченной свободы собственников распоряжаться ею. Центральное место в юридических и нравственных нормах Талмуда занимают вопросы, которые имеют отношение к купле-продаже и аренде земли, к эксплуатации рабов. Земля, как и рабы, считалась полной собственностью господина.

«В поте лица своего будешь есть хлеб свой»,— гласит библейское проклятие, которое Яхве наложил на человека. Талмудисты дополнили эти слова утверждением о том, что хлеб должен добывать раб. В Талмуде записано: «Человек не может обойтись без труда рабов» (Арахин, 28а), а Рабба предупреждал: «Кто отпускает своих рабов на свободу — разоряется, теряет свои владения» (Гиттин, 3б).

Раб не считался личностью, он не имел, например, права выступать на суде в качестве свидетеля.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 95.

С рабом обращались, как с вещью. Он мог быть продан, подарен, сдан в наймы, взят за долги, отдан по завещанию, заложен и т. д.

В вавилонском Талмуде, который редактировался в эпоху становления в Иранском государстве феодальных общественных отношений, нашло свое выражение и то обстоятельство, что в IV—V вв. рабский труд становится невыгодным, малопроизводительным. «Раб не зарабатывает даже столько, сколько он проест» (Баба-Кама, 97а). Рабы «спят больше, чем все другие» (Киддушин, 49б).

Будучи обобщенной формой выражения устоев рабовладельческого общества, талмудические право и мораль открыто защищали интересы рабовладельцев, духовной и земельной аристократии. Талмудисты учили, что народ подобен виноградной лозе: к виноградным гроздьям приравниваются мудрецы, а к листьям — труженики, которые своим физическим трудом обязаны кормить мудрецов.

В настоящее время проповедники Талмуда держатся за омертвевшие формы жизни, за обветшалые устои, правовые и этические нормы, которые были установлены с давних времен: «Остерегайтесь нарушать издревле установленные обычаи ваших предков» (Беца, 4б).

Проповедь о том, что бедность, страдания и бедствия полезны людям, широко используется и теперь имущими классами, которым во все времена выгодна идея о том, что за земные невзгоды, страдания и лишения трудящиеся массы получают «небесное вознаграждение».

Анонимный автор средневековой нравоучительной книги «Архот цадиким» («Пути праведных»), подводя итоги талмудическим поучениям о правилах поведе-

ния человека, писал: «Созерцание деяний божьих и дивных его творений, обнаруживших беспредельную и всеобъемлемую премудрость, в связи с анализом собственной ничтожной скудоумной и беспомощной особы, вызывает в человеке, с одной стороны, любовь к богу и страстное желание познать его сущность, а с другой — благоговение и страх перед ним». Забитый, покорный раб, лишенный чувства достоинства,—идеал человека, по Талмуду.

Выдающиеся деятели еврейской демократической литературы Менделе Мойхер-Сфорим, Шолом-Алейхем и Перец в своем творчестве гневно протестовали против «божьих» порядков нищеты и идеологии рабства. Защищая подлинное счастье народа, они отстаивали свободу личности, ее право на всестороннее развитие, на широкое участие в борьбе за переустройство социальной жизни на основе добра и справедливости. С тонким сарказмом они высмеивали покорных и послушных, обманутых религиозными обещаниями потустороннего блаженства и потому потерявших человеческое достоинство. В рассказе «Бонче-молчалик» Перец бичует иудейскую религию, воспитавшую «молчаливого» труженика Бонче и обворовавшую в нем черты человека. «Туманной, влажной весенней ночью попал он в большой город. Он был там лишь каплей в море. И первую же ночь он провел в полицейском участке... Он молчал, не спрашивал за что? По выходе оттуда, стал искать самой трудной работы, и все молчал... Обливаясь холодным потом, согнувшись под самой тяжелой ношей, с судорогами в пустом желудке, он молчал... Даже своего собственного заработка он никогда не требовал громко. Как нищий, становился он у дверей, и в глазах его светилась мольба голодной собаки. «Приходи потом»,— и он исчезал тихо,

как тень, чтобы потом еще тише выклянчивать свой заработок...»¹ Ни слова протеста против бога, против угнетателей. Поэтому его на том свете встречают с почетом: «Ангелочки спели в его честь гимн, а праотец Авраам потряс ему руку, как старому приятелю, и в раю для него уготовлено кресло»².

Неоднократно возвращаясь к волнующей его теме «право человека на достойную жизнь», Перец в своих новеллах и сказках решительно опровергал религиозное мировоззрение и этику.

Однако вернемся к моральным поучениям Талмуда. Из проповеди о человеке, проникнутом после грехопадения злыми намерениями, талмудисты вывели геологические законы морали: страх божий, смирение, веру и божью милость как источник счастья.

Утверждая, что в самой человеческой природе заложена склонность ко злу (Киддушин, 30б), талмудисты призывают человека бояться бога, служить ему всем сердцем, всей душой. Кто будет бояться бога, тому они обещают долгую жизнь и «благословение божье».

В талмудическом трактате «Абот», имеющем религиозно-нравственное содержание, откровенно формулируется социальный смысл богословско-этического требования страха божия: «Не будьте подобны рабам, служащим своему господину за плату, будьте подобны тем, кто служит своему господину без мысли о плате, и пусть только страх перед богом будет всегда в вас» (Абот, I, 3). Вся жизнь человека, по Талмуду, должна проходить в страхе перед богом.

Единственный источник счастья, говорят талмуди-

¹ И. Л. Перец. Рассказы и сказки, стр. 23—24.

² Там же, стр. 21.

сты, это — божья милость. Только она способна избавить человека от зла и направить его на стезю добра и справедливости.

Добро понимается Талмудом главным образом в религиозном смысле. Добро творит тот, кто выполняет заповеди господни, ведет праведный образ жизни, гасит в себе стремление к познанию окружающего, отказывается от борьбы против социального зла.

Талмуд рассматривает все категории морали абстрактно, в отрыве от социальных условий, породивших формы общественного сознания. Талмудисты скрупулезно разбирают вопросы об отношении человека к богу, защищая при этом культ частного интереса и индивидуального счастья. Они требуют от человека эгоистической заботы о спасении своей души и об обеспечении себе личного благоденствия в потустороннем мире. Нравоучения Талмуда, как и других религиозных книг, духовно калечат верующего человека, воспитывая в нем себялюбца, индивидуалиста, возведя в добродетель самоуничтожение.

Рабби Элханон учит: «Только тот вполне утвердит слова учения, кто станет при этом рассматривать себя как ничто» (Сота, 21б). Рабби Левитес говорит: «Очень глубоко смири свою душу, ибо будущее человека — тлен» (Абот, IV, 4). Вполне понятно, что эти нравоучения Талмуда противоречат коммунистическому воспитанию и мешают формированию таких качеств характера, как гордость, независимость, сознание собственного достоинства и творческая активность.

Талмуд делит всех людей на две социальные группы: людей низкого происхождения — народ земли (ам-хаарец) и людей высокого происхождения (зажиточных и талмуд-хахамов, т. е. мудрецов, знатоков

Тору и Талмуда). Авторы Талмуда третируют ам-хаареца. Особенно часто Талмуд напоминает ам-хаарецу, что он создан низким и презренным. В понятии «ам-хаарец» Талмуд объединяет людей, не знающих Тору, рабов, мелких и обездоленных крестьян и им подобных. Зато он непрестанно воспеваёт богачей, зажиточных хозяев и особенно талмуд-хахамов. И немудрено. В большинстве своём составители и редакторы Талмуда были людьми зажиточными, эксплуатировавшими чужой труд.

В своём воспевании «мудрецов» богословия, сильных мира сего и власть имущих талмудисты не знали границ. «Пусть,— поучают они,— человек продаст все, что есть у него, и возьмёт в жены дочь талмуд-хахама: не нашёл он дочери талмуд-хахама, пусть возьмёт дочь великих мира сего, не нашёл дочери великих мира сего, пусть возьмёт дочь главарей синагоги, не нашёл дочери главарей синагоги, пусть возьмёт дочь казначея организации благотворительности, не нашёл дочери казначея, пусть возьмёт дочь учителя маленьких детей, но пусть не берёт дочери аш-хаареца, ибо это люди подлые. Сказал рабби Элеазар: ам-хаареца разрешается убить даже в судный день, выпавший в субботу. Сказал рабби Иоханан: ам-хаареца можно разодрать, как рыбу» (Песахим, 49б).

Такие поучения не могут не вызвать у простых людей ненависти к талмудистам. Об этом свидетельствуют сами талмудисты. Рабби Элеазар говорил: если бы мы не нужны были ам-хаарецу, то он бы нас убил. Рабби Акиба говорил: когда я был ам-хаарец¹, я утверждал: если бы мне попался талмуд-хахам, я

¹ Согласно легенде, он был низкого происхождения и стал законоучителем в зрелом возрасте.

бы укусил его, как осел. Сказали ему ученики: рабби, скажи, «как собака». Он ответил им, тот кусает и ломает при этом кость, а эта кусает и не ломает кости (Песахим, 49б).

Большое место в Талмуде отводится могуществу праведника: «Я (Яхве) имею власть над людьми, а надо мною имеет власть праведник, ибо я определяю (человеку) наказание, а он (своими молитвами) отстраняет его» (Моэд катан, 16а).

К числу великих праведников Талмуд относит законоучителей. Их он ставит очень высоко, чуть ли не на одном уровне с самим богом: «Кто сердит законоучителя или думает дурно о нем — грешит так же, как если бы это относилось прямо к богу» (Сангедрин, 110а). Талмуд оберегает богословов. «Если кто-нибудь из них даже согрешил, то его не следует позорить публично» (Менахот, 99б).

В моральных поучениях Талмуда земной греховной жизни противопоставляется идеальная жизнь на небесах. Это раздвоение мира в сознании человека является отражением социальной подавленности человека в эксплуататорском обществе. Гнет и унижение вызывают религиозное «самоотчуждение» человека и водворяют его в облака. Поэтому борьба с религией в условиях капитализма есть не только критика религиозных поучений, но прежде всего борьба за социальный прогресс, демократию и социализм.

В моральной системе Талмуда особое внимание уделено женщине. В комментариях к ветхозаветной легенде о сотворении Евы из ребра Адама талмудисты утверждают, что бог долго раздумывал, из какого члена тела Адамова сотворить Еву. Не сотворю я ее, рассуждал бог, из головы, чтобы она не поднимала высоко головы, не из глаза, чтобы не подсматривала,

не из уст, чтобы не болтала, не из сердца, чтобы не была завистлива. Наконец он решил сотворить ее из скрытого органа, из ребра, чтобы она была скромной: «При каждом органе, который бог создавал ей, он приговаривал: будь скромной, будь скромной» (Берешит раба, VIII, 3).

Духовно унижая женщину, Талмуд приписывает ей только отрицательные качества: лень, завистливость, болтливость, истеричность и т. п. Все рады, заключают талмудисты, при рождении сына и грустны, если рождается дочь.

Женщина, по Талмуду,— рабыня своего мужа: «Все, что человек хочет делать с женой, он делает,— вроде как мясо с бойни, хочет есть с солью — ест; [хочет есть] жареным — ест; вареным — ест» (Недарим, 20б). Удел женщины: девушкой — быть под властью отца, супругой — находиться под властью мужа (Кетубот, XIV, 4).

Женщина — узница. Она должна сидеть дома, взаперти, замыкаться в четырех стенах своей комнаты, ни с кем не общаться, проводить свою жизнь в полном уединении. Еврейской женщине запрещается «посещать театры и цирки чужих народов» (Мидраш Руфь). По мнению талмудистов, заплетать свои волосы — вот что доставляет женщине самое большое удовольствие (Эрувим, 100б).

Талмуд отказывает женщине в гражданских правах. Она, как и раб,— не личность, не может явиться в суд, призывать свидетелей или самой быть свидетелем (Рошгашано, I, 8). Она не имеет права на образование, на чтение каких-либо книг. Даже знакомиться с Библией ей не позволено. Рабби Элеазар предостерегал: «Обучать свою дочь Торе — это то же, что воспитывать ее в распутстве» (Сота, 20а). Он же

говорил: «Вся мудрость женщины в веретене» (Иома, 66б).

Талмуд запрещает женщине заниматься общественным трудом. Она должна работать только дома для мужа своего. «Вот работы, которые жена исполняет для мужа своего: она мелет зерно, печет, стирает белье, варит, кормит грудью своего ребенка, стелет постель и обрабатывает шерсть. Если она принесла ему (в приданое) одну рабыню, то она не мелет, не печет и не стирает, если (она принесла) двух рабынь, то она не возит и не кормит грудью своего ребенка, а если трех, она не стелет для него постели и не обрабатывает шерсть, а если четырех, она садится на кафедру. Рабби Элеазар говорит: хотя бы она ему принесла сто рабынь, он может заставить ее обрабатывать шерсть, потому что праздность ведет к разврату» (Кетубот, V, 5).

Женщина предназначена для рождения детей (Кетубот, 59а). Отказаться от брака — преступление и грех. «Кто отказывается от супружества, нарушая тем заповедь о размножении рода человеческого, тот считается душегубом, уменьшающим число подобий божьих» (Иевамот, 63б). Однако женщине нельзя выходить замуж по велению сердца. Брак совершается не по любви, не по выбору, не по доброй воле, а по принуждению.

При выборе жены Талмуд советует мужчине не обращать внимания ни на красоту женщины (красота — суэта, миловидность — обман), ни на ее умственные способности, дарования, а ценить только ее происхождение.

В Талмуде детально разработано бракоразводное право, которое призвано регулировать семейные отношения, сложившиеся в эпоху рабовладения. Основу

общества, по учению талмудистов, составляет семья, которая складывается следующим образом: 1) домо-владыка—полновластный господин семейства, 2) женщина — средство прибавления семьи, 3) рабы, обязанные трудиться. В соответствии с таким пониманием основ общества талмудисты рассматривают брак как имущественную сделку, в силу которой женщина отдается под неограниченную власть ее мужа. Сделке предшествует сговор, который облекается в письменную форму. В нем перечисляются обязанности нарекенных, определяются размер приданого и способы его уплаты.

Законы в области семейных отношений, брака и развода, созданные талмудистами и зафиксированные в Талмуде, были типичны для рабовладельческого общества. Подобные законы имеются в интерпретации римских юристов II—III вв. н. э. Так, преподаватели римских юридических школ Юлиан, Ульпиниан, Гай и др. ставили и решали такие же казусы по вопросам брака и развода, которые дебатировались, обсуждались и решались в трактатах Иевамот и Кетубот.

Однако семейное право в Талмуде толкуется в религиозном духе, окружено туманом мистики. Браки, учат талмудисты, заключаются на небесах. В Талмуде сказано: за 40 дней до рождения ребенка бог назначает ему супруга в его будущей земной жизни (Сота, 2а).

В Талмуде подчеркиваются особые права мужчин. Мужу разрешается расторгнуть брак по любому поводу. Гиллель, например, учил, что поводом для развода может служить недостаток откровенности жены, а рабби Акиба утверждал, что если мужчина увидел женщину красивее своей жены, то он вправе развестись с женой.

Талмуд свыше тысячи лет служил источником, из которого раввины черпали оправдания для умаления человеческого достоинства женщины.

Вот характерный случай, который произошел в Переяславе и был описан на страницах еженедельника «Будущность» (1900, № 8). Одному еврейскому парню, сыну местного водовоза, одержимому падучей болезнью, приглянулась девушка, которая не отвечала ему взаимностью. И вот в один прекрасный день влюбленный парень застигает облюбованную им девушку врасплох и в присутствии заранее приглашенных им двух свидетелей насильно напяливает ей на палец колечко, произнося при этом установленную раввинами венчальную формулу. Согласно иудейскому вероучению, одно надевание мужчиной на палец незамужней женщины кольца с произнесением при этом установленной формулы в присутствии свидетелей превращает женщину в законную жену того, кто проделал над ней такую манипуляцию. Девушка, таким образом, неожиданно сделалась против своей воли женой эпилептика. Несчастная бросилась к местному раввину, но безуспешно. И суд отказал девушке. Она — бесправное существо. Она не вправе распоряжаться своей личной судьбой. Талмудистская формула — превыше всего.

В Талмуде «обосновывается» так называемый левиратный брак¹. Сущность его заключается в следующем: если братья живут под одной крышей и один из них, состоящий в браке, умер, не оставив сына, то жена умершего не имеет права выходить замуж за постороннего, деверь должен взять ее в жены. Талмуд мотивирует это правило тем, что брат обязан сохра-

¹ Левират (от латинского *levir*) — деверь.

нить в роду все имущество покойного, в том числе и вдову, которая считается неотчуждаемой собственностью рода, семейства.

Раввины и поныне ревностно соблюдают талмудическое бракоразводное право, из которого они черпают оправдание социального ограничения и принижения женщины. В государстве Израиль в вопросах семьи, брака и развода синагога одержала полную победу. «Счастье тысяч семейств,— пишет прогрессивная деятельница Рут Любич,— находится в руках клерикалов. Существующий закон о браке — позор для страны»¹.

Поучения Талмуда о женщине возведены в Израиле в закон. Женщины не имеют права на получение наследства, не могут выступать в суде первой инстанции в качестве свидетелей. Женщина лишена права на развод. Если муж отказывается дать жене развод, то ни одна судебная инстанция не может расторгнуть брак.

Талмуд принижает не только человеческое достоинство женщины, но и вообще личность человека. Поучения Талмуда проникнуты фатализмом, предопределенностью: все предусмотрено богом, все зависит от его повелений. Рабби Элеазар Каппор учил: «Знай, что все — по счету, соразмерно содеянному; не уверяй себя, что могила для тебя — убежище, ибо не по своей воле ты родился, не по своей воле живешь, не по своей воле умрешь и не по своей воле отдашь отчет царю царей, святому» (Абот, IV, 22).

Фатальная обусловленность действий человека лишает его какого-либо выбора, вся его жизнь зависит

¹ Сб. «10 лет деятельности прогрессивных организаций в Израиле». Тель-Авив, 1958, стр. 15 (на яз. идиш).

от слепых внешних сил. Моральные мотивы человека побуждают его, проповедуют законоучители, вести праведное, богоугодное существование, не обращая никакого внимания на процессы реальной действительности.

Некоторые современные богословы, приспособляясь к требованиям времени, усиленно отыскивают сентенции Талмуда, благословляющие ремесло и любовь к ближнему, пытаясь выдать их за систему гуманизма и справедливости, а некоторые стараются согласовать этику Талмуда даже с требованиями коммунистической нравственности. Однако попытка отождествить коммунистическую мораль с моральными поучениями Талмуда не выдерживает критики, ибо мораль иудаизма фактически защищает частную собственность, гнет и эксплуатацию. В иудействе, как и в любой другой религии, эксплуататорские классы всегда находили могучее средство укрепления своего господства и угнетения масс евреев. Превознося «гуманные» нравственные правила, записанные в «священных» книгах, теологи иудаизма, по существу, оправдывают «моральное право» сильного грабить слабого, право эксплуататоров беспощадно угнетать эксплуатируемых.

Иногда верующие спрашивают: разве религиозная мораль никогда в истории никакой положительной роли не сыграла? На поставленный вопрос ответим словами великого поэта Гейне. «В течение времен,— говорил он,— народы лучше всего руководствовались религией, подобно тому как глубокой ночью слепой может считаться нашим лучшим провожатым. Он лучше, чем зрячий, знает пути и перепутья. Но глупо, когда наступает день, все еще пользоваться помощью старого слепца».

Мы живем в эпоху утверждения коммунистических основ жизни. И только мораль коммунистическая является подлинно гуманистической моралью. Она выражает интересы всех трудящихся, призывая к борьбе за светлую, свободную и счастливую жизнь. «Отвергая классовую мораль эксплуататоров, коммунисты противопоставляют извращенным эгоистическим взглядам и нравам старого мира коммунистическую мораль — самую справедливую и благородную мораль, выражающую интересы и идеалы всего трудящегося человечества»¹.

Религиозная мораль отстаивает гьму и невежество, коммунистическая — свет и истину. Религиозная мораль вся в прошлом, коммунистическая устремлена в будущее.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ

Новая характерная особенность современного иудаизма выражена в поисках единства с христианством. Впервые об этом заговорил в конце прошлого столетия идеолог крупной еврейской буржуазии в Англии Клод Монтефьоре. Решив устранить все препятствия с пути единения христиан с иудеями, Монтефьоре заявил, что Новый завет, по крайней мере евангелие, нужно рассматривать как часть иудаизма, а Христос должен быть почитаем пророком во Израиле². «Если иудаизм, — писал Монтефьоре, — не примирится с евангелием, то я склонен верить, что он вынужден будет остаться навсегда изолированной религией, пользующейся незначительным влиянием и лишенной силы распространения. Ортодоксальные евреи скажут,

¹ «Программа КПСС», стр. 119.

² «Jewish Quarterly Review». London, 1897.

что им больше не нужно, но либеральные евреи не могут удовлетвориться столь немногим»¹.

Вторя лондонским еврейским магнатам, идеолог русского иудейства М. Каценельсон заявил: «По тождеству выражения основные идеи христианства и юдаизма, пожалуй, совпадают»². Это единство идей Каценельсон усматривает в учении о единобожии, «защите слабых» и «мессианизме». Некоторые иудейские теологи в США рекомендуют отбросить в сторону споры между христианством и иудаизмом по такой, как они выражаются, теологической проблеме, какой является проблема «триединства и чистого монотеизма». Христианским богословам и философам, говорят они, пора понять, что в наш трудный для религии век гораздо легче теоретически обосновать бытие одного бога, чем существование в единстве трех богов. Они повторяют то, что ныне говорят и представители различных христианских церквей: для сохранения религии и укрепления ее позиций, все более подрываемых успехами науки, надо сблизиться разным религиям, надо создать единый религиозный фронт.

Идея сотрудничества иудаизма с христианством и другими религиями находит своих защитников и в наше время. Сторонники установления союза между синагогой и католической церковью, христианством и иудаизмом, для того чтобы объединенными силами вести борьбу против материализма и атеизма в США, создали специальный межрелигиозный институт под названием «Interdenominational Institute»³. Иудеи наравне с христианами имеют свой радиочас, в эфире читают проповеди о трогательном братании синагоги

¹ C. Montefiore. The Synoptic Gospels. London, 1909, p. 906.

² М. Каценельсон. Основные идеи юдаизма, стр. 53.

³ См. «Иво-Блетер», 1949, т. XXXIII, стр. 128.

и церкви, которые, как известно, столетиями враждовали друг с другом. Перед всепобеждающей силой научного материализма служители различных религий готовы забыть недавние религиозные кровавые столкновения и протягивают друг другу руку.

Среди верующих евреев в США наблюдается ныне переплетение иудейских религиозных обычаев и обрядов с христианскими. А. Друкер свидетельствует, что «ритуалы христианства проникают в повседневную жизнь американских евреев»¹, во многих городах евреи празднуют христианский сочельник одновременно с иудейским праздником ханука, в школах еврейские дети празднуют христианскую пасху наряду с иудейской. «Насколько глубоко христианские религиозные представления,— пишет Друкер,— проникли в еврейскую среду, можно судить по изменившемуся отношению к Христу»².

Объединительные тенденции в религиозной области поддерживают и «светские» люди. Французский буржуазный историк Жюль Изаак под лозунгом борьбы против «религиозного антисемитизма», как источника «политического и нацистского антисемитизма», организовал в 1947 г. общество «Иудео-христианской дружбы». На конференции, которая состоялась в июле 1947 г. в Зелисберге (Швейцария), представители этого общества, иудеи и католики, приняли программный документ, названный «Десять пунктов Зелисберга». В нем, в частности, говорится о том, что христианство — это резюме иудаизма, что со страниц

¹ «Иво-Блетер», 1949, т. XXXIII, стр. 126.

² Там же, стр. 127. Друкер под изменившимся отношением к Христу имеет в виду роман «Человек из Назарета» видного еврейского писателя Ш. Аша, в котором автор восторженно рисует образ мифического основателя христианства и воспекает его.

Ветхого и Нового заветов говорит один и тот же бог, что Иисус Христос рожден еврейской девственницей, являющейся дочерью потомка Давида и т. п., а потому евреи не могли злобно принять проповеди Христа. Документ заканчивается обращением к главе католической церкви о снятии с евреев необоснованного обвинения в распятии Иисуса Христа¹.

Профессор Изаак добился приема у папы Пия XII, однако папа отклонил «Десять пунктов Зелисберга». И по вполне понятным причинам. Пий XII неоднократно высказывал свое благосклонное отношение к фашизму. Он ни разу не проклял того, кто безумствовал в Европе больше двадцати лет, угоняя в рабство, сжигая в печах десятки миллионов людей, в том числе 6 миллионов евреев. С появлением пьесы западногерманского драматурга Рольфа Хохута «Наместник» мировая общественность была потрясена, узнав правду о благосклонном отношении Пия XII к фашистским зверствам в годы второй мировой войны.

После смерти Пия XII Изаак 16 июня 1960 г. был принят новым главой Ватикана, Иоанном XXIII. Новый папа с вниманием встретил зелисбергскую декларацию. Он распорядился убрать из пасхальных молитв проклятия в адрес евреев и обещал поставить вопрос о снятии с них навета о распятии Христа на Вселенском соборе. На первых сессиях Ватиканского собора трижды ставился вопрос, выдвинутый декларацией. Однако в связи с напряженными отношениями между арабскими странами и государством Израиль мистический догмат о распятии обрел в наши дни исключительно острый политический характер. На

¹ См. «Паризер цайтшрифт» (Париж), 1963, № 32, стр. 91—97 (на яз. идиш).

третьей сессии собора в ноябре 1964 г. была обнародована «схема», осуждающая антисемитизм и призывающая к примирению, освобождению еврейского народа от несправедливого обвинения в тяжких преступлениях по отношению к Христу. Но под влиянием кардиналов арабских стран Павел VI в апреле 1965 г. в предпасхальной мессе заявил, что за распятие Христа все же несут ответственность евреи¹.

Несмотря на известные колебания, Ватикан, однако, идет навстречу объединительным устремлениям иудаизма. Специальная ватиканская комиссия занимается вопросами сотрудничества с иудаизмом, исламом и другими религиями. Поисками «религиозной общности» церковники стремятся затушевать классовые различия внутри каждого народа, силу и значение классовой борьбы на международной арене. Этим и объясняется тот факт, что на IV сессии Ватиканского собора в октябре 1965 г. был наконец принят так называемый «еврейский документ», в котором выражается сожаление по поводу антисемитизма и убежденность в том, что еврейский народ не повинен в распятии Христа.

НЕОХАСИДИЗМ

В нашу эпоху, когда идеи коммунизма прокладывают себе дорогу к сердцам даже самых забытых людей капиталистического мира, защитникам суеверия и мистики приходится изворачиваться. И они, обращая свои взоры к прошлому, ищут там фигуру такого «святого», именем которого можно было бы прикры-

¹ «Folks-Sztyme» (Warszawa), 15. IV. 1965.

вать свое враждебное отношение к передовым идеям современности.

Защитники иудаизма такую фигуру нашли. Ею оказался Бешт. «Ныне,— пишет прогрессивный израильский историк Р. Малер,— раздаются голоса в пользу ревизии и переоценки ценностей. Имеются люди, которые рассматривают просветительство (гаскалу) как первородный грех и основу всех болезней в культурной жизни еврейского народа. Само собой понятно, что эти люди идеализируют и превозносят хасидизм»¹.

Мистика хасидизма поднята на щит многими иудейскими клерикалами. Третируя просвещение, знания и материалистическую философию, они в огромном количестве издают литературу, в которой превозносят бештианство, его «самобытность» и «непреходящую ценность» для еврейского народа, его «глубину» и «демократичность» для всего человечества. Адепты бештианства усиленно распространяют легенду, будто хасидизм близок и понятен всем, и особенно трудящимся. Так, рассказывают они, в судный день, когда Бешт в окружении своих последователей горячо молился, в синагогу зашел христианский мальчик. Богослужение его удивило, и он спросил: «Что тут происходит?» Ему объяснили, что это судный день, когда бог предreshает судьбы людей на год вперед, и потому молятся, чтобы год был счастливым.

Тогда этот христианский мальчик сказал: «Жаль, что я не понимаю по-вашему, я бы тоже помолился». Заложив палец в рот, он свистнул, сказав при этом: «Хоть свистну для вашего бога». Бешт улыбнулся.

¹ Р. Малер. Борьба между просветительством и хасидизмом в Галиции в первой половине XIX в. Нью-Йорк, 1942, стр. 6 (на яз. идиш).

По окончании молитвы приверженцы спросили своего учителя:

— Что это вы во время молитвы улыбались, допустимо ли это?

На что последовал ответ:

— Внутренним оком я узрел, что бог сердится на нас и предназначтал нам зло и горе. Мои молитвы о прощении, об отмене страшных решений не были приняты всевышним. А вот этот мальчик, который свистнул от чистого сердца, повлиял на бога, и он отменил свое прежнее предназначение.

Подобными проповедями преследуется двоякая цель. Первая — убедить верующих, что главное в религии не разум, а сердце, чувство, преданность богу. Вторая заключается в том, что идеологи иудаизма, в особенности в США, как уже говорилось, ищут пути, которые сблизили бы иудейство с христианством.

Один из активных возрожденцев хасидизма в США, Менаше Унгер, утверждает, что Бешт и его ученики «выросли из еврейских народных масс и защищали простого человека, подняли низшие слои народа и обнищавшую мелкую буржуазию на более высокую ступень, вселяя в их разочарованные души веру и радость»¹. Приукрашивая мистику и догмы бештианства, Унгер хулит и разносит просветителей, их прогрессивную роль и борьбу против мрака и суеверия. «Только просветители,— пишет Унгер,— были ослеплены и не способны были узреть великое значение хасидизма. Только они направили свои стрелы против догм хасидизма, только они не хотели и не способны были заметить национальную движущую силу хасидизма, нацио-

¹ М. Унгер. Хасидизм и праздники. Нью-Йорк, 1958, стр. 9 (на яз. идиш).

нальную и социальную мощь хасидизма»¹. Унгер, захлебываясь, воспекает «огромную теплоту», которой Бешт оживил окостеневший иудаизм.

Хасидизм дорог современным клерикалам тем, что его «социальная мощь» уводит еврейские народные массы от насущных задач классовых битв, от общепролетарской борьбы против эксплуатации и гнета.

Лондонский защитник хасидизма М. Майер не оперирует красивой фразеологией, как Унгер. Майер без обиняков от имени Бешта проповедует: «Если человек молится и выпрашивает у бога материальные блага, то его молитва тщетна. В этом случае образовывается материальная завеса между человеком и всевышним, потому что молящийся хотел привнести грубое начало в область духа. Такая молитва остается безответной»². Вот, оказывается, где собака зарыта: правоверному приверженцу Бешта нечего свой нос совать в дела «материальные», даже с богом на эту тему вести разговор запрещено.

Современные проповедники хасидизма играют ту же роль, которую веками играли раввины, прикрывая словами о молитве политику угнетающих классов. Прославляя значение молитвы и оговаривая ее содержание, майеры учат трудящихся евреев жить в покорности и терпении в земной жизни, утешая надеждой на небесную и «духовную» награду.

Как было сказано, всебожие и молитва — основа вероучения Бешта. Унгеры, майеры и прочие «певцы» неохасидизма восхваляют «чудотворца» именно потому, что главные его вероопределения призывают человека отрешиться от всех земных дел и заняться толь-

¹ М. Унгер. Хасидизм и праздники, стр. 9 (на яз. идиш).

² М. Майер. Рабби Израиль Бешт, стр. 108.

ко созерцанием сверхъестественного существа. Из основных идей бештианства делается прямой вывод: все в мире имеет реальное бытие только от бога и в боге, стало быть, вместо того чтобы увлекаться земными страстями, гораздо лучше соединиться с источником и творцом этих страстей, по мановению которого все возникает и исчезает. Теолог Майер объявляет Бешта высшим проявлением «народного духа» на том основании, что этот «чудодей» отверг значение разума и страстей человека и призывал любить бога, слиться с мировой сверхчувственной силой.

«Человек,— пишет Майер,— должен, согласно Бешту, свою любовь к богу ставить выше всех своих наклонностей, хотений и стремлений. Любую страсть обязан человек сверить с чувством любви к богу. Оно должно стать мерилом поведения индивида»¹. Майер иллюстрирует эту мысль примером, позаимствованным из «Завещания Бешта». Вот, скажем, ты смотришь на красивую женщину и наслаждаешься ее красотой, но подумай же, откуда к ней пришла такая красота, ведь если бы она была мертвая, этой красоты бы не было в ней; следовательно, красота ее зависит от божественной жизненной силы, разлитой в ее теле... Стало быть, корень красоты в силе божьей, но в таком случае сообрази, зачем увлекаться отпрыском и частью, когда можешь прилепиться к самому корню, к целому, к источнику и высшему совершенству красоты»².

Майер откровенно говорит, что ценность моральных норм хасидизма в отрицании ими зла. Следует не забывать, поучает он, что зло, по Бешту, — лишь низшая ступень добра, а потому «зло ведет к добру, и,

¹ М. Майер. Рабби Израиль Бешт, стр. 99.

² Там же.

стало быть, никогда нельзя огорчаться, даже тогда, когда причиняют зло»¹. Не надо огорчаться, не надо бороться против зла, призывает клерикал. Человек должен уповать на бога, пребывать в молитве и в радости. «Надеюсь на бога и страх божий в моей душе»², — вот, говорит Майер, то, к чему сводятся основные нравственные правила бештианства.

Всячески популяризируя моральную доктрину хасидизма, ее обновленцы на все лады расписывают преимуществ, которые она якобы дает людям. Главное из них — постоянная радость. Скорбь и заботы, пишет Майер, принижают дух, притупляют чувства. Хорошо якобы поклоннику бештианства: он постоянно пребывает в приподнятом настроении, ибо постоянно молится, а вступить в контакт с богом при помощи молитвы можно только посредством «внутреннего огня», экзальтации. Бешт, говорит Майер, был мудрым нравов учителем и великим психологом. То, к чему пришли современные психологи, подчеркивая значение радости для здоровья, проповедовал основоположник хасидизма 200 лет назад. По его учению, от всех невзгод выход один: слиться в экстазе с божеством. «Печаль, огорчение увеличивают горести, подрывают веру, мешают богослужению и могут привести к потере потустороннего и земного мира»³. Итак, заключает Майер, в боге спасение от всех бед и зол. И люди, поучает он, должны радоваться возможностью молиться и пребывать в боге.

Однако «пребывающих в боге» становится все меньше и меньше.

¹ М. Майер. Рабби Израиль Бешт, стр. 122.

² Там же.

³ Там же.

Апологеты иудаизма предпринимают усиленные меры для привлечения молодежи к синагогальному культу. Так, за последнее время рекламные щиты американских синагог зазывают верующих обещанием «обилия веселья» во время богослужения. Одна такая реклама представляет собой нарисованную голову быка с надписью: «Это не бык, а танец большой страсти и силы». Афиша от имени молодежной религиозной организации сообщает, что в принадлежащей ей синагоге во время молитв будут «самые красивые еврейские девушки» и «много танцев».

Руководители синагог США поддерживают такого рода рекламу, рекомендуя обставить синагогальный культ танцами, песнопением и т. п., так как только таким способом можно завербовать молодежь. Раввины оправдывают новоявленные «элементы культа» тем, что «приверженцы хасидизма признают только такую молитву, которая проникнута радостью и сопровождается танцами»¹.

Значительное место в защите неохасидизма занимают религиозные праздники. Проповедники неохасидизма, совершенствуя методы религиозного воздействия на верующих, выделяют «национальное зерно», содержащее в пасхе, субботе и других иудейских праздниках. Раздувая чувственный момент человеческого сознания, обновленцы бештианства уделяют много внимания искусству чудотворения в праздники, в дни, избранные богом Яхве для покоя, веселья и радости.

В расчете на замороченные хасидизмом головы Унгер воспроизводит легенды о чудесах, творимых цадиками в субботу. Так, рассказывает он, благодаря свя-

¹ См. «Идише шрифти» (Варшава), 1965, № 5, стр. 15.

тости субботы хасидский ребе, слывший Кожицким магидом (проповедником), обратил в свою веру некоего Шимона, долгие годы упорствующего в своем антихасидизме. Было это так. В пятницу умер Шимон. Ввиду надвигающейся субботы к телу умершего сутки никто не дотронулся. Вечером, на исходе субботы, пришли люди из похоронного братства, чтобы приготовить Шимона к обряду захоронения. Однако они были удивлены, заметив, как он медленно возвращается к жизни. Что случилось? Шимон стал рассказывать, что в пятницу душа его, отделившись от тела, достигла неба. Но и там начался праздник субботы и никто из небожителей не обратил внимания на его душу. Не до того им было. Все ангелы-служители были заняты сообщением о том, что там, на земле, Кожицкий магид отправился в синагогу на субботнюю молитву. Молитва ребе поднята была на небо. Увидев душу Шимона, она взяла ее за уши и, сказав: «Ты еще слишком молода», сбросила ее обратно на землю. Вернулась она в мое тело, заключил Шимон, и я ожил. С тех пор Шимон стал страстным приверженцем хасидизма и ребе, активным пропагандистом его идей и святости субботы.

Унгер понимает, что для современного человека воссозданная им легенда по своей нелепости может оттолкнуть от хасидизма любого здравомыслящего человека. Потому он замечает, что возвращение к жизни мертвеца это такое чудо, которое в состоянии был творить лишь сам Бешт. Рассказал же он эту историю для того, чтобы подчеркнуть, «на какую высокую ступень ставили своих ребе простые люди из народа», чтобы понять «дух и внутренний мир народа»¹.

¹ М. Унгер. Мир хасидизма. Нью-Йорк, 1955, стр. 94 (на яз. идиш).

В неохасидизме цадики, которые насаждали фанатизм, боролись против проникновения света науки, выдвигаются на первый план в качестве «творцов добра» для евреев и всего человечества. Эта реакционная проповедь повторяется на все лады в книге А. Маркуса «Хасидизм» (Тель-Авив, 1945), в «Книге хасидизма» А. Верфеля (Тель-Авив, 1947), в сочинениях З. Рабиновича «Литовский хасидизм» (Иерусалим, 1960), Г. Лангера «Новая тора — тайна хасидизма» (Мюнхен, 1960), Мартина Бубера «Путь людей по учению хасидизма» (Гейдельберг, 1962) и во многих других неохасидских произведениях.

В своем четырехтомном сочинении «Хасидизм и хасиды» Ш. Городецкий, рассматривая бештианство вне его генетической связи с социальными условиями жизни еврейских народных масс, рекламирует хасидизм как учение, раскрывающее сущность «таинственного духа первородного иудаизма»¹ и продолжающее откровения Моисея и пророков, творцов Талмуда и каббалы. Ш. Городецкий превозносит Бешта до небес, поет ему дифирамбы. А между тем хасидизм играл (а там, где он есть, играет) крайне реакционную роль в жизни трудящихся евреев. Он всегда был враждебен их освободительной борьбе, науке и культуре, насаждал мистику и суеверия.

¹ Ш. Городецкий. Хасидизм и хасиды, т. IV. Тель-Авив, 1954, стр. 58 (на яз. иврит).

В социалистическом обществе, где подорваны самые глубокие корни религии, ликвидирована эксплуатация человека человеком, тем самым уничтожена одна из основных причин, порождающих веру в бога. Однако в силу своей консервативности религиозные предрассудки у нас еще не изжиты.

Атеизм сам собой не утверждается, необходимо настойчиво вести атеистическую пропаганду. К искоренению всех пережитков в сознании людей призывает нас и Программа КПСС. «Партия рассматривает борьбу с проявлениями буржуазной идеологии и морали, с остатками частнособственнической психологии, суеверий и предрассудков,— говорится в Программе КПСС,— как составную часть работы по коммунистическому воспитанию»¹.

В среде верующих евреев нашей страны необходимо решительно разоблачать миф о сверхъестественном происхождении иудейской религии, праздников и обрядов, научно освещая причины появления и эволюции культа Яхве, показать реакционную роль иудаиз-

¹ «Программа КПСС», стр. 260.

ма и синагоги. При этом, конечно, нужно проявлять большую чуткость к верующим.

В. И. Ленин учил нас тому, что «бороться с религиозными предрассудками надо чрезвычайно осторожно; много вреда приносят те, которые вносят в эту борьбу оскорбление религиозного чувства. Нужно бороться путем пропаганды, путем просвещения. Внося остроту в борьбу, мы можем озлобить массу; такая борьба укрепляет деление масс по принципу религии, наша же сила в единении»¹. Научно-атеистические воззрения являются составной частью марксистско-ленинского учения, которое настойчиво и целеустремленно ведет борьбу за человека созидательного труда. Следовательно, пропаганда этих воззрений направлена против того, что обременяет трудящихся и имеет исключительно гуманную цель: освободить строителей коммунизма от пут ложной, превратной идеологии.

Атеисты не могут остаться равнодушными созерцателями той острой борьбы, которая ведется за переустройство мира на началах социальной справедливости. Они должны быть передовыми людьми, строителями нового. Перефразируя Горького, можно сказать, что атеизм в нашей стране имеет целью помочь человеку понять самого себя, развить в нем стремление к истине и возбуждать в нем гнев и мужество в борьбе против всякого проявления мракобесия, за светлые идеалы коммунизма.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 186.

Содержание

Глава I. ДОГМАТЫ	20
Ветхий завет	—
Талмуд	31
Монотеизм	53
Мессианизм и загробное царство	77
Богоизбранничество	92
Глава II. КУЛЬТ	97
Обряды	—
Праздники	113
Глава III. СЕКТЫ	127
Караимство	—
Хасидизм	131
Глава IV. ЕВРЕЙСКОЕ СВОБО-	
ДОМЫСЛИЕ	157
Критики догматов и культа	158
Просветители	185
Глава V. ИУДАИЗМ В НАШИ	
ДНИ	194
Реконструктивизм	195
Моральный догматизм	202
Религиозный либерализм	224
Неохасидизм	228
Заключение	237

Беленький Моисей Соломонович.

ИУДАИЗМ. М., Политиздат, 1966.
239с. (Б-ка «Современные религии»).

2

Редактор Ф. Гаркавенко

Художественный редактор Г. Семиреченко
Технический редактор Е. Каржавина

Сдано в набор 30 мая 1966 г. Подписано
в печать 27 июля 1966 г. Формат 70×108¹/₃₂.

Физ. печ. л. 7¹/₂. Условн. печ. л. 10,5.

Учетно-изд. л. 9,47. Тираж 85 тыс. экз.

A16036 Заказ № 4102. Бумага № 1. Цена 31 коп.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Тип. изд. «Звезда», г. Пермь, ул. Дружбы, 34.

Цена 31 коп.

И. С. Леонидов

и Ю. Д. Акин

С

М